

В. Л. ОБУХОВ

ОТ ФИЛОСОФИИ К ФИЛАЛИФИИ

Издание второе, стереотипное

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ–ПУШКИН
ХИМИЗДАТ • 2023

О 26

Рецензенты:

М. А. Арефьев, докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и социально-гуманитарных наук СПбГАУ.

М. Н. Миловзорова, докт. филос. наук, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Безопасное развитие социальных систем» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова.

Обухов В. Л.

О 26 От философии к философии. СПб.: ХИМИЗДАТ,

2023. – 248 с.

ISBN 978-5-93808-398-1

Книга посвящена показу не только неизбежного движения философии к философии, но и того нового, что автору удалось привнести в науку за более чем полувекковой период служения ей.

ISBN 978-5-93808-398-1

© В. Л. Обухов, 2023

© ХИМИЗДАТ, 2023

ВВЕДЕНИЕ.

1. Что такое филалифия?

*Издеваться над философией, это значит –
поистине философствовать.*

Блез Паскаль

Причины современного кризиса науки.

В эпоху язычества главным инструментом познания мира являлся миф как целостное, нерасчлененное (синкретическое) знание о мире. По сути это была эпоха безраздельного господства обыденного сознания, эпоха «здорового смысла», когда из целостного знания еще не выделялись ни науки, ни искусство, ни религия, ни философия. Это нерасчлененное сознание не только помогло человечеству выжить, но и дало возможность подняться со ступени варварства на ступень цивилизации.

Затем возможности такого познания мира оказались исчерпанными, и в мир пришла философия как богоизбранная наука, как верховный арбитр во всех спорах. Признание философии богоизбранной наукой привело к тому, что Греция до сих пор занимает первое место в мире по числу гениев на тысячу жителей, и именно Греция подарила человечеству не только зачатки основных наук, но и непревзойденные образцы творений в области архитектуры и скульптуры. Интересен такой факт: маленький (по нынешним масштабам) городок Абдеры греки прозвали городом глупцов, поскольку он дал миру «всего» двух гениев: отца медицины Гипократа и отца материализма Демокрита. Никакие успехи в области педагогики и психологии так и не помогли человечеству за многие века «догнать» Грецию по числу гениев. Господствующее положение философии в умах людей античного мира продолжалось тысячу лет.

Но эпоха Средневековья отбросила философию до уровня служанки, а верховную роль теперь заняло богословие. Только религия теперь признается верховным арбитром и третьей судом судьей во всех спорах. Всякое инакомыслие подавлялось, а ученых, думающих не так, как требовала Библия и отцы церкви, отправляли на костер. Одновременно в эту эпоху появляются и муссируются такие понятия, как грех, вина, искупление вины, любовь к людям и

т.п. Эпоха безраздельного господства религиозного сознания в общественном мнении длилась тысячу лет.

Но и ей приходит конец, наступает эпоха Возрождения, длившаяся три столетия. В эпоху Возрождения высшими кумирами (титанами) становятся деятели культуры: художники, скульпторы, архитекторы. Эпоха теоцентризма (Бог в центре) сменяется эпохой антропоцентризма (человек в центре). Это открыло такие колоссальные внутренние резервы, что один человек мог проектировать и подводные лодки, и летательные аппараты, и парашюты, и водные лыжи. Кроме того, он мог строить крепости и создавать новые, более мощные пушки. А еще – писать картины такого уровня, который никогда уже не будет достигнут в истории человечества. Авторитет деятелей культуры в это время был так велик, что мастера Великого Возрождения позволяли себе писать обнаженную натуру даже в самом Ватикане. Правда, служители церкви вскоре опомнились и послали маляров пририсовать к обнаженным фигурам трусики. Но потом они еще раз опомнились, понимая, что эти фигуры писали непревзойденные мастера, и снова послали маляров трусики снять. Именно в это время появляется опыт, как то единственное, что может подтвердить правоту высказываний ученого. И это подготовило промышленную революцию и переход к новой эпохе.

Но с переходом к Новому времени, со сменой эпохи происходит и очередная смена лидера. Теперь на пять столетий безоговорочным авторитетом, третейским судьей во всяких спорах становится наука. Авторитет науки становится таким непререкаемым, что только за ней теперь закрепляется право давать советы обо всем на свете. Это положение породило у науки такое чванство, что она вообще перестала обращать внимание на остальных четырех своих сестёр (искусство, философия, обыденное сознание, религия). Как отмечал О. Манделштам, у нас между наукой и искусством пошлейшее разделение труда, полное отсутствие всякого любострастия. Априори стало считаться, что и обыденный опыт, и религия, и искусство, и философия в подметки не годятся науке и ждать от них чего-либо ценного не стоит. Апофеозом подобных представлений явился позитивизм.

Но на наших глазах, в конце XX – начале XXI века впервые в истории человечества складывается ситуация, когда нет больше безоговорочного лидера, которому можно было бы доверять. Авторитет и обыденного сознания, и философии, и религии, и искусства, и науки оказался в равной мере «подмоченным». *Если на рубеже XIX – XX веков был известный кризис естествознания, то в настоящее время происходит нечто гораздо более грандиозное, что пока еще далеко не всеми полностью осознано – кризис всего*

научного познания. Наука перестала быть самой авторитетной формой познания мира, перестала быть третейским судьей, высшим арбитром во всех спорах. Особенно остро этот кризис проявился в нашей стране, когда в одночасье научность марксистско-ленинской философии, политэкономии социализма, научного коммунизма (а вместе с ними и многие догматические положения других наук) была поставлена под сомнение, и мы оказались у разбитого корыта. Ситуацию полной растерянности общества хорошо передает написанная в то время новая Конституция, которая провозгласила отказ от государственной идеологии. Это означало, что мы не знаем, что мы хотим и куда мы идем, и не желаем этого знать.

Современное состояние науки прекрасно иллюстрирует ее кризис. Кризис науки, это когда одни ученые с восторгом отзываются о теории относительности А. Эйнштейна, в то время как другие называют ее «бредом сивой кобылы в лунную ночь». Это когда одни ученые уверены, что в начале становления Вселенной был Большой взрыв, другие же, напротив, утверждают, что никакого Большого взрыва не было и Вселенная вечна. Небывалая разногласия происходит сейчас на всех уровнях развития науки, и это означает, что наука достигла максимума своих возможностей и у нее нет больше сил быть верховным правителем и непререкаемым авторитетом. Приведу пример. Желая избавиться от лишнего веса, приобретенного в пандемию, я обратился к наставлениям диетологов. Все в один голос рекомендуют отказаться от жирного и сладкого, чего мне никак не хочется. И вдруг я получаю статью американских ученых с характерным названием: «Если бы мозг имел возможность самостоятельно ходить в холодильник и брать оттуда то, что ему нравится, он питался бы салом в шоколаде». Оказывается, мозг на 60 % состоит из жироподобных веществ, поскольку жир обеспечивает мозг запасами энергии, а быстрое топливо он получает от углеводов. Составляя всего 2 % массы тела, мозг потребляет 20 % всей энергии организма. Вот почему он больше всего на свете любит жирное и сладкое. Получается, что не я хочу сладкого, а мой мозг. Кому из ученых верить?

Можно привести еще пример. Во всем мире идет дискуссия об отношении к эвтаназии: разрешать или нет неизлечимому больному добровольный легкий уход из жизни с помощью врачей. Если «да», то кто должен произнести решающее слово? Больной? Но он вчера принял такое решение, а сегодня рад, что оно не исполнено, поскольку он еще не со всеми повидался и попрощался. Родным? А какие у него родные? Может они только и ждут получить его наследство. Врачам? А как в таком случае быть с клятвой Гиппократова, по которой врач обязан принять все меры к излечению больного, а не к умерщвлению его. Кроме того, если этот вопрос

разрешить врачам, они, несомненно, первыми на тот свет станут отправлять необеспеченных пациентов, которым нечем платить за дорогостоящее лечение. В ситуации полной неопределенности возможен только один выход: опросить все стороны, а затем, собрав воедино все плюсы и минусы, долго-долго думать. Да, это очень тяжело, но что делать, если мы живем в эпоху, когда впервые за всю историю нет верховного арбитра. Каждый из пяти видов познания, будучи в свое время верховным арбитром, доказал, что претензии одного вида заменить собой, подмять все другие виды, заканчиваются крахом. И последний вид – это наука, и ее претензия быть единоличным верховным арбитром, игнорируя все другие, приводит ее к закономерному кризису.

Происходящий на наших глазах кризис науки, ее неспособность разобраться в самых простейших явлениях окружающего нас мира, потеря ей функции высшего арбитра, привела к тому, что вокруг нас сейчас наблюдается мощнейшая разбалансировка, неустойчивость мира: участвовавшие политические и экономические кризисы, перевороты, военные столкновения и т.д., когда никто не знает, что ждет нас завтра, вследствие чего усиливается интерес к эзотерике и всяческой магии. Подобно тому, как на рубеже XIX-XX веков кризис физики привел к кризису всех наук, подобно этому происходящий сегодня кризис познавательных способностей науки проецируется на кризисе всех существующих форм познания вообще. Кризис науки отражается не только на науке, а вообще на всех сторонах общественной жизни.

Религия. Только в условиях проходящего кризиса священник, заявивший в телевизионной передаче со ссылкой на Библию, что гомосексуализм есть грех, навсегда изгоняется из телевидения. На днях от друзей я получил краткое сообщение: «В церкви Святого Павла в шведском городе Мальмё появился первый ЛГБТ-альтарь. На нем изображена картина «Рай» с однополыми парами в Эдемском саду». Храм, долженствующий увековечить идеи Библии, им противоречит.

Политика. Кризис политики, это когда президентом России может баллотироваться сводница, создавшая омерзительную передачу «Дом-2», а на президентских выборах на Украине баллотируется и побеждает комик.

Искусство. Кризис искусства, это когда наиболее популярные деятели искусства активно обслуживают олигархат, даже если он с криминальным душком. Кризис в искусстве, это когда в Эрмитаже проходит выставка французского художника, который «писал» свои картины черной краской при помощи обыкновенной швабры. Это когда директор Эрмитажа с радостью сообщает о покупке Эрмитажем «Черного квадрата» Малевича, и торжественно

обещает, что если удастся приобрести и оставшиеся три «квадрата», он выделит под них целый зал Эрмитажа

Философия. В условиях кризиса науки философия рассмотрению важнейших проблем современности предпочла постмодернистские пережевывания давно сказанного другими. Не случайно председатель Философского общества Санкт-Петербурга, профессор Юрий Никифорович Солонин на эту ситуацию откликнулся статьей: «Философ без... философии». Философов перестали волновать глобальные проблемы бытия и познания, чем славилась философия в прошедшие века. Я был участником конференции, где работала секция с характерным названием: Философия пива. Пивзавод Степана Разина предоставил этой секции ящик пива, чтобы им сподручнее было философствовать о пиве.

Обыденное сознание. Кризис науки приводит к тому, что наиболее значимые ценности, веками создаваемые лучшими умами человечества, вдруг пошатнулись, более того, стали высмеиваться.

Итак, наука перестала быть кумиром, науке перестали беспрекословно доверять.

Филалифия как главная познающая система человечества.

Какой выход из сложившейся ситуации я предлагаю? Предлагается осмыслить, наконец, тот факт, что и обыденный опыт, и философия, и религия, и искусство, и наука имеют равное право на существование и равное право на познание окружающей действительности (вклад каждого совершенно необходим и ничем не заменим, что доказывает вся история человечества). Но при этом каждый вид познания имеет свои ограничители и не способен в одиночку заменить все другие. Претензии на диктаторство, на единоличное господство над сознанием людей с треском на наших глазах провалились. Поэтому предлагается объединить усилия всех пяти основных видов познавательной деятельности, что позволит человечеству выйти на новый, более высокий уровень познания действительности, не доступный каждому виду в отдельности.

У Николая Кузанского есть чудесное размышление. Старинный город обнесен каменной стеной. В стене той пять врат, направленных в разные стороны света. Рано утром эти врата открываются, и пришедшие издалека люди устремляются в город. Некоторые из них доходят до самого центра, где размещается дворец правителя. Некоторые доходят и до самого дворца, где сообщают правителю сведения о тех метах, откуда они пришли. Правитель, не выходя из дворца, анализируя и сопоставляя информацию, полученную с пяти концов света, получает целостное знание об окружающем мире. Эти пять врат – ни что иное, как наши

пять органов чувств, а правитель – наш мозг, наше сознание, владеющее всей полнотой знания об окружающем мире.

Заменим в этом рассуждении пять органов чувств пятью основными познавательными видами, и мы получим искомое утверждение: все пять видов познавательной деятельности, известные человечеству, в отдельности дают неполную, одностороннюю картину мира (что и определило их кризис) и только вместе они способны на адекватное отражение бытия.

Для обозначения нового, синтетического знания мой старинный приятель Вадим Николаевич Номоконов предложил использовать термин филалифия. Когда-то мы предполагали вместе писать книгу о филалифии и даже начали, но дальше начала дело не пошло... Но в любом случае я благодарен Вадиму Николаевичу за предложенный термин и, насколько это возможно, постараюсь его обосновать.

Две науки в своем названии имеют корень «фил» (любовь): философия и филология. Обе они зародились еще в Древней Греции. И вот сложились все предпосылки для рождения третьей науки с таким словом – филалифия. И рождается она теперь в России. Каковы эти предпосылки, делающие рождение филалифии неизбежным актом?

Слово «филалифия» в переводе с греческого означает «любовь к истине» (алифия – истина, правда) подобно тому, как слово «философия» означает «любовь к мудрости». Под истиной принято понимать адекватное отражение действительности субъектом, воспроизведение ее такой, какая она есть вне и независимо от сознания. По форме истина субъективна, поскольку она есть свойство человеческого знания; по содержанию истина объективна, так как не зависит от сознания, а обусловлена отображающейся в ней реальностью.

Если посмотреть на ход исторического развития человечества с точки зрения филалифии, то можно вполне обоснованно сказать, что, в общем и целом, он являлся постепенным, хотя далеко не последовательным движением в сторону все большего постижения истины.

Это касается как эволюции самого человечества, так и отдельных составляющих культуры. *В науке* продвижение к истине означает все более полное, глубокое и адекватное познание законов и закономерностей объективного мира. *В технике* – это создание устройств, освобождающих человека от рутины физического и умственного труда и способствующих развитию его творческих способностей. *В философии* – это углубленное и всестороннее изучение важнейших проблем и наметившееся преодоление крайностей различных подходов, в частности, крайностей

материализма и идеализма. *В искусстве* – это сочетание различных течений с общей направленностью на «разумное, доброе, вечное», на утверждение гуманизма и на подъем духовности. *В политике* – это ориентация на возможно большее воплощение справедливости в международных отношениях и при решении конфликтных ситуаций. (Хотя этот процесс идет с большим трудом, но прогресс очевиден; если кто-то в этом сомневается, то пусть вспомнит, куда ушли откровенная «дипломатия канонеров», «политика с позиции силы»; такая же судьба ожидает и попытку осуществления «глобализации при доминировании некоторой державы», поскольку реально возможно достижение единства человечества исключительно на принципах добровольности и справедливости).

Отмечая все эти позитивные сдвиги во всеобщем приближении к истине, необходимо выявить и основные трудности, приведшие к тому, что каждый из компонентов культуры в настоящее время испытывает кризисные явления, зачастую, образно говоря, блуждая в лабиринте или попадая в тупики. Здесь, кроме естественных трудностей, сопровождающих процесс снятия покровов с истины, все в большей степени проявляет себя препятствие в виде распространяющегося *равнодушия, безразличия по отношению к степени истинности того или иного знания*. Позитивная любознательность подменяется праздным любопытством, когда ценятся не столько истинные знания, сколько сенсационные сведения или даже измышления. Такого рода негативные тенденции провоцируются и тем, что сейчас, как никогда ранее, появилась возможность извлекать большие доходы из распространения дезинформации, то есть сообщений о псевдооткрытиях, ложных находках или небывалых случаях. Это уже стало одной из прибыльных сфер «индустрии развлечений с информационным уклоном».

Становление «информационного общества», в котором каждый человек погружен в нарастающий поток разного рода информации, где содержатся противоречивые, недостаточно проверенные и просто ложные сведения, привело к тому, что во многих случаях отличить ложь от истины становится весьма затруднительным. *Дело доходит до того, что людям приходится выбирать не между истиной и ложью, а между двумя или несколькими видами лжи (или полуправды), предоставляемыми им средствами распространения информации*. К проблеме различения истины и лжи примыкают проблемы различения добра и зла, света и тьмы, прогресса и регресса.

В сложившихся условиях предлагается поставить филалифию – любовь к истине – как компас при поиске истины, который будет указывать общее направление движения.

Филалифия не есть просто высший этап развития философии, поскольку сама философия присутствует в филалифии в снятом виде, наряду с искусством, наукой, религией, обыденным опытом. Науке известно понятие «синергетический эффект». Именно он ставит филалифию в особое положение, поскольку окажется, что именно она может дать такое богатое, такое полное знание, какое недоступно никакому виду познавательной деятельности, взятому в отдельности. *Филалифия есть синтез всех основных видов познания, в котором каждый вид познавательного процесса существует в измененной форме, испытывая влияние всех других познавательных видов.*

Утверждая филалифию, мы в известном смысле возвращаемся к старому, исходному (первым векам существования философии) но на высшем уровне. Ведь что такое диалоги Платона? – Это художественные произведения, написанные в литературной форме. Это философия, поскольку в них обсуждаются важные философские проблемы. Это религия, поскольку персонажи постоянно обращаются к богам, к высшей реальности. Это обыденное сознание, поскольку автор обращается к реальным людям и реальным событиям. Это, кроме того, важные проблески науки, где Платон предвосхищает на тысячелетия научные открытия. Чего стоит только его утверждение, что атом не может быть неделимым, поэтому первокирпичик бытия правильнее называть не атомом, а элементом. Д.И. Менделеев, как известно, послушался Платона и свою таблицу назвал таблицей химических элементов. Ведь именно синкретичность знания древних авторов, т.е., по сути – наивная филалифия, и позволила грекам прорвать горизонты и на многие столетия опередить свое время. Не случайно мы до сих пор многому учимся у них.

Когда-то В.С. Соловьев, сторонник реалистической философии, говорил, что окружающий мир состоит из трех слагаемых: материи, энергии и духа. При этом философия акцентирует свое внимание на материи, наука – на энергии, а религия – на духе. Если философия, наука и религия найдут тропинку друг к другу и придут к взаимопониманию, то им станет ясно, что материя, энергия и дух – это не три разных субстанции, а три ипостаси, три лика единой субстанции, называемой бытием. По сути, мы реализуем мечту Соловьева, добавляя к его трем видам еще обыденное знание и искусство.

Филалифия – это научно-философско-религиозный подход к исследованию проблем и явлений с привлечением жизненного опыта и искусства. По существу, – это такой подход к исследованию многоплановых явлений или решению сложных задач, при котором к работе привлекаются все компоненты (или их необходимая часть),

причем организуется как индивидуальная, так и совместная работа этих компонент, а все полученные результаты интегрируются для выработки конечного (на данный период времени) решения. В более широком плане, филалифия – это система из пяти упомянутых выше компонентов культуры, осуществляющая многомерное отображение реальности, при котором в качестве эффекта системы достигается наилучшая (для имеющихся условий) степень приближения к Истине.

Надо отказаться от тезиса о том, что познание как таковое является высшим смыслом содержания жизни человека. Философы должны от познания повернуться даже не к просвещению, а к помощи людям в получении этими людьми Истины. Вот об Истине говорят все, вкладывая каждый собственное содержание в это понятие без достаточных уточнений этого содержания даже для самого говорящего. Можно утверждать, что Истина – это необходимом звено перехода от результатов познания к прогрессу жизни в результате практической жизнедеятельности. Детализация предложенного понимания истины сразу же обнаруживает неполноту обеспечения истины ни по одному из направлений ее создания.

Язык филалифии.

Трудность предстоящей работы не только в том, что мы собираемся соединить несоединимое (во всяком случае, давно и жестко разделенное), но и в том, что для утверждения филалифии потребуются новый язык, поскольку чисто научный, чисто философский или чисто религиозный не будут подходить. Здесь уместно вспомнить аналогичное рассуждение Ломоносова о русском языке: «Карл V, римский император, говаривал, что гишпанским (испанским) языком с Богом, французским – с друзьями, немецким – с неприятелем, итальянским – с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашёл бы в нём великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков».

Так же и филалифия должна сочетать в себе аргументированность науки, красоту и душевность искусства, возвышенность и одухотворенность религии, здравый ум обыденного сознания и проникновенность в сущность всех вещей философии. Только при таком условии филалифия даст подлинную истину, а не достоверность, как некое подобие ее. Возможно ли это? Как связать науку и религию, если тысяча лет господства религии и пятьсот лет господства науки привели к тому, что они говорят на

совершенно разных языках и даже при желании не способны понимать друг друга. Как соединить науку и искусства, если, по словам Мандельштама, между ними существует пошлейшее разделение труда и полное отсутствие всякого любопытства? Как соединить науку и обыденное знание, если у нас принято презрительно относиться к философии «здравого смысла»? Мы отдаем себе отчет в титанической сложности поставленной задачи, но нас вдохновляет то, что у древних греков она была разрешена, и не случайно они достигли невероятных высот и в философии, и в науке, и в культуре, которые до сих пор поражают нас и в некоторых отношениях предстают как недостижимые.

Из сказанного следует, что язык философии строится не только на основе разума, но и на основе чувства. Поэтому в повествовании допустимы и юмор, и грусть, и недоумение, и назидание. Это будет живой язык, это будет то «живознание», к которому жадно стремилась отечественная философия реалистической направленности. Другой возможности получить полностью адекватное окружающей действительности знание не существует.

2. МОЙ ПУТЬ В ФИЛОСОФИЮ

КТО ТАКИЕ ФИЛОСОФЫ?

Все люди познают мир. Познают для наиболее гармоничного в него вхождения. Для определения своих способностей и возможностей как-то изменить мир, или, по крайней мере, свое пребывание в нем. Человек начинает познавать мир с первой минуты появления в нем. Я видел, как ребенок в день появления на свет осмысленно, медленно крутил головой, знакомясь с окружающим миром, в котором он появился. Видел лицо моего сына во второй день, когда он вдруг улыбнулся, улыбнулся такой осмысленной улыбкой, какой улыбается человек в юности, когда он счастлив и влюблен. То есть даже в этом, первозданном возрасте только что появившийся на свет человек не только пытается познать окружающий его мир, но и как-то оценивает его. Посмотрите на лицо ребенка первого года жизни: сколько пытливей философской глубины в его долгом всепроникающем взгляде на окружающий мир.

На мой взгляд, философичность присуща всем людям, и в наибольшей степени она проявляется в начальный, когда человек только появляется в мире и все для него ново, и в конечный периоды жизни, когда он подводит итог прожитому. Если философичность присуща всем людям от рождения, то что же отличает философов от всех остальных людей? Что необходимо для

занятия философией? Аристотель утверждал, что для занятия философией необходимы удивление и досуг. И с ним нельзя не согласиться. Большинство людей, как-то устроившись в мире, привыкают к рутине и перестают задавать себе вопросы, кроме бытовых. Философы же сохраняют детское мировосприятие до конца дней своих, не уставая задавать окружающему миру все новые и новые вопросы, и мучительно ища на них ответы. Способность постоянно удивляться связана и с повышенной любовью философов к жизни, которая для них всегда сохраняет новизну. Так же как способность удивляться, философу жизненно необходим досуг. О досуге когда-то хорошо сказал Пушкин, говоря о «праздности вольной – подруге размышлений».

Что заставляет философа вечно пытаться постичь ту глубину, которую никто до него не достигал, зачем ему это? Мне кажется, и на этот вопрос тоже попытался дать ответ Аристотель. Бог создал мир, философ поднялся над миром и отстранил его со словами: отойди, и не мешай мне мир, тобою созданный, оценить. Иными словами, философ – это тот, кто пытается сравниться или даже превзойти Бога, объясняя ему, что тот натворил. Не случайно греки называли философию богоизбранной. Если Бог, по представлению греков, есть чистый разум, то философ, подчиняя всю свою жизнь познанию, этим самым приближается к Богу. Не случайно, по мнению Платона, все философы после своей физической смерти идут в мир богов и вместе с ними управляют миром.

Еще два необходимых условия для занятия философией были подмечены Марксом – это смелость и свобода. Большинство населения земного шара живет в оболочке стереотипов, т.е. ходячих заблуждений, по принципу «все так думают», и не пытаются подвергнуть сомнению эти стереотипы. Другое дело – философы, которые живут по принципу «подвергай все сомнению». Еще Сократ провозгласил право каждого человека иметь свое собственное мнение, даже если оно расходится с мнением большинства. Скорее всего, Сократ здесь имел в виду не каждого человека, а именно философа. Но идти против толпы, против общепринятого, означает – быть отверженным, изгоем. Не случайно Сократ за данное и подобные им утверждения поплатился жизнью. Еще древнеримский философ Боэций в своей предсмертной книге «Утешение философией» перечислял тех, кто в античный период поплатился жизнью за свое служение философии. Но и в Новое время их продолжали подвергать репрессиям. Их сжигали (Дж. Бруно), судили (Г. Галилей), четвертовали (Томас Мор).

Среди представителей всех профессий философы занимают первое место в мире по числу отверженных, гонимых,

уничтоженных. В царское время их ссылали (Чернышевский), выслали (Герцен), объявляли сумасшедшим (Чаадаев). В сталинскую эпоху их выслали (Бердяев), сажали в тюрьму (Лосев), расстреливали (Флоренский). В после сталинское время их за самостоятельное мышление (а настоящий философ не может функционировать без самостоятельного мышления) изгоняли с работы. (Сам проходил это, поэтому хорошо знаю). Тот, кто не способен идти против общепринятого, отстаивать собственное знание, тот не философ.

Но и свобода нужна философу, как воздух. Только в условиях свободного обмена мнениями в философии рождаются новые прорывы, определяющие путь философии на десятилетия и даже на столетия. Не случайно Греция явилась не только родиной философии, но и родиной демократии. Не случайно также в русской философской мысли свобода почитается выше Бога и старше Бога – Ungrund, по Бердяеву. Именно в условиях свободы, которую принесла перестройка, мы с Лидией Ивановной Сугаковой и Романом Алексеевичем Зобовым смогли обосновать величие и необходимость реалистической философии, о которой речь пойдет ниже.

Детскость мировосприятия философов породила еще одну их особенность, которую можно выразить словами «хочу все знать». В детстве ребенка тянет к очень многому: он хочет рисовать, петь, конструировать, ходить в походы, читать книжки, узнать про разные страны, писать стихи и многое другое. Со временем область интересов заметно сужается. Мне неоднократно говорили студенты, как многое из того, что их волновало и интересовало в детстве, к студенческим годам перестало интересовать. Философы же, сохраняя детское мировосприятие, сохраняют открытость к миру до конца. Не случайно Сократ сравнивал философа с пятиборцем: он не должен быть победителем в каждом виде, но должен быть сведущ обо всех.

Итак, все люди рождаются философами, но не все ими становятся. Более того, даже далеко не все, кто имеет диплом философа, на самом деле таковым является. Это открытие я сделал для себя после окончания философского факультета. Всех философов я разделил на две группы: философов по профессии и философов по призванию. Философы по профессии – это те, кто хорошо знает, кто из философов что сказал. Они могут детально сравнивать разных философов, выискивая их сходство и различия. Но дальше пересказа чужих взглядов и их оценки они не идут.

Другое дело – философы по призванию. Они тоже знают, кто из философов что сказал, и очень трепетно относятся к истории философии. Но для них главное – что ОНИ САМИ могут сказать, в

чем они могут продвинуться дальше и глубже всех остальных, чем они могут обогатить философию, которой они ревностно служат. Эти философы являются «белыми воронами» в философском цехе, и постоянно подвергаются остракизму.

ОТКРЫТИЕ МИРА В ДЕТСАДОВСКИЙ ПЕРИОД

Какие открытия в детсадовском возрасте предопределили мой путь в философию? Я помню себя с двух с половиной лет. В марте 1941 года от туберкулеза умер мой отец, Кутьин Борис Дмитриевич. (Я ношу фамилию второго отца, усыновившего меня в семилетнем возрасте). Через три месяца, когда мне исполнилось три года, началась война, и я практически всю войну. – с 41 по 45 годы находился в круглосуточном детском саду. Что в этом возрасте предопределило мой приход в философию? – Одиночество. У меня умер отец, мама была недосыгаема. Она работала санитаркой в эвакогоспитале, и в войну она при госпитале и жила. Как мне рассказывала мама, в эвакогоспиталь доставляли раненых прямо с поля боя, и там подлечив, отправляли долечиваться в стационарные госпитали. Работа поэтому была страшной, и она приравнивалась к службе на передовой; не случайно мама имела несколько правительственных наград. Встречи с ней в блокадный период были настолько редки, что хватило бы пальцев одной руки, чтобы их всех пересчитать.

Воспитателям, по большому счету, тоже было не очень до нас. Они чаще общались друг с другом, где обменивались весточками с фронтов от мужей, братьев, отцов. В силу сказанного, мне многие проблемы, возникающие в этом возрасте, приходилось решать самостоятельно, на основании предфилософских раздумий. Какие это были проблемы?

Первая блокадная зима запомнилась наиболее частыми походами в бомбоубежище. Кстати, в один из таких походов бомба упала на наш детский сад, и нам не было куда возвращаться, поэтому остаток зимы мы провели в темном холодном подвале. Так вот, при одном из походов я увидел грузовую машину, которая стояла прямо перед входом в бомбоубежище. При моем маленьком тогда росте я увидел в середине, между передними колесами, какой-то круглый нарост. Я тогда не знал еще, что он называется карданным валом. Сознание подсказывает, что и война – это тоже какой-то нарост на живом теле. Невольно возникает вопрос: мог ли этот нарост на машине каким-то образом породить войну? Ответ я не смог определить, но какое-то смутное чувство связи всего со всем, в том числе, таинственных связей между самым разными предметами, у меня осталось.

Поскольку Ленинград часто одаривает жителей города дождем, постольку мне приходилось решать и вопрос происхождения дождя. Решение получилось вполне в духе трехлетнего ребенка. Высоко-высоко в небе подвешено очень много крючков. На них цепляются капельки воды. При сильном ветре или тряске эти капельки срываются вниз и возникает дождь. Поскольку облачных дней в Ленинграде очень много, пришлось решать и вопрос происхождения облаков. Однажды, наблюдая за дымом, выходящим из высоких заводских труб, я обратил внимание, что он по цвету напоминает тучи над городом, и к великой радости я в тот день сделал важное «открытие»: тучи над городом слагаются из дыма, идущего из заводских труб. Были и более приземленные вопросы, которые также требовали своего решения. Слушая сигналы воздушной тревоги и отбоя, у меня возник вопрос: эти сигналы воспринимаются как тревожные и радостные потому, что в них самих содержится тревожное и радостное звучание, или это только потому, что они возвещают тревожное и радостное событие? После многократных наблюдений я пришел для себя к выводу, что в самих сигналах есть что-то тревожное и радостное.

Но самым главным в блокадный период для моего философского развития был выезд нашего детского сада летом 1942 года на дачу. На даче мы пели песни, собирали цветы, ходили в походы, катались на круглых качелях, купались в озере. Ни разу не объявлялась воздушная тревога и если и был гром – то только от грозы. Пришлось напрячь мыслительные усилия и решать очередной вопрос: почему в городе дыхание войны постоянно чувствовалось, а на даче – нет? После «глубоких» раздумий я пришел для себя к единственно возможному тогда решению: мы долго ехали в автобусе и поэтому уехали от войны. Много позже я узнал другую причину: немецкие пушки до Озерков не доставали, а у финнов, которые были всего в 25 километрах, не было дальнобойной артиллерии.

Но самым главным открытием в то лето было обнаружение живого начала в природе. Из той земли, которая нам представляется мертвой и по которой мы ходим ногами, рождаются изумительно красивые цветы. Какое-то магическое действие на меня произвела северная роза – шиповник, который рос у нашего деревянного дома. Я не мог оторвать глаз от него, когда проходил мимо. Когда я впервые увидел незабудки, меня потрясло, что они с радостью смотрят на меня своими красивыми глазами. Когда в солнечный день я подходил к озеру, оно встречало меня красивейшим калейдоскопом переливающихся солнечных зайчиков. Я был абсолютно уверен, что озеро радуется мне, приветствует меня, и, громко смеясь, я бежал к воде, чтобы обнять

этих зайчиков. Иными словами, я пережил тот гилозоизм, который в младенчестве пережило человечество. В условиях пляски смерти я вдруг почувствовал, что в природе содержится мощное животворящее начало, что жизнь неистребима. Когда много лет спустя я с восторгом показывал моим детям появление первых травинок, появление мать-и-мачехи, они невозмутимо пожимали плечами и шли по своим делам. Я понимаю, что благоговение перед природой у меня воспитала Блокада. Как я понимаю и то, что, если бы я не провел в блокадном городе своего детства, сейчас не было бы философского общества реалистической философии, которое я возглавляю. Поэтому не случайно свою книгу, посвященную Блокаде, я так и назвал «Меня воспитала Блокада».

И еще один вывод, связанный с Блокадой, мне пришлось сделать. Животворящее начало есть не только в природе, но и в обществе тоже. В обществе оно называется культура. Именно культура подпитывала дух ленинградцев и позволила им победить. Не случайно в городе весь блокадный период работали театры и кинотеатры, книжные магазины и библиотеки, в клубах проходили цирковые представления. Да и в нашем детском саду была мощная самодеятельность, и к нам дважды приезжали киношники снимать ее выступления. Не случайно весной 1942 г., когда мама с моим новым отцом, навестив меня, спросили перед уходом: что тебе принести? – я просил не еду, а бумагу, чтобы рисовать, как мы бьем фашистов. Поэтому для меня Блокада, прежде всего, и запомнилась культурой¹.

ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ШКОЛЬНЫЙ ПЕРИОД

В 1948 году, когда я учился в четвертом классе, учительница на уроке рассказывала нам, как помещики и капиталисты пили кровь из трудового народа, эксплуатировали его. Для подтверждения своей правоты она предложила обратиться к нашим бабушкам, которые на тот момент 30 лет жили при царском режиме, и столько же – при советском. Я сразу же пошел к бабушке по материнской линии Констанции Игнатьевне с вопросом: как ей жилось при царях. Бабушка, немного подумав, ответила: – А хорошо жили, такие веселые вечеринки устраивали. Ее ответ шокировал меня, и я никак не мог понять: бабушка политически отсталый человек, и не понимает, как ее эксплуатировали, или все было не так, как нас учили в школе. Я любил свою бабушку, поэтому больше доверял ей. Благодаря бабушке у меня не только возник скепсис к утверждению, что раньше все было плохо, но и скепсис к утверждению, что сейчас

---

¹ Подробно об этом см.: В.Л. Обухов. Меня воспитала Блокада. СПб., 2020.

все хорошо, поскольку в тот же год бабушка рассказала мне такой анекдот.

– Забрали деда за длинный язык в НКВД. Пошла бабка его выручать. – За что вы деда забрали? Какой он враг народа, – он мухи не обидит. – Бабка, а ты знаешь, что он говорил? – Да слушайте вы его, дурака старого – он врет, как советское радио. И так, бабушка привила мне здоровый скепсис по отношению к «общепринятому», тот скепсис, без которого подлинный философ невозможен, и который древние римляне отразили в формуле: подвергай все сомнению.

В следующий год страна отмечала семидесятилетний юбилей «отца народов». Наши СМИ были забиты информацией, посвящённой этому событию, в связи с чем мой отец однажды заметил, что Сталин уже старенький. Я снова испытал состояние шока. Для нас Сталин был полубогом, вечно живущим «гением всех времен и народов», а оказывается он обыкновенный человек, и скоро будет ходить с костылем и шаркать ногами. Еще более важную информацию я получил от своей мамы в марте 1952 года, когда она объяснила мне, что Сталин заставил всех хвалить себя. Таким образом, для меня культ личности Сталина был развенчан за год до его смерти и за четыре года до известного доклада Хрущева. И я благодарен своим родным, что с их помощью смог освободиться от культа Сталина еще при его жизни, семьдесят лет назад.

Когда сегодня, как по команде, наши СМИ вновь зачем-то начала насаждать культ тирана № 1 в истории России, рассказывая сказки, будто он был великим гуманистом, я не смог молчать и на основании многочисленных исторических документов и фактов показал, каким он был на самом деле². Документально подтверждено, что Сталин свел в могилу больше своих соотечественников, чем все князья, цари, императоры России вместе взятые. Сталин действительно сделал много полезного для страны, но еще больше он ей принес вреда, от которого мы до сих пор не можем оправиться.

В 8 классе нам вместо биологии преподавали основы дарвинизма. Молоденькая учительница рассказывала нам, что по Дарвину человек произошел от обезьяны. Я никак не мог поверить этой информации и после урока подошел к учительнице со своими сомнениями. Я сказал ей, что не верю в это, и, если ученые так утверждают, пусть докажут: возьмут обезьяну и выведут из нее человека. Учительница ответила, что человек произошел не от современной, эволюционировавшей, а от древней, ныне вымершей, обезьяны. Я продолжал настаивать: если общество может

---

² В.Л. Обухов. Грозные правители России. СПб., 2021.

деградировать, значит при создании соответствующих условий и обезьяна сможет деградировать и вернуться в свое первобытное состояние. Не помню, что она мне на это ответила, но на следующем уроке она объявила классу о моей способности к самостоятельному мышлению. За это я от одноклассников до конца учебы получил кличку «философ».

В 9 классе меня накрыла вторая, мощная волна любви к музыке. (Первая была в блокадном Ленинграде). Я стал брать уроки игры на фортепьяно, покупать абонементы в большой и малый зал филармонии. Записался в библиотеку филармонии. Посещал оперные спектакли в консерватории. И даже стал сочинять музыку. Это ничем не передаваемое чувство, когда у тебя из «ниоткуда» вдруг рождается красивая мелодия. Для описания этого чувства подойдет, наверное, только одно слово – волшебство. Я стал проектировать большие музыкальные формы и мечтал о славе композитора. По ночам мне снилось, что я управляю симфоническим оркестром, исполняющим мою музыку. Но... не срослось. В 10 классе родители, видя мое бешенное увлечение музыкой и, боясь, что оно помешает мне хорошо закончить школу, запретили мне музыкой заниматься. После школы я вынужден был пойти на службу в армию, а по возвращению из нее поступил на Балтийский завод, поскольку там давали общежитие. И если весь день я работал на заводе сварщиком, то по вечерам я бегал заниматься на философский факультет Университета. В результате всего этого я не стал музыкантом, музыкант умер во мне, и новые мелодии давно уже не посещают меня. Тем не менее, творческая жилка осталась, и она помогла мне в философии, о чем рассказ пойдет ниже.

АРМЕЙСКАЯ СЛУЖБА

После школы из-за прочитанной «Повести о лесах» Паустовского я поступил в Лесотехническую академию. Но из-за того же Паустовского, любимого на тот момент современного писателя, я ее бросил. Я подумал, что если в 23 года я получу специальность, то жизнь моя в дальнейшем пойдет как по накатанной колее, и я не познаю всю широту и глубину ее, как познавал ее Паустовский. И я бросил учебу, чтобы поступить на службу в армию, а уже потом объездить всю страну и перепробовать разные профессии.

Как ни странно, армейская служба тоже содействовала моему приходу в философию. Прежде всего меня удивило отношение моих сослуживцев к армейскому времени. Я видел с какой садистской радостью они вечером вычеркивали в календаре каждый прожитый день, поскольку это приближало их к «дембелю». Неужели они

хотят просто убить эти три года своей жизни? Я пошел «другим путем», и записался в три библиотеки: полковую, дивизионную и офицерскую. Все время ходил с книгой, даже на наряды, за что получал нагоняй от руководства, а от старшины – презрительную кличку «студент». Помимо русской и зарубежной классики я начал осваивать и философскую литературу, читая работы Вольтера, Дидро, Добролюбова, Белинского. Но самыми любимыми у меня в то время были Толстой и Достоевский. Очевидно, любовь была взаимной, поскольку я очень много получил от них и очень многим обязан им. Их литературный реализм, позволяющий раскрыть всю сложность и противоречивость мира, помог мне восстановить и полюбить философский реализм.

В день возвращения из армии я случайно услышал по радио, что осуществляется набор студентов на первый курс философского факультета Ленинградского университета. Сообщение это наполнило меня и радостью, и тяжелыми раздумьями. Прежде всего, меня удивило, что философии, оказывается, учат. До сих пор я был уверен, что философом надо родиться и философии научить нельзя. Меня, с одной стороны, обрадовала информация, что есть философский факультет, с другой стороны, возникла сильная озабоченность: смогу ли я быть философом? Не лучше ли вначале поступить на юридический факультет, а уже затем, в течении года испытав себя, перейти на факультет философский. Но когда я пришел в разведку на философский факультет и увидел, что в расписании занятий на первом курсе изучается античная философия; все сомнения отпали, и я поступил на вечернее отделение философского факультета.

УЧЕБА НА ФИЛОСОФСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ

После окончания школы я учился в Лесотехнической академии, правда, только один семестр. Поступив в армию, я учился в школе младших авиаспециалистов, по возвращению из армии сразу поступил в кораблестроительную школу при Балтийском заводе. И как только закончилась учеба в школе и я получил специальность электросварщика – сразу поступил в Ленинградский государственный университет. Впору, как у Горького, писать книгу «Мои университеты». Во время учебы на философском факультете я не только много узнал от преподавателей, но и стал иногда вступать с ними в полемику. Помню, как на одной из лекций по истории философии преподаватель рассказывал нам, что Платон в силу своего идеализма был ретроградом, намного задержавшим развитие науки. Я после лекции выразил преподавателю свое несогласие, что Платона нельзя называть ретроградом, хотя он действительно в чем-то заблуждался.

Преподаватель ответил, что он докажет мне, что Платон действительно был ретроградом. На эту тему мы с ним больше не говорили, но на экзамене, увидав меня, он сразу задал вопрос «философия Платона». Я рассказал ему, как я это понимаю, он покачал головой, снова сказал, что не согласен со мной и может поставить только четвертку. Я благодарен моим педагогам за то, что больших репрессий не было, и, как правило, моя оппозиция стоила мне четвертки вместо пятёрки.

Еще во время службы в армии я пришел для себя к выводу, что все люди эгоисты, и эгоизм этот сродни инстинкту самосохранения. Притом, благородный эгоизм, предполагающий любовь не только к себе, но и к окружающим, резко отличается от эгоизма низкого, когда любовь к себе заслоняет все остальное. Однажды на лекции профессор Иванов, заведующий кафедрой этики и эстетики, говорит нам, что теория эгоизма Чернышевского неверна – Плеханов доказал это. Мне стало очень интересно: неужели еще кто-то. Кроме меня, разрабатывал теорию эгоизма, и я кинулся изучать обоих указанных авторов. Из прочитанного я сделал два вывода: во-первых, теория разумного эгоизма Чернышевского намного богаче моей. И, во-вторых, Чернышевский гораздо убедительнее Плеханова. Поэтому, когда встал вопрос выбора темы дипломной работы, я предложил: Теория разумного эгоизма Чернышевского и критика ее Плехановым. На кафедре этики и эстетики она была принята «на ура», поскольку все считали, что я с Плехановым буду критиковать Чернышевского.

Каково же было моему руководителю узнать, что все оказалось наоборот: я вместе с Чернышевским критиковал Плеханова. Такая работа не понравилась профессору Иванову, и он неоднократно требовал ее переделать. Вместо этого я только углублял аргументацию, привлекая богатый материал из истории философии. Наконец, в декабре 1966 года он допустил к защите. После моего выступления на кафедре этики и эстетики и мой руководитель, и внешний рецензент, профессор Иконникова потребовали поставить двойку. Иконникова прямо сказала, что я какую-то старую пыльную теорию пытаюсь представить, как более значительную, чем марксистско-ленинское учение. Я трижды брал слово, доказывая, что это не теория только Чернышевского, что она красной нитью проходит через всю мировую историю философии, начиная от Демокрита и Аристотеля. Ведь еще Аристотель говорил, что благородный человек должен любить себя, тогда он и себе и другим принесет наибольшую пользу. Я указал на сторонников теории эгоизма во французской, английской и немецкой философии. Рассказал, что восторженным и очень глубоким сторонником этого учения в России был Герцен. После меня

попросили выйти, и я минут двадцать ходил по коридору, ожидая решения своей судьбы. Когда снова разрешили войти, я услышал, как преподаватель говорит своей соседке: надо же, студента за убеждения наказывают. Мне было объявлено, что кафедра приняла во внимание, что я учебу совмещал с работой на Балтийском заводе, поэтому не смог в должной мере постичь все величие марксистско-ленинского учения. И чтобы не портить мне жизнь, кафедра решила поставить мне тройку. Я был обижен таким решением и не стал сдавать на кафедру свою работу, которую смог опубликовать только через 16 лет.

В бытность мою аспирантом профессор Тугаринов рассказывал нам, как встречаются философы новую идею: 1 этап. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда. 2 этап. А в этом что-то есть. 3 этап. Да это всем известно. Моя попытка выявить позитивное содержание теории разумного эгоизма в 1966 году привела к утверждению окружающих: Этого не может быть, поскольку это противоречит марксистскому учению. 1982 год, после ее напечатания: Да это всем известно.

По-боевому проходил и госэкзамен. На консультации перед экзаменом нам сказали, чтобы мы не забыли о трех законах диалектики. Я, видимо, пропустил эту тему, поэтому сказанное воспринял с удивлением: неужели в философии всего три закона? Дома в учебнике нашего декана Рожина я прочитал соответствующую тему. Прочитанное о законах диалектики показались мне натянутым, мало убедительным. По всемирно известному закону подлости мне на экзамене достается закон отрицания отрицания. Когда я стал лихо, как по писаному, освещать вопрос, один из членов комиссии – а членов комиссии было 9 человек во главе с деканом, профессором Рожиным – спросил: а сами вы как думаете? Для меня навсегда останется загадкой, почему он это спросил. Поскольку меня с детства учили говорить правду и только правду, я ответил, что не согласен с Энгельсом и что такого закона нет в природе. (Я ограничился Энгельсом, не называя Рожина, поскольку он сидел напротив меня). Моментально все девять членов комиссии оторвались от постороннего чтива и повернули головы в мою сторону. Меня забросали вопросами. Помню я в качестве примера привел формы движения материи, когда социальная форма, отрицая биологическую, не возвращается ни к химической, ни к физической, и законы физики и химии не действуют в обществе. Т.е. никакого возврата к исходной ступени, что требует отрицание отрицания, я здесь не вижу.

Полемика продолжалась довольно долго, наконец, профессор Рожин огласил вердикт: Вы нас не убедили, поэтому мы можем

поставить только четверку. И добавил: действительно, отрицание отрицания действует не во всех процессах, но на всех уровнях. Такой вердикт мне показался странным: что это за закон, который сам определяет, где ему действовать, а где нет, но решил больше не испытывать судьбу и не продолжать полемику.

В коридоре меня встретили товарищи с упреками: как можно на экзамене вступать в полемику с комиссией? Глупцы! Аргументы, которые пришли мне в голову во время полемики и после нее, уже в коридоре, впоследствии вылились в кандидатскую и докторскую диссертации. Неверно говорят, что после драки кулаками не машут – еще как машут!

РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Философский реализм, признающий равнозначность и вечность существования двух неотъемлемых сторон бытия – материи (содержание) и духа (форма) – является самым древним и в то же время самым молодым течением философии. И хотя направление это представлено самыми выдающимися именами, тем не менее, оно до сих пор не имеет «прав гражданства». Почему это происходит, а также, почему именно за философским реализмом будущее – попытаемся разобраться в этих вопросах.

Автор уверен, что только философскому реализму по силам дать наиболее глубокое и всестороннее знание о мире и человеке, поскольку он способен отразить мир и человека конкретно-диалектически и лишен тех односторонностей, какие по природе присущи и материализму, и идеализму. Я здесь не ставлю задачу дать полный курс учебника философии, поскольку учебник с таким названием выходил, начиная с 1998 года, и выдержал уже пять изданий, а остановлюсь только на тех новых моментах, которые были привнесены мною за годы преподавания философии. При этом будут отмечены не только новые моменты, привнесенные мною в философию, но и показано, как я к ним приходил и какую аргументацию использовал, а также какие трудности испытывал при их утверждении. Этого я не делал никогда, и надеюсь, что это будет интересно читателю.

С древнейших времен философия всегда формировалась в дружеских дискуссиях, полемике, противоборствах мнений. Не случайно, что философы так часто оформлялись в философские школы. И здесь перед Вами труд, рожденный в дружеских дискуссиях, совместных работах автора с друзьями, соратниками, коллегами, аспирантами, которым

автор выражает самую сердечную признательность: Р. А. Зобову, Л. И. Сугаковой, З. С. Алябьевой, В.Н. Номоконову, П.П. Царенко, Е.А. Степановой, И.В. Кутыковой.

Когда-то руководитель моей кандидатской диссертации, Владимир Иосифович Свдлерский, пригласил на свой 75-летний юбилей своих учеников, которых многие уже были доцентами и профессорами, и раздал каждому ученику список из 16 новых идей, которые он привнес в диалектику. Я решил пойти дальше своего учителя и на свой 85-летний юбилей подарить своим ученикам по книжке, где изложено то основное новое, что мне удалось привнести в философию.

РАЗДЕЛ I. РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ

Глава 1. Смысл и назначение философии

1.1. Предмет и основные вопросы философии

Философия – это знания, выходящие за пределы непосредственного жизненного опыта человека и человечества. Это знание, обращенное в бесконечность. Здесь уместно вспомнить рассуждения Аристотеля из его "Метафизики" о философах, которым поднимаются над миром и пытаются познать и оценить его, чтобы в чем-то сравняться с богами. Требуется известная смелость, гордость духа, чтобы решиться на это. Но зато философия дает ощущение величайшей свободы. Именно отсутствие привязанности ее к непосредственным практическим нуждам делает человека-философа наиболее свободным.

Философию нельзя определять только как науку. Пример марксистской философии показал, что в этом случае она перестает быть властелиницей дум, превращаясь в тощую, высохшую служанку партноменклатуры, которая с ее помощью отстаивала свое право говорить от лица народа и пользоваться всеми привилегиями. Конечно, и в марксистской философии есть рациональные зерна, прежде всего, в показе роли материального фактора и в критике капитализма. Я никогда не уважал так марксизм, как в перестройку,

когда воочию увидел его сущностную правоту: в буржуазном обществе богатства немногих создается за счет обнищания многих.

Философия не только наука, но и искусство, которое требует вдохновения, творческого огня, воспарения над миром. Против только научного статуса философии выступали практически все философы русского серебряного века. И совсем не случайно многие великие мыслители сравнивают ее с искусством. Так, Вернадский утверждал, что философия полна поэзии и очарования. Достоевский пошел еще дальше и говорил, что философия – та же поэзия, только высший градус ее. Капица: диалектика «как бы является скрипкой Страдивариуса, самой совершенной скрипкой, но, чтобы на ней играть, нужно быть музыкантом и знать музыку». Торжественно подтверждаю правоту всех приведенных высказываний.

Можно было бы еще и еще умножать примеры, доказывающие тождественность философии с другими видами культуры, но и из сказанного ясно, что только философия может быть названа *квинтэссенцией культуры*, поскольку она вобрала в себя наиболее существенные достижения практически всей культуры, включая науку. Она единственная сохранила, пронесла через все эпохи свой синкретический (нерасторжимо целостный) характер. И эта целостная природа философии, заключающая в себе единство науки и культуры, как нельзя лучше соответствует духу нашего времени, новым историческим задачам.

Указанная синкретическая природа философии позволяет ей видеть не только сквозь столетия, но даже сквозь тысячелетия. В пятом веке до нашей эры Демокрит утверждал, что первокирпичиком мира является атом. То, что мир состоит из атомов наукой доказано было лишь на рубеже XIX–XX веков. До этого времени большая часть ученых не признавала атом. В четвертом веке до нашей эры Платон заявил, что атом делим. Наука это подтвердила только в начале XX века. Можно привести более близкие примеры. В 70-х годах прошедшего столетия Владимир Иосифович Свидерский сформулировал философский принцип относительности конкретного, по которому всё, что существует, существует только там, где оно есть, и не может быть возведено в абсолют.

Например, если человек существует на планете Земля, это означает, что больше нигде в мире мы его не сможем встретить, хотя разумные существа, вполне возможно, где-то еще есть. Из своего принципа он делал даже более «крутые» выводы. Если закон всемирного тяготения действует в нашей части Вселенной, это не значит, что он является абсолютным и будет действовать везде. Владимир Иосифович жаловался мне, что физики против и просят оставить абсолютный статус закона тяготения. Уже после кончины ученого была открыта черная материя, для которой оказалось, что закон всемирного тяготения не действует.

В философии изначально много парадоксального. Будучи менее всех других наук привязанной к утилитарности, полезности, она тем не менее возникает раньше других наук, казалось бы для человека гораздо более важных: математики, экономики, медицины и др. Обращаясь к универсалиям, всеобщему и в этом смысле абстрактному, она рассматривает его не само по себе, а сквозь призму человеческого бытия. Т. е. в ней соединяется несоединимое: самое абстрактное (мир в целом) и самое конкретное (индивидуальный человек) знание. Аристотель определял философию как учение о сущностях. На мой взгляд, этим сказано самое главное. Суммируя весь исторический опыт, можно предложить следующее определение философии: *философия есть учение о сущностных характеристиках мира, пропущенное через душу человека*. При этом имеется в виду не только мир в целом, но и любой фрагмент его, который может заинтересовать философа. Если обыкновенный человек ограничивается изучением видимого, внешнего, явления, то философ стремится за видимым явлением познать невидимую сущность, которая коренным образом определяет исследуемый предмет. Это определение характеризует и предмет философии. Человек познает мир для гармоничного вхождения в него. Иными словами, философа занимают более всего мир, познание и человек. Следовательно, в философии должно быть три основных раздела: онтология, или учение о бытии, гносеология, или учение о познании, и философская антропология. Выделение в философии трех основных разделов определяет ее место в системе наук.

Философия в ее онтологической ипостаси родственна естественным наукам, ибо, как и все естественные науки, она изучает характеристики объективного мира. Поэтому категории философии и естественных наук во многом совпадают, являются зачастую общими (движение, пространство, время, причинность, свойство, отношение, элементы, система, изменчивость, прогресс и т. п.). Неслучайно также в русле философии зародилась натурфилософия как учение, органически сочетающее философское и естественнонаучное знание.

Антропологическая, человековедческая составляющая философии посвящена проблемам человеческого бытия в этом мире, сущности и предназначения человека, смысла и ценности его жизни. Т. е. в этой своей ипостаси философия является чисто гуманитарной наукой, поэтому классическое гуманитарное образование с необходимостью включало в себя философию, и сейчас мы возвращаемся к этой традиции.

В гносеологии, понимаемой как логика и методология научного познания, философия наиболее близка к техническим наукам, поскольку речь идет здесь о технических в известном смысле

приемах, способах правильного достижения истины. Именно в этом разделе философии больше всего формул, схем, графиков, что считается отличительной особенностью технической науки. Показательно также, что методологию нередко определяют как технологию мышления. Итак, спецификой философии является ее способность быть одновременно естественной, гуманитарной и технической наукой, что делает философию (и только философию!) "своей" для каждой из двух с половиной тысяч существующих ныне наук.

Предмет философии не существует как нечто незыблемое, раз и навсегда данное. Он уточняется, конкретизируется, варьируется через ее основные вопросы. Длительное время считалось бесспорным, что основным вопросом философии является вопрос об отношении материи и сознания, поскольку от его решения зависит разделение философов на материалистов и идеалистов, борьба между которыми якобы и определяет всю историю философской мысли. Это был тезис. Затем, с перестройкой, пришел антитезис, по которому признавалось, что данный вопрос является надуманным и в действительности борьба материализма и идеализма ничего не определяет. Но как показал еще Гегель, в научном познании, если оно правильно, на смену тезису и антитезису неминуемо приходит плодотворный синтез, ставящий все на свои места. Сама идея основного вопроса философии является, бесспорно, плодотворной, но абсолютизация его для всех времен и народов научно несостоятельна.

Основным в философии мы называем вопрос, решение которого определяет содержание философской мысли в данную эпоху, в данном регионе, в данном направлении. В истории философии можно выделить как основные вопросы, красной нитью проходящие через всю историю, затрагивающие, так или иначе, все школы, все течения, так и основные вопросы, характерные для отдельных эпох, регионов и даже отдельных философов. Из основных направлений, проходящих через всю историю философии, можно, на наш взгляд, выделить борьбу материализма и идеализма, а также рационализма и иррационализма. То, что борьба материализма и идеализма не является досужим вымыслом, подтверждает не только старая, но и самая новейшая история. Если раньше десятилетиями не издавались труды виднейших религиозных философов, то сейчас царит молчание вокруг известных философов-материалистов. Вопрос об отношении материи и сознания определяет не только принадлежность к материализму или идеализму, но и отношение между основными разделами самой философии: учением о бытии (онтологией) и учением о познании (гносеологией). Именно поэтому материализм

и идеализм можно понимать как крайние направления, абсолютизирующие какую-то одну сторону предмета философии.

Вопрос о том, является ли мир в своей основе рациональным, т. е. поддающимся разумному, логическому объяснению, или иррациональным, мы также относим к основным, поскольку различное его решение привело к выделению двух самых глобальных ветвей мировой философии: западной, тяготеющей к рационализму, и восточной, тяготеющей преимущественно к иррационализму. Такое разделение в известном смысле условно, поскольку западная философия, особенно в периоды кризисов, тяготеет к иррационализму, восточным мотивам, а в восточной ветви всегда присутствуют элементы рационализма. Что касается современного состояния философской мысли в нашем обществе, то, пожалуй, основным содержанием многих "философских" работ являются мистика, магия, оккультизм, в чем можно убедиться, побывав в философском отделе любого книжного магазина.

Помимо названных общих основных вопросов существуют и частные основные вопросы, являющиеся таковыми для отдельных регионов, эпох, школ. Так, у раннегреческих философов основным был вопрос об основаначалах мира. У И. Канта критического периода основным был вопрос о познавательных способностях человека. В философии экзистенциализма основным был вопрос о смысле жизни, что совершенно справедливо отмечено А. Камю в "Мифе о Сизифе", когда он говорит, что ответить на вопрос: стоит ли жизнь труда жить или не стоит, значит ответить на основной вопрос философии. Если же мы обратимся к русской антропологической философии конца XIX – начала XX в., то здесь основных вопросов окажется почти столько же, сколько и известных имен, ибо каждый был своеобразен, каждый открывал новое направление (всеединство, персонализм, космизм и т. п.), не принадлежа ни к какой из существующих школ. Итак, диалектика общего и отдельного – вот тот методологический ориентир, который, позволяя разобратся в основном вопросе философии, помогает правильно решить и проблему предмета философии. Последний также оказывается конкретно-историческим, и в нем вечное соседствует с изменяющимся, привносимым определенной эпохой, самобытным талантом философа.

Постскриптум. Попытка представить марксистскую философию как строго научную, обернулась резким снижением ее ценности. Помню, как во время аспирантуры профессору Вяккереву был задан вопрос: имеет ли для нас какое-то значение философия Канта после того, как появилась философия Гегеля? Он ответил, что поскольку Гегель, взяв все лучшее у Канта, поднял его философию на более высокую ступень, постольку философия Канта для нас не имеет никакого теоретического значения, только историческое. В

науке действительно так: когда появился Коперник, теорию Птолемея можно сдавать в архив, и, если б философия действительно была наукой, в ней было бы точно так же.

Но она не только наука, но и в определенном смысле – род искусства (философию чаще всего сопоставляют с поэзией и музыкой). Если Некрасов появился после Пушкина, никто же не будет говорить (кроме глупцов), что на этом основании он выше Пушкина и Пушкин больше не нужен. Так же и в философии, говорю это на основании личного опыта. Я равно люблю и Канта, и Гегеля, но Кант дал мне гораздо больше для понимания диалектики, чем Гегель. Именно Кант первый сформулировал основы диалектической логики, названной им трансцендентальной. И поскольку он был первым, он детально объясняет свой приход к ней. Гегель, много заимствуя у Канта, во-первых, не считает нужным на своего учителя ссылаться, и, во-вторых, также не считает нужным что-либо разъяснять.

Но здесь Гегель не одинок. Почему-то в философии не очень принято ссылаться на своих предшественников. Так, работая над теорией эгоизма Чернышевского, я прочел у него запоминающуюся фразу: родители гораздо больше любят своих детей, чем дети родителей, поскольку первые вкладывали много усилий в становление своих детей, тогда как дети в становлении своих родителей участия не принимали. После я прочел точно такую же мысль у Гегеля, и меня удивило, почему Чернышевский на него не сослался. Еще через несколько лет точно такую же мысль я прочел у Аристотеля, и опять был в недоумении: почему Гегель на него не сослался. Возможно и Аристотель эту мысль у кого-то взял, но так глубоко я уже не копал.

1.2. Место философии в душе человека

Рассматривая роль человека-философа в жизни общества, невольно приходишь к мнению, что философичность является квинтэссенцией интеллигентности. Русское слово "интеллигент", "интеллигентный" заимствовано из французского языка, где оно обозначало умелого, умника, мастерового и куда пришло из латыни ("интеллектуальный" – "умственный"). Но русская интеллигенция придала собственный смысл, собственное содержание этому слову, в результате чего в некоторых странах, в частности в Англии, оно переводится как русское слово, с русским его значением, близким английскому "джентльмен". Интеллигентность – это сплав культурности, нравственности и оппозиционности.

Что касается культурности, то тут все очевидно. Если философия – это синтезированное человеческое знание о природе, обществе и

человеке, то философ должен обладать обширными знаниями в различных областях. Ведь недаром Сократ сказал, что философ подобен пятиборцу: он должен заниматься и физикой, и этикой, и математикой. Но философ никогда не физик, не математик, потому что его познание преследует другие цели. Будучи квинтэссенцией культуры человечества, философия не отменяла и не может заменить культуру. Культура есть необъятное явление, включающее и разные роды деятельности (искусство, религию, право, мораль, педагогику, политику и т. п.), и разные виды, школы, направления, конфессии, разные стили, жанры...

Но, не заменяя культуру, философия заимствует из ее сокровищницы все самое ценное, в силу чего приобщение к философии есть самый прямой путь приобщения к ядру культуры. Неслучайно, когда хотят подчеркнуть величие человеческого духа, в качестве примеров чаще всего приводят философов.

Занятие философией не приносит прямой конкретной пользы и, возможно поэтому, оно более нравственно и более свободно, независимо даже от эпохи. Поэтому Платон в своем "Государстве" и утверждал, что правителями должны быть философы, так как они, бескорыстно устремляясь к наиболее полному и совершенному знанию, являются и наиболее нравственными людьми. "Раз философы – это люди, способные постичь то, что вечно тождественно самому себе, а другие этого не могут и застревают на месте, блуждая среди множества разнообразных вещей, и потому они уже не философы, то, спрашивается, кому из них следует руководить государством?" Это было сказано в эпоху расцвета афинской демократии. Но и в эпоху разложения афинского рабовладения, разложения нравственности, в эпоху Нерона, когда хотели подчеркнуть необычность следования человека высоким моральным принципам, его по традиции называли философом.

Что касается оппозиционности, то здесь существует целая схема ее развития. Вначале – оппозиционность против общепринятых духовных установок, в частности против общепринятой религии, которую философы прозвали мифом, т.е. сказкой. (Сократ, как известно, за небрежение к общепринятым богам поплатился жизнью). Затем – оппозиционность против расхожих идей; потом – против истинности знания, получаемого с помощью чувств; наконец – высшая степень иронии – ирония против собственного знания ("я знаю только то, что ничего не знаю"). Философы резче, чаще, чем представители всех других наук, заявляют о своем незнании, сомнении. Метод иронии – "подвергай все сомнению" – один из вечных способов философствования. Именно поэтому истинный философ не идет на поводу, не является, как многие другие, рабом общепринятого, а до всего доходит сам и, следовательно, сам несет

ответственность за свои убеждения. Это и есть квинтэссенция интеллигентности.

Но дело не только в том, что философичность является наиболее ярким выражением основных черт, характеризующих интеллигентность. Роль философа в обществе более значительна и не до конца еще познана. Обратим внимание на следующий факт. Две самые славные эпохи в истории человечества, как по количеству гениев, так и по культурному потенциалу – это Античность и Возрождение. И только в эти эпохи (случайно? закономерно?) профессия философа была самой почетной, престижной. Только в эти эпохи философы могли быть либо прямыми наследниками царских фамилий, либо выходцами из богатейших аристократических семейств.

Занятие философией в Греции было настолько престижным, что Гераклит, дабы остаться философом, уступил титул царя (басилевса) своему брату. И самое главное, что этот поступок был оценен его современником Антисфеном как "свидетельство его высокоумудрия". Факт этот не единичен. По свидетельству Аристотеля, философ Эмпедокл также отказался от предлагавшейся ему царской власти.

Только в эти две эпохи философы либо были близкими друзьями (учителями) правителей (Перикл и Анаксагор, Александр Македонский и Аристотель), либо сами были правителями: Сенека, Бозций – первые консулы Римской империи, Т. Мор, Ф. Бэкон – канцлеры Англии. И нельзя не согласиться с Р. Декартом, кстати, выходцем из аристократической семьи, что каждый народ тем более гражданственен и образован, чем лучше в нем философия, и поэтому нет для государства большего блага, чем иметь истинных философов.

Постскриптум. Философия давно считается квинтэссенцией культуры человечества. Здесь я впервые пытаюсь обосновать это, выискивая симпатические нити, связывающие философию со всеми видами культуры. На основании этого я прихожу для себя к парадоксальному выводу, что философия представляет высшее выражение интеллигентности, если интеллигентность понимать в русском значении этого слова.

Глава 2. Реалистическая философия в истории и современности

2.1. Материализм – идеализм – реализм

Во все времена, с тех пор как человек научился думать, его не покидала мысль о существовании чего-то загадочного, незримого и непостижимого, что управляет всем сущим во Вселенной и на Земле.

У этого бестелесного Нечто много разных имен, но главное, обобщающее имя – Дух.

Ни один философ от древних времен до наших дней не прошел мимо "духа", вкладывая в него свое видение, свое понимание, а вопрос о соотношении духа и материи стал одним из основных вопросов философии. Учения философов, признающих дух, значительно расходятся в зависимости от их взглядов на место "обитания" духа, на его характеристику и силу его воздействия на материю. Отсюда – появление десятков наименований этих учений. Вот краткая характеристика некоторых из них.

Анимизм (от лат. *anima, animus* – дух, душа) – вера в существование душ и духов, сверхчувственных образов, управляющих всеми предметами и явлениями материального мира, включая и человека.

Политеизм (от греч. *theos* – Бог) – многобожие, почитание многих богов. Возник из тотемизма и анимизма, когда духам был придан конкретный облик и присвоено имя, которому поклонялись более широкие массы людей.

Теизм – учение, признающее существование Бога-личности, обладающего сверхразумом и волей, создавшего мир и принимающего непосредственное участие во всех мировых событиях и в жизни каждого индивида.

Деизм (от лат. *deus* – Бог) – учение, признающее существование Бога, сотворившего мир, давшего законы, по которым он должен жить и двигаться без дальнейшего вмешательства и детализации. Образно говоря, это часы, заведенные однажды и идущие самостоятельно, своим чередом.

Последнее учение в этом ряду – **Нью-эйдж** (Новый век) является попыткой объединить целый ряд идей с акцентом на пантеизм, индуизм и теософию Е. Блаватской (окультизм, восточный мистицизм). Нью-эйдж это смесь религии, философии, мистики, политики, просвещения, глобализма (всемирная религия, планетарная экологическая защита и т. п.). Нью-эйдж привлекает психологов, экологов, интеллектуалов, валеологов, порождает интерес к сверхъестественному. Оно отвергает общепринятые истины и претендует на многокомпонентный синтез Духа и материи. Однако, поскольку этот синтез осуществляется, как правило, на уровне обыденного сознания, ему зачастую недостает четкости.

В разное время философы занимали по отношению к духу разные позиции, то "приближаясь" к нему, то "удаляясь", вплоть до полного пренебрежения и отрицания его существования (материализм и атеизм). Материалисты, подпитываясь достижениями науки, повели успешную борьбу с идеализмом. В начале своего бурного развития, когда научные открытия лежали,

так сказать, на поверхности и достигались легко, наука, "зазнавшись", объявила себя всеисильной и поспешила похоронить Бога. Триумфальное шествие науки сильно поколебало устой идеализма, который в конфронтации с материализмом вынужден был занять оборонительные позиции.

Материалисты-атеисты полностью очистили от присутствия духа не только материю, но и человека. Вслед за этим лишили человека и души. Эйфория, связанная с технической революцией, привела материалистов к мысли, что человек – это тоже машина, но только сложнее обычной, а душа, если она существует, – главный орган этой машины (*Ламетри Ж. О.* «Человек – машина»). В атеистической литературе "душа" стала трактоваться как совокупность тесно связанных с организмом психических явлений, т. е. вытеснилась понятием "психика". Освободившись от духа, материалистическая философия упростила свои задачи: реальность только то, что можно увидеть, услышать, измерить, вычислить. В связи с этим у ортодоксальных материалистов гораздо меньше философских проблем, их взгляды на мир почти не различаются и между ними практически нет противоречий.

Однако по мере дальнейшего продвижения науки в глубины материи происходило ее "отрезвление". Наука получила "высшее образование", облагородилась и поняла, что не так все просто, что Природа – это чудо и ее "разум" намного превышает разум человека. Благоговение перед Природой породило большие сомнения в правоте грубоватой материалистической философии. Часть крупных ученых, по существу, признали существование Нечто, иначе говоря, Духа. Б. Раушенбах (физик): "Существует Нечто вне материи и ее законов... Мироздание – не случайное, а осмысленное собрание атомов. Я бы не стал разделять религиозное и научное мировоззрение, я – за синтез".

Современная теория образования Вселенной (Большой взрыв) настолько фантастична, что перед нею пасуют некоторые законы физики. Поражает неожиданная упорядоченность, гармония Вселенной после взрыва, поскольку взрыв – это всегда хаос. И здесь вряд ли поможет теория самоорганизации систем И. Пригожина. Удивляет недавнее открытие, связанное со скоростью расширения Вселенной. Вопреки закону гравитации эта скорость не замедляется, а увеличивается. В квантовой теории существует термин "неопределенность", т. е. непредсказуемость поведения "обитателей" атома, например, электрона. Возможно, что это человеческое неведение, а может, это иррациональное свойство природы, недоступное изучению.

Пришло время говорить об узости и односторонности материализма, не признающего духовную, нематериальную составляющую мира. Непримируемый воинствующий материализм

(полное отрицание духа) в последнее время начал терять свои позиции. Во второй половине XX в. ряд ученых преодолел общепринятый шаблон, в соответствии с которым наука и религия были изолированными друг от друга – как минимум незнакомцы, но чаще – враги. Теперь же они становятся партнерами. Достижения науки приблизили ее к нематериальному миру.

Наметился синтез материализма и идеализма на новой, более высокой ступени знания. Наиболее ярким выражением такого синтеза явилась реалистическая философия, созданная группой петербургских ученых-философов и находящая все больше своих сторонников не только за пределами Петербурга, но и за пределами России. Эта философия стала вполне закономерным явлением в развитии мировой философской мысли на данное время.

Как нам кажется, реалистическая философия впервые провозгласила полное равноправие двух реальностей – материальной и идеальной, материи и духа. Она снимает напряженность и антагонизм между материализмом и идеализмом, но не теряет диалектики. Источником и движущей силой развития природы, общества и человека является не только противоречие между материальной и духовной компонентами бытия, но и противоречия в действиях самого духа. Наряду с духом созидания, самоорганизации, порядка, гармонии и прогресса существует дух разрушения, хаоса, деградации, дисгармонии. Иными словами, без духа добра не была бы создана Вселенная, ее жемчужина – планета Земля, человек, цивилизация. Однако существует второй закон термодинамики с его энтропией – необратимым процессом рассеяния энергии и неотвратимым разрушением порядка в закрытых системах. Зло постоянно присутствует в природе, где жизнь себя порождает и себя же уничтожает.

Реалистическая философия, примиряющая казавшиеся непримиримыми противоречия между материальной и идеальной компонентами мира, между материализмом и идеализмом, безусловно, является наиболее передовым на сегодняшний день учением, направленным на будущее.

В философии очень давно сложилась патовая ситуация, на которую почему-то известные философы не хотят обращать внимания. Если в шахматах игроки трижды повторяют одни и те же ходы, судья останавливает игру, объявляет ничью и предлагает противникам, как равноправным сторонам, пожать друг другу руки. В философии уже третье тысячелетие повторяются одни и те же ходы, в ходе которых материалисты называют идеалистов недоумками (Г. В. Плеханов), а идеалисты материалистов – ничтожествами (Платон), не имеющими даже права называться философами. Но здесь нет судьи, который предложил бы противоборствующим сторонам пожать друг другу руки и осознать

свою одинаковую правоту и значимость. «Материалист, ты прав, – должен был бы сказать судья, – материя существует и все твои аргументы безукоризненны. Спасибо тебе. Идеалист, и ты прав, дух как нематериальная сторона мира действительно имеет место быть. И спасибо тебе огромное за то, что ты эту идею отстаивал до конца. Поэтому-то вы и не можете перебороть друг друга, что вы равно правы и равно сильны». Но нет такой судьбы в философии, а сами философы, ослепленные борьбой, причем "борьбой до победного конца", не желают видеть той патовой ситуации, в которой они давным-давно оказались. Ведь признать правоту другого – значит признать свою неправоту, свою односторонность. И, используя наработки своих великих предшественников из "линии материализма" и "линии идеализма", наработки, которые у их адептов вызывают полный восторг и абсолютное признание, философы продолжают свой сизифов труд.

Постскриптум. Во введении я обещал не только показывать те новые положения, которые мне удалось привнести в философию, но и показывать, как и почему они возникали. Для этого мне придется вернуться немного назад, чтобы было понятнее. Как я уже отмечал выше, мой спор на госэкзамене породил у меня массу аргументов, который я захотел изложить в кандидатской диссертации. Тема диссертации «О сущности и границах действия триадической формы закона отрицания отрицания». Октябрь 1974 года. Предзащита на кафедре философии для естественнонаучных факультетов, возглавляемая профессором Вяккеревым. Еще недавно мой руководитель, профессор Владимир Иосифович Свидерский был заведующим этой кафедры, но после того, как одна преподавательница кафедры уехала в Израиль, его свергли с поста заведующего. Итак, я делаю доклад, рассказываю краткое содержание диссертации, после чего выступают заведующий кафедрой Вяккерев, зам. заведующего и парторг кафедры Бранский и внешний рецензент. Профессор Бранский прямо сказал, что диссертация не приемлема идеологически, поскольку диссертант выступает против марксизма. Все трое настаивают, что эту диссертацию нельзя допустить к защите. И я и мой руководитель настаиваем на обратном. Возникает долгая пауза, которую нарушил доцент этой кафедры, Роман Алексеевич Зобов. Он вносит предложение: Раз диссертант и его руководитель настаивают на праве защищать диссертацию, мы не можем запретить им этого, и пусть в процессе защиты диссертации будет решен этот вопрос. Ставлю мое предложение на голосование. 6–5 оказалось в мою пользу, и я успешно защитился, за что был очень благодарен моему спасителю...

Прошло 17 лет. Октябрь 1991 года, я на остановке жду автобуса, чтобы ехать на философский конгресс в университет. Подходит

Роман Алексеевич, который едет туда же. Я был очень рад встрече. В университете Роман Алексеевич познакомил меня со своей коллегой – Лидией Ивановной Сутаковой, и я предложил им обоим сотрудничать со мной при написании учебника нового типа для аспирантов. И с этого момента наш союз уже не распадался. Для кого-то 90-е годы были лихими, но для нас – благословенными. Мы по полной пользовались появившейся свободой и ежегодно стали печатать новые книги. Для этого Лидия Ивановна свела меня с сотрудниками Химиздата (директор – Леонид Николаевич Захаров), где все оказались очень милыми людьми, прекрасно оформлявшими наши книги.

Наша троица встречалась практически еженедельно, где спорили друг с другом и обменивались информацией. Романа Алексеевича тянуло в мистику, во что-то таинственное, у меня были крепки отголоски языческих представлений, воспринимающих живое начало природы, Лидия Ивановна как бывший инструктор райкома партии крепко стояла на земле. От этого сплава свершилось чудо – мы не только сформулировали основные положения реалистической философии, но и нашли довольно серьезные ее обоснования. Никто из нас троих в одиночку не смог бы сформулировать суть и основные черты этой философии. Говорю это уверенно. Дело в том, что в 1986 году мы с моим другом, Александром Александровичем Макареней, заведующим кафедрой методики преподавания химии Педагогического института им. А.И. Герцена, опубликовали статью, посвященную мировоззрению Менделеева. В этой работе я еще не соглашаюсь с философским реализмом, сторонником которого был Дмитрий Иванович. Воистину, человек должен достичь определенного уровня, чтобы почувствовать уровень другого. Как писал Шекспир, чтобы постичь глубину другого человека, хватил ли тебе своей глубины? Необходимую глубину я приобрел в ходе постоянных встреч в нашем тройственном союзе.

2.2. Исторические вехи реализма

Реализм, насколько нам известно, никогда не выделяли в качестве одного из ведущих направлений мировой философской мысли, кроме книги В. Вундта "Введение в философию", где он выделяет направление реализма в качестве однопорядкового с материализмом и идеализмом и, более того, как наиболее перспективного из всех существующих философских направлений. Реалисты существовали всегда. Во-первых, все первые философы, которых мы называем натурфилософами, или космоцентристами, или гилозоистами, были реалистами, четко видели два равноправных начала мира: это вода и душа у Фалеса, это огонь и

логос у Гераклита, это гомеомерии, или семена вещей, и нус, или ум, у Анаксагора. До Демокрита и Платона все философы были реалистами. Потом в связи с общей тенденцией развития науки – она идет по пути профессионализации, специализации – одни философы, более увлеченные материей, оказались материалистами, а другие, увлеченные духом, стали идеалистами. Но первые философы видели мир таким, какой он на самом деле есть.

Далее, величайшим реалистом всех времен и народов был Аристотель. Для Аристотеля каждая вещь есть одновременно и материя, и идея. Каждая вещь имеет и свою причину, и свое целевое назначение. Если у Платона идеи (эйдосы) существуют сами по себе, самобытно и безусловно, то у Аристотеля идеи в своей самостоятельности есть лишь духовная конструкция вещи. Таким образом, уже Аристотель сформулировал основные положения реалистического мировоззрения: наличие материальной и духовной компонент в основании мироустройства и их неразрывность. В эпоху Средневековья – это Фома Аквинский, который первый детально обосновал необходимость союза науки и религии. Фома Аквинский преодолел крайности реализма (идеализма) и номинализма (материализма) в учении умеренного реализма (называемого также концептуализмом), но этот синтез был односторонним, осуществленным в рамках теологии. Мы сейчас говорим то же самое, спустя 750 лет после него, но уже с позиции науки.

Николай Кузанский – видный богослов, кардинал, – и ученый, плодотворно работающий над проблемами натурфилософии. Соединив неоплатоновский мистицизм и античный атеизм, оккамовский номинализм и каббалу, Кузанский открыл принцип совпадения противоположностей, максимума и минимума. Различение рациональных и иррациональных отношений, по Кузанскому, имеет значение лишь для низшей умственной способности, рассудка, а не разума. Вся математика, в том числе астрономия – продукт деятельности рассудка. Рассудок (как и формальная логика) запрещает совмещать противоположности, запрещает противоречия. Парадокс у Кузанского не орудие разрушения ложного знания (как у Зенона), а средство созидания истинного знания. Высшее начало бытия, по Кузанскому, это тождество противоположностей: единое – бесконечное. Здесь происходит сближение Бога с миром, творца с творением (пантеизм).

Человек так же противоречив, как и все вокруг. Он конечен телесно, но бесконечен духовно, так как здесь устанавливается связь с Абсолютом. Он являет из себя микрокосм, малый мир, поскольку стягивает в себя всю Вселенную. Его можно назвать вторым Богом, поскольку он является творцом логического бытия и искусственных форм. От Кузанского идет новая тенденция в теории познания.

Раньше считалось, что то, что видимо, то и есть истина. Теперь же видимое не есть достоверность, а есть перевернутое отражение скрытой за явлением действительности. Иными словами, диалектика скрывается, она доступна не всем. Здесь с ним никак нельзя не согласиться.

Джордано Бруно также признавал дух как животворящее начало мира, как неотъемлемую сторону бытия, наряду с материей: «Сколь бы незначительной и малейшей ни была вещь, она имеет в себе части духовной субстанции, каковая, если находит подходящий субъект, стремится стать растением, стать животным и получить члены любого тела, каковое обычно называется одушевленным, потому что дух находится во всех вещах и нет ни малейшего тельца, которое бы не заключало в себе возможности стать одушевленным. Итак, если дух, душа, жизнь находится во всех вещах и сообразно известным степеням наполняют всю материю, то достоверно, что он является истинным действием и истинной формой всех вещей. Итак... мы обнаруживаем двойную субстанцию – одну духовную, другую телесную, но в последнем счете и та, и другая сводятся к одному бытию и одному корню»³. В *теории познания* он исходит из того, что познание истины – есть дело науки и философии, а не религии. Метод познания – диалектический спор двух противоположностей. В процессе познания он выделяет 3 ступени: 1) чувство, 2) разум, 3) интеллект.

Важные положения реалистической философии содержатся также в трудах Р. Декарта и Б. Спинозы. В XVIII в. реализм процветал в Германии.

Обычно рассмотрение классического периода немецкой философии начинается с Канта. Эту традицию ввел когда-то Ф. Энгельс. Но в истории немецкой философии очень важным является практически весь XVIII век. И здесь наиболее яркими представляются следующие философы: *В. Гумбольдт, И. Г. Гердер, Г. В. Лейбниц*. Все трое были приверженцами реалистической философии, полагая, что ни дух без материи, ни материя без духа существовать не могут. «Мы не знаем такого духа, который творил бы вне материи и совершенно обходился бы без нее; а в самой материи действует столько сил, подобных силам духовным, что утверждение полнейшей *противоположности* и *противоречия* между духом и материей, этими, несомненно, весьма различными стихиями, само по себе есть суждение если и не противоречивое, то вполне бездоказательное. Как могут совместно, с глубочайшей гармонией творить две стихии, если они вполне разнородны и противонаправлены?» – пишет И. Г. Гердер в пятой книге «Идей к философии истории человечества».

---

³ Бруно Дж. О принципе, начале и едином. Минск, 1999. С. 339–341.

Разносторонним ученым и значительным философом показал себя *Г. В. Лейбниц*. Он известен как математик, физик, изобретатель, юрист, историк, языковед. Наибольшую известность Лейбницу принесло его учение о монадах, которые обозначают бестелесную "простую субстанцию", "истинный атом природы". Монадам Лейбниц приписывает как отрицательные свойства: неделимость, неуничтожимость, нематериальность, неаффицируемость ("монады не имеют окон"), неповторимость (нет двух одинаковых монад), так и положительные свойства: самодостаточность, саморазвитие, психическая активность, состоящая в восприятии и стремлении.

И в своем главном философском труде «Монадология» он в тезисной форме излагает учение о монадах. Все пункты изложены четко и логично, но в виде тезисов, – они никак не обоснованы, не раскрыты, поэтому многие философы просто излагают пункты его работы, никак не комментируя их. А между тем, монады Лейбница нельзя понять без краткого экскурса в историю философии, где они были постоянно прописаны. Учение о монаде восходит еще к Пифагору и Платону, где монада («единица») понималась как духовная единица бытия, первокирипчик, первоэлемент, воспроизводящий в себе мировой дух. Не случайно, что и у Лейбница монада понималась как «зеркало Вселенной». С помощью монады обосновывается идея микрокосма – тождественность устройства большой Вселенной (макрокосма) и малой Вселенной (человека). Надпись над дельфийским храмом «Познай самого себя, и ты узнаешь Вселенную и Богов» – исходное положение пифагорейского учения. Человек может познать мир, поскольку между ним и остальным миром существует гармония, единение, общее начало: «Проявленный мир – тройственен, ибо как человек состоит из 3 различных элементов, сплавленных вместе, из тела, души и духа, также и Вселенная делится на 3 концентрические сферы: мир естественный, мир человеческий и мир божественный. Т. о. триада или закон троичности есть образующий закон вещей и истинный ключ жизни... Ключ этот раскрывает внутреннее строение Вселенной; он же указывает и на бесконечные соотношения между микрокосмом и макрокосмом»⁴. Позже мы встречаем подобное утверждение и у А. Сенеки: Какое место в мире занимает Бог, такое в человеке – дух, какое в мире – материя, такое в нас – тело.

Расцвет этой проблематики имел место в период Возрождения. Подробно обосновывает научную ценность монады Д. Бруно. Напомним, что важнейшими слагаемыми его философии являются учение о совпадении противоположностей: минимума и максимума, материи и формы, бога и природы, непрерывного изменения мира и постоянства природных законов. Не менее важно и учение о

---

⁴ Щюре Э. Великие посвященные. Калуга, 1914. С. 259.

минимуме: Минимум в философии – монада, минимум в физике – атом, минимум в математике – точка.

Все происходит из минимума. Наибольшие величины сводятся к наименьшим. «Кто хочет познать наибольшие тайны природы, пусть рассматривает и наблюдает максимумы и минимумы».

Итак, ни Бруно, ни Лейбниц, будучи сторонниками реалистического мировоззрения, не отрицают материальность мира, но справедливо полагают, что материальную сторону мира, начиная с атома, сподручнее изучать естественным наукам, прежде всего – физике. А вот духовное начало, начиная с «духовного атома» – монады, сподручнее рассматривать философам. Монада присуща всем предметам: в так называемых неодушевленных она лишь слегка намечена, более проявлена в растениях, еще более – в животных, и полное раскрытие получила в человеке. Это утверждает Бруно, но об этом же говорит и Лейбниц, разделяя монады на примитивные (бесконечно малые перцепции), монады-души (смутные перцепции, сопровождающиеся ощущением и памятью) и монады-духи (отчетливые перцепции, сопровождающиеся сознанием). Последние, разумеется, относятся к человеку.

Когда вместо понятия монада, «духовный атом» мы используем более привычное понятие «душа», многое становится на место. Души действительно неделимы, нематериальны, индивидуальны и неповторимы. Они действительно изолированы, и в то же время в них есть что-то общее – они все являются проявлениями мирового духа (об этом подробно будет сказано в разделе «онтология»). У каждого драгоценного камня своя душа, и народное сознание наделило разные камни разными эпитетами и приписало им разные свойства. Разные души у разных растений, и люди, любящие цветы, это очень хорошо чувствуют. Разные души и у животных, что хорошо схвачено в народных сказках и баснях. У каждого человека, у каждого народа («русский дух») и даже у каждого города своя душа. «Монадология» Лейбница нуждается в детальном обосновании на уровне современной науки и философии, но это под силу будет только философам реалистической ориентации. Отметим только, что по современным представлениям Вселенная материальна, но предпосылки к ее возникновению есть идеальный феномен, который выступает в качестве базисных законов развития Вселенной (геометрии мира, волновой теории "праматерии" и т. п.), именуемых в философии "духом". В современной науке распространено представление о единых основных законах функционирования всего мира, начиная с его микроуровня и кончая психической деятельностью человека. Именно о подобном и писал Лейбниц, полагая, что монады (духовные первоэлементы) являются содержательными структурами мироздания, в каждой из которых содержится информация "обо всем".

Ф. В. Шеллинг заявил, что быть идеалистом или материалистом – это дело вкуса, и зависит от направленности исследования философа: «Если рефлексия распространяется лишь на идеальную деятельность, то получается идеализм с его утверждением, что предел полагается единственно самим Я. Если же рефлексию я обращаю исключительно на реальную деятельность, то получается реализм, характеризующийся утверждением, что предел не зависит от Я. Если же рефлексия моя распространяется на то и на другое, то возникает нечто третье, что можно назвать идеал-реализмом, или тем, что до сих пор было известно под наименованием трансцендентального идеализма».

Впервые Кант рассматривает познание как деятельность, протекающую по своим собственным законам. (эта великая идея затем надолго была предана забвению). Кант пишет о двух родах реальности: реальности материальной и реальности идеальной, и, в отличие от античной традиции и марксистов, выделяющих в познании всего две ступени, два уровня: чувственное и логическое, у Канта, как и у большинства немецких философов, в познании выделяется три ступени: чувство, рассудок и разум.

Ярким сторонником реалистического мировоззрения был и поэт И. В. Гете: «В основе мировых явлений предполагается непостижимое, безусловное, юмористическое, себе противоречащее существо, и все может сойти за игру сутобо серьезную. Однако завершение, ему недостающее, это созерцание двух маховых колес всей природы: понятие *полярности* и *повышения*; первое принадлежит материи, поскольку мы мыслим ее материальной, второе, напротив, ей же, поскольку мы мыслим ее духовной; первое состоит в непрестанном притяжении и отталкивании, второе – в вечно стремящемся подъеме. Но так как материя без духа, а дух без материи никогда не существует и не может существовать, то и материя способна возвышаться, так же как дух не в состоянии обойтись без притяжения и отталкивания».

Величие реалистического мировоззрения детально обосновывает немецкий философ В. Вундт: «Под реализмом обыкновенно понимают всякое мировоззрение, которое пытается удовлетворить притязаниям различных элементов действительного мира, обособленных в нем уже пред научным мышлением, как материальных, так и духовных, и сохранить за ними значение, соответствующее их действительному влиянию. Сообразно этому реализм пытается свести такие элементы к особнным, но тесно связанным друг с другом принципам, или понять их, как различные стороны или как формы явления одного и того же бытия. Однако, в обоих случаях появление реалистических мирозерцаний зависит от предшествующего развития других систем, материалистических и идеалистических, которые только односторонне выдвигали

принципы, объединяемые реализмом или подчиняемые им более общему понятию. Поэтому реализм, как по своему естественному положению, так и по историческому, является более поздним мирозерцанием по сравнению с материализмом и идеализмом».

В XIX в. реализм "переселяется" в Россию, где он празднует свои величайшие триумфы. Прежде всего, это А. И. Герцен. После Герцена реалистами были и практически все основные философы Серебряного века, которых традиционно называют религиозными философами, но которые вполне справедливо сами себя называли реалистами. Реалистам постоянно не везет: их относят либо к религиозным философам, либо к материалистам, либо к шарахающимся из крайности в крайность. Очень четко продолжил традицию реализма ряд философов из близкого окружения В. И. Ленина (А. В. Луначарский, А. А. Богданов и др.). Они в 1904 г. выпустили книгу "Очерки реалистического мировоззрения", где коллективно отстаивали знамя реализма.

Русская философская традиция, идеалом которой является цельное знание, стремилась избегать односторонности в постижении мира, целостно видя в нем духовные и чувственно-предметные, личностные и социально-практические, дискурсивные (основанные на рассуждении) и интуитивные, научные и вненаучные компоненты. Именно на этих позициях стояли и их постоянно отстаивали выдающиеся деятели русской культуры: философы (Н. А. Бердяев, С. Л. Франк), религиозные деятели (П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков), космисты (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский), писатели (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой), художники (И. И. Левитан, В. А. Серов), поэты (А. Белый, А. Блок). Показательно утверждение реалиста Н. О. Лосского о том, что только собрав в единое целое все свои духовные силы – чувственный опыт, рациональное мышление, эстетическую перцепцию и религиозное созерцание, – человек начинает понимать истинное бытие мира.

В это время реалистическое мировоззрение прочно утверждает себя и в науке. Прежде всего это Д. И. Менделеев, его "Заветные мысли", "Мое мировоззрение", где он четко пишет, что такое реализм и в чем его отличие от материализма и идеализма. И, наконец, последний реалист из величайших, это В. И. Вернадский, который писал о том, что есть два начала, которые признает наука – материя и энергия, и есть третье – это дух, который признается философией и религией. Материализм, признающий только материю и энергию, был важен, прекрасен и уместен в конце XVIII – начале XIX в. В наше же время материализм – нонсенс, поскольку без духа, как животворящего начала, проблема происхождения жизни научно не может быть решена. Вернадский был последним великим реалистом в истории нашей страны. В стране на долгие годы утверждается господство материалистического мировоззрения,

притом в его крайней – марксистской форме. Затем в нашей стране, по принципу маятника, многие философы открыто становятся на позиции идеализма, и опять же в крайней его форме – в виде религиозного идеализма. Философы опять проскочили золотую середину, даже не ведая, что она есть.

В XX в. реализм перемещается сначала в Англию, затем в Америку, где были две мощные партии реалистов – неореалисты и критические реалисты, издававшие свои альманахи. В конце XX в. он там распался, поскольку основывался только на теории ценностей и на гносеологии и не достиг тех глубин, которые должны были быть у реалистов. И вот сейчас, когда в Северной Америке ушел из жизни "последний живой реалист" (так сам себя назвал канадский профессор Уильям Хэтчер, сторонник философии реализма, в дарственной надписи на своей книге, подаренной автору этой книги), реализм снова переселяется в Россию, а Петербург становится центром мировой реалистической мысли.

Постскриптум. Меня часто спрашивают: как Вы узнаете, кто из философов был реалистом, ведь реалистов никто не выделял в отдельное направление, и их нет в существующих классификациях философии. Самый краткий ответ: рыбак рыбака видит издалека. А более полный: Реалиста легко отличить по благосклонному отношению и к материалистам, и к идеалистам, по отсутствию у него воинственности и нетерпимости к инакомыслию.

Есть и другие черты, которые рассмотрены нами в Манифесте реалистической философии, приведенном в конце книги. Когда формировалось новое издание учебника Реалистическая философия, я приглашал позитивистов для написания глав о науке, идеалистов для изложения проблем сознания. Для меня неважно было, к какому направлению принадлежит тот или иной философ, важно было – что он может сказать. И меня каждый раз удивляло, что некоторые именитые ученые требовали убрать из названия учебника слово «реалистическая», чтобы они могли с нами сотрудничать.

Итак, возможна ли на этот раз победа реалистического мировоззрения? Если наступивший новый век станет веком компромиссов, поисков согласия, то реалистическая философия неизбежно завоюет господствующие позиции. Но если он явится лишь модификацией ушедшего века, то реалистическая философия неминуемо будет отставлена от столбовой дороги философской мысли и будет опять дожидаться своего времени, как это уже не раз происходило в прошлом. Какие успехи можно отметить в нынешнем развитии реалистических идей в философии? В 90-х годах мы свое направление назвали Петербургской школой философского реализма. С 2003 года мы – постоянные участники Дней философии в Петербурге. Наша секция становилась все более массовой, все более популярной, и нам для ее работы выделили

самую большую аудиторию № 150 на философском факультете Университета. Когда к нам на Дни философии приехал академик Капица, ему предоставили нашу аудиторию, как самую массовую и боевую. К нам на заседание приходили историки, биологи, филологи, архитекторы, поэты, богословы. Этим была продемонстрирована востребованность философского реализма для развития конкретных наук. Но философов почти не было. И это тоже понятно. Основная масса философов – это философы по профессии, а по профессии, данной в университете, они могли быть только либо материалистами, либо идеалистами. Чтобы осознать величие реалистической философии, надо быть философом по призванию, а таких очень мало в философском цехе. Как мне рассказывал мой друг Валентин Борисович Сапунов, с которым мы вместе написали учебники по экологии и антропоэкологии, когда он бывал в Риге, Твери, Перми, его там спрашивали: Что нового написали обуховцы? Оказывается, нас знают и наши новые книги ждут.

В 2000 году на нас от имени русскоязычных исследователей, проживающих в США, вышла София Михайловна Бланк, сторонница нью-эйджа. Началось наше сотрудничество, в ходе которого американские исследователи печатаются в нашем альманахе, а мне пришлось неоднократно выступать по американскому радио и в видеозаписи – по интернету с изложением основ реалистической философии. С 2008 года в нашем обществе дважды в год выходит альманах Ключь. В 2012 году Петербургская школа философского реализма была преобразована в Российское общество реалистической философии, а я избран его президентом. В том же году в Абхазском государственном университете был образован филиал Российского общества реалистической философии. И в том же году наше Общество было официально признано первичной ячейкой Петербургского отделения философского общества России.

Сейчас, когда Роман Алексеевич Зобов и Лидия Ивановна Сугакова только что отошла в мир иной, а я собираюсь доработать последний год и уйти с преподавательской работы, невольно посещают грустные мысли: сохранится ли философский реализм или опять надо ждать сто лет, чтобы он снова возродился...

В. Вундт когда-то справедливо заметил, что реалистическая философия потому называется реалистической, что она не чурается решения реальных, жизненных проблем. И это правда. Ведь помимо саморефлексии философии, о чем подробно говорится в этой книге, нам, философам-реалистам, приходится постоянно заниматься решением жизненно-важных проблем, стоящих перед современной Россией. С этой целью был образован Альманах Ключь, который в Париже получил постоянный индекс, как

периодическое издание международного уровня. Альманах этот издается как орган Российского общества реалистической философии. Все выпуски альманаха находятся на моем сайте: realfil.com

В Альманахе ставятся и с позиции реалистической философии решаются актуальные для России проблемы:

– Почему отказ от государственной идеологии, прописанный в Конституции, является роковой ошибкой для нашей страны?

– Как возможно плодотворное разрешение неразрешимых с точки зрения марксизма социальных противоречий?

– В чем проявляется евразийская сущность России?

– Какое значение имели реформы Петра I для судеб либерализма в России?

– Чему учит история, или надо ли прославлять диктаторов?

– Каким аршином можно измерить Россию?

– Каковы источники бессмертного подвига Ленинграда?

– Может ли Россия быть мировым духовно-нравственным лидером?

– Как марксистское учение способствует порождению культа личности?

– Оппозиция «либерал – патриот» в современной России.

Есть еще одна особенность, которая характеризует философско-реалистов и которая проявилась в этом Альманахе. Мы очень трепетно, с большим уважением относимся к своим друзьям, соратникам. Вследствие этого не философский факультет Санкт-Петербургского государственного университета, деканом которого многие годы был профессор Ю.Н. Солонин, а мы в Альманахе отметили его восьмидесятилетний юбилей. Не Государственный Эрмитаж, а мы на страницах Альманаха отметили столетие со дня рождения Б.В. Сапунова, отдавшего Эрмитажу более 60 лет своей жизни. И в этом году на страницах Альманаха мы отметили уход из жизни нашего друга, большого патриота и одного из создателей Российского общества реалистической философии Л.И. Сугаковой. Реалистическая философия – самая человечная из всех! Видимо, и эта ее особенность привлекает к ней многих людей.

Глава 3. Бытие, природа, дух

Окружающий нас мир, если брать его в целом, имеет самые разные названия: мир, материя, бытие, вселенная, природа, мироздание. При этом различные науки и культуры в понимание мира вкладывают и разное содержание. Физик назовет мир материей и скажет, что она состоит из вещества и поля. Только их фиксируют приборы, и только с этой реальностью имеет дело наука физика. Астроном назовет мир Вселенной и заявит, что она состоит

из галактик, возникших около 18 миллиардов лет назад в силу гигантского взрыва и разлетающихся с огромной скоростью в разные стороны от некоего центра. В иудаизме и христианстве возникновение мира описывается в первой книге Библии "Бытие". Здесь бытие подразделяется на Бога, выражающего его сущность, и на мир, им созданный. Его мир, в свою очередь, делится на посюсторонний, т. е. окружающий нас, в котором мы живем, и на мир потусторонний, в котором существуют ангелы и бесы и где находятся рай и ад. Это деление проводится не в первой книге Библии, а в последующих, а также в толкованиях Библии, входящих неотъемлемой составной частью в вероучение.

Философы не делят мир ни на вещество и поле, ни на галактики и метагалактики, ни на мир посюсторонний и потусторонний. Они его разделяют на материю (природу) и идею (дух). При этом те философы, которые считают материальное начало важнейшим, ведущим, первичным, а дух – вторичным, производным, называются *материалистами*. Те же философы, кто думает прямо противоположным образом, считая дух первичным, а природу, как инобытие духа – вторичным, именуются *идеалистами*. И наконец, те философы, которые считают природу и дух равновеликими составляющими, друг без друга не существующими и друг из друга невыводимыми, получили в XVIII столетии название *реалисты*.

Когда-то еще Цицерон обратил внимание на то, что в философии на каждый вопрос существует столько ответов, сколько в ней есть школ и направлений. Действительно, если философское знание не достигается непосредственно из опыта и для его обретения не используются приборы и инструменты, то его невозможно неопровержимо подтвердить или опровергнуть – в науке оно может получить лишь косвенную поддержку. Именно поэтому философы более, чем представители других наук, терпимы к инакомыслию. Ведь только философ – в лице Вольтера – мог заявить: "Я не согласен ни с одним Вашим словом, но готов умереть за Ваше право это говорить".

Как сегодня не хватает многим из нас терпимости к инакомыслию, приобретаемой человеком через приобщение к философской культуре!

3.1. Природа и дух как основные слагаемые бытия

Материалисты и идеалисты совершенно правильно указывают на основные компоненты бытия – на материальное, природное и идеальное, духовное начала в нем. Но они, на наш взгляд, неправы в том, что они третируют другую его компоненту как якобы

вторичную, производную. Новейшие научные данные подтверждают, что наиболее правильную позицию занимали самые древние, первые философы, которые отлично видели оба этих начала мира, но не противопоставляли их друг другу, как более важное менее важному. В известном смысле сейчас мы возвращаемся – но, разумеется, на новом качественном уровне – к миропониманию древних, которым было дано понять мир в его целостности и неразделимости, т. е. таким, каким он на самом деле и является. Итак, природа и дух – вот основные компоненты окружающего мира. Их взаимозависимость и оппозиционность дают наиболее глубинное знание о мире. *Природа в научной литературе и обыденной речи понимается в трех разных значениях: как окружающий ландшафт, как биосфера и как материя в целом.* В нашем тексте мы будем понимать природу в третьем, предельно широком ее значении.

В современной справочной литературе дух понимается в трех разных значениях: *индивидуальный дух* (сознание, подсознание и сверхсознание отдельно взятого человека, т.е. то, что является предметом изучения науки психологии), *общественный дух* (искусство, религия, философия, традиции, менталитет нации, т.е. то, что раньше определялось как формы общественного сознания, но что шире сознания, ибо выходит в область подсознательного), *объективированный дух* (те предметы окружающего мира, которые когда-то были проектом, планом, а затем были материализованы человеком). Мы же, исходя из традиции, идущей от Античности, но и учитывая современное состояние науки и философии, предлагаем четвертое значение духа в его предельно общем, универсальном значении. *Под духом мы понимаем нематериальную составляющую мира. Это не сами элементы природы, а способ их связи, закон их функционирования. Дух – это способность природы к самоорганизации, гармонии, симметрии, порядку. Это то активное начало природы, которое определяет ее способность к движению и изменению, способность к бесконечному многообразию своих проявлений. Дух – это, прежде всего, законы природы.* Дух, как и природа, существует реально. Но это иная реальность – идеальная, а не материальная. Именно поэтому дух не может быть зафиксирован ни органами чувств, ни приборами, и именно поэтому его не хотят знать многие представители естественных наук.

Материальность окружающего мира не требует доказательства: любой здравомыслящий человек, начиная с детских падений и ушибов, прекрасно осведомлен, что окружающий его мир реален, материален и чувственно воспринимаем. Труднее обстоит дело с доказательством реальности идеального: как можно доказать существование того, что не имеет ни веса, ни размера, что не

воспринимается ни чувствами, ни приборами? Поскольку опытная проверка здесь не годится, мы используем далее два рода чисто философских доказательств: историческое и теоретическое.

Постскриптум. В 1993 году наша троица, с привлечением членов кафедры философии Аграрного университета, издала учебник для аспирантов нового типа: Философия. Наука. Человек. А в 1995 году – двухтомник учебно-научного пособия «Природа и дух». Книга имеет подзаголовок: Мир философских проблем. Нам захотелось разобраться, что есть философия сама по себе, без всяких измов. И сама книга, и ее название шли с трудом, но захватывающе интересно. Валентин Мефодьевич, профессор агрохимического факультета Аграрного университета предложил название Природа и разум. Мне оно не понравилось, поскольку здесь соотносится мир в целом, и разум, присущий лишь человеку. Я предложил новое название – Природа и дух. Встал вопрос, как дух определить? Мои друзья предложили вслед за Рерихом определить дух как вид тонкой материальной энергии, но мне это определение показалось неприемлемым: как можно соотносить материю с ее узким фрагментом. Для нас не годилось ни научное определение (дух как мыслящий разум), ни богословское (дух как одна из ипостасей Бога). Пришлось давать свое определение, приведенное выше. Книга наша наделала много шума. Идеалисты обвиняли нас, что мы, прикрываясь реализмом, на деле проводим марксистскую позицию. Материалисты называли нас воинствующими идеалистами. Пришлось вспомнить, что и Аристотеля с Кантом тоже били с двух сторон. Иногда меня обвиняют в том, что, утверждая реалистическую философию, я хочу на двух стульях усидеть, понравиться «и нашим и вашим». Приходится объяснять оппонентам, что реализм, обосновывая односторонность и идеализма, и материализма, очень сильно поэтому не нравится «ни нашим, ни вашим».

В середине 90-х годов мне пришлось выступать перед элитой философского факультета Университета. Во время моего сообщения в аудитории возникла очень нервная ситуация, как будто я их квартиры поджег или жен увел. Чтобы успокоить присутствующих, я сказал следующее. Давно учеными установлена асимметрия мозга, где левое полушарие отвечает за рациональное, за логические структуры, а правое – центр эмоций, центр иррационального. Передо мной, сказал я далее, сидят левополушарные философы, которые мыслят логически и доказывают свои знания с помощью науки. Примерно половина сидящих – правополушарные философы, которые, отталкиваясь от искусства или религии, убежденно доказывают правоту идеализма. Я среди всех вас – единственный не инвалид, поскольку у меня активно работают оба полушария и я вижу мир не как вы – микроскопически, а

стереоскопически. После доклада ко мне подошел профессор Бранский и сказал, что только материализм и идеализм имеют право на существование. – Совершенно верно, ответил я, и это право обосновывает философский реализм, утверждая существование и материи, и духа. Без философского реализма понять столь длительное существование враждебно настроенных друг против друга философских течений невозможно.

Меня постоянно спрашивали, как я пытаюсь соединить материю и дух. Мой друг, Павел Павлович Царенко, ныне, к сожалению, уже скончавшийся, на 75-летний юбилей подарил мне стихотворение, где красочно сказано, как соединены между собой материя и дух. В юбилейных стихах положен возвышенный стиль, и, может, не совсем удобно его воспроизводить, но, с другой стороны, а почему бы и нет. Ведь вся эта книга - нерукотворный памятник самому себе.

ДУХ И МАТЕРИЯ

*Дух и материя – ох, окаянные!
Вечно в умах они сеют разброд.
То они, как в экстазе, слиянные,
А потом у них полный развод.*

*Сложные очень у них отношения,
Страсти кипят уже тысячи лет,
Спорят, кому же отдать предпочтение...
(Впрочем, для многих и Духа-то нет).*

*Жирную точку в спорах поставил
Суперфилософ, гросс-реалист,
С искрою Божьей, мудр и речист
Обухов, школу который возглавил.*

*Вот этой школы, вкратце, учение
(За упрощенье прошу я прощение).*

*«Дух и материя – вещи реальные,
Оба они, словно муж и жена,
Между собой неслиянно-слиянные,
Оба – на равных во все времена».*

*Дочь моя верит – учение славное,
Школа прекрасная – к миру зовет,
Только вот смысл «неслиянно-слиянное»,
«Моно-дуальное» в толк не возьмет.*

*Истины нынче не столь обнаженные,-
Сложные даже – ну вот, например,*

*Многие люди, весьма одаренные,
Е равно тс2 – не ферштейн.*

***

Обухов, видимо, тот же Эйнштейн.

3.2. Историческое обоснование всеобщности духа

Начнем с истории, с тех ее фактов, которые подтверждают духовность всего существующего. Как уже отмечалось выше, только самым древним философам было дано почувствовать и понять мир во всей его целостности и неделимости, каким он на самом деле является. Затем эта способность была утрачена, вплоть до наших дней. Только выхватывая, абстрагируя отдельные стороны, моменты из окружающей действительности и изучая их по отдельности, ученый может совершить открытие. Таким образом, грандиозные успехи науки даются дорогой ценой – ценой утраты целостного мировосприятия, характерного для людей донаучной эры.

Сейчас, как это ни парадоксально, задача состоит в том, чтобы возвыситься до мироощущения и миропонимания древнего человека, еще не знающего никаких наук. В европейской рационалистической традиции отношение к уровню сознания первобытного человека и его главному продукту духовного производства – к мифологии – всегда было как к чему-то примитивному, заведомо низшему по сравнению с сознанием современного человека. И невольно возникает вопрос: неужели человек, не обладающий никакими научными познаниями, в каких-то частных случаях может превосходить студентов, изучивших десятки научных дисциплин? Неужели мифологическое сознание может быть чем-то полезным, несущим важную информацию? Современное научное знание все решительнее свидетельствует именно об этом. Здесь можно напомнить известный исторический факт, когда весь ученый мир смеялся над Генрихом Шлиманом, называя его невеждой, дилетантом, авантюристом. И, тем не менее, он сумел-таки откопать Трою – город, который научный мир признавал вымыслом, красивым мифом. Постараемся поэтому непредвзято подойти к поставленному вопросу, заново переосмысливая многочисленные примеры истории. Итак, уже древние философы прекрасно понимали, что двумя равновеликими началами, дающими в совокупности все бесконечное богатство мира, являются природа и дух. Правда, сами природа и дух выступают у них под разными именами: общего названия для них еще не было придумано. По мнению отца философии Фалеса, двумя первоначалами, дающими все богатство мира, являются вода и душа. Душу он понимал как активное начало природы, сообщающее

ей движение и изменение. Не всякая вода является источником жизни, а только вода одушевленная, т.е. живая. По мнению Гераклита, двумя важнейшими первоначалами выступают огонь и логос. Логос при этом понимается как мысль, закон. Мир изменчив, как постоянно изменчив огонь. Но закон, по которому он изменяется, – логос – неизменен. Итак, в при-роде присутствуют два начала: материальное – огонь и идеальное – логос. Материальное и идеальное начала мира другой древний философ, Анаксагор, называл гомеомериями, или семенами вещей, и нусом, или умом.

Но не только древние философы, все народы на языческой стадии своего развития остро чувствовали духовное начало во всех стихиях и предметах природы. Дух был присущ и горам, и рекам, и лесам... Часто он персонифицировался в виде конкретного духа, имеющего свое имя. Так, в лесу жил леший, в болоте – кикимора, в воде – водяной, в доме – домовый. В сказке А. С. Пушкина, созданной в народном духе, королевич Елисей разговаривает с ветром, солнцем, луной, и они, как могут, помогают ему. Поныне сохраняются выражения типа "мороз рисует узоры", "земля лечит". И не только все народы, но и любой нормальный ребенок в младенчестве мог почувствовать волшебные волны духовности, идущие на него от всех предметов. Вспомните свое раннее детство, когда вы могли, лежа на спине, подолгу смотреть на движущиеся облака и вас охватывало неясное волнение; когда вы видели в воде солнечных зайчиков и улыбались им, считая, что они вас приветствуют; когда у вас были свои любимые и нелюбимые камни и горки; когда вы могли разговаривать с цветами, а они смотрели на вас живыми глазами. Вероятнее всего, многие из вас вспомнят что-либо подобное, точно так, как многие вынуждены будут признать, что сейчас, глядя на облака, получаешь информацию о том, перистые они или кучевые, будет дождь или нет, но, увы, тех таинственных волн духовности, которые когда-то от них исходили, уже не чувствуешь.

Древний человек, одушевляя природу, любил, уважал и боялся ее. Веря в то, что судьба человека предначертана одушевленными силами природы, он стремился умилостивить их, принося им соответствующие жертвы. Историки высказывают обоснованное предположение, что князь Владимир предпочел христианскую религию языческой отчасти и потому, что она, в отличие от язычества, освобождала человека от страха перед природой. Природа в христианстве не воспринимается как живое существо; носителями духа признаются только Бог и человек, которому Бог его передал. Если мифология не знала разделения веры и знания, естественного и сверхъестественного, поскольку всякий мифический объект для нее достоверен и очевиден, то религия раздваивает мир на сверхъестественный и естественный. Следует отметить, что здесь

вместе с религией и синхронно с ней действует наука. Выхватывая из мира отдельные стороны, аспекты, она не только утратила восприятие мира как чего-то целостного, но и его живое начало, которое в мифологическом понимании хорошо осознавалось. И теперь природа глубокомысленно разделяется на живую и неживую, а объекты природы – на одушевленные и неодушевленные.

По поводу утраченной способности видеть в природе одушевленное начало ученые высказывают следующее соображение. Древний человек не знал единственно истинного – научного представления о мире, поэтому мыслил его по своему образу и подобию. Это есть обыкновенный антропоморфизм – перенос черт человека, в том числе и его духовности, на окружающий мир. Такого рода рассуждения выглядят достаточно логичными, но не очень убедительными. Дело в том, что человек стал для человека главным объектом рассмотрения довольно поздно. Первые века философия существовала как натурфилософия, поскольку ее интересовала, прежде всего, природа, окружающий мир, и только Сократ ставит человека в центр изучения. Так как же человек мог переносить что-то на природу, если он еще не знал себя?

Чтобы яснее были наши рассуждения, обратимся к следующему примеру. Когда, в какой период человек становится для себя главным объектом внимания? Когда молодой человек начинает всерьез задумываться над смыслом жизни, более ответственно относиться к своему поведению, более придирчиво выбирать себе друзей? Когда человек начинает испытывать потребность вести дневник, не обязательно письменный, и даже писать стихи? Обычно это происходит на стыке подросткового и юношеского периодов, т. е. в 14–16 лет. Но ведь волны духовности воспринимаются человеком гораздо раньше этого периода. Более того, к юношескому периоду многие, но не все, эту духовную связь с природой уже теряют. Поэтому вряд ли можно объяснить одушевление природы древним человеком и ребенком тем, что он на нее переносит свои черты. Это значит, что вопрос, кто более прав в понимании мира: древний человек или современный, ребенок или взрослый, – остается открытым.

Постскриптум. Самым главным историческим обоснованием реальности существования духа для меня является мое блокадное детство, когда в условиях смерти, окружающей нас со всех сторон, мне дано было прочувствовать жизнеутверждающее начало природы так ярко, что никакая школа не смогла во мне это чувство убить.

3.3. Теоретическое обоснование нематериальности духа

От исторических фактов перейдем к теоретическим аргументам. Выше дух трактовался нами как способность природы к самоорганизации, как законы функционирования и изменения природы. Вначале зададимся вопросом: что такое логика? Во всех учебниках по логике сказано однозначно и определено: это наука о законах правильного мышления. Значит, логика считается принадлежностью только человеческого сознания, его разума. А теперь зададимся еще одним вопросом: законы природы логичны? Вспомним любой из них: "Угол падения равен углу отражения". «Действие равно противодействию». Логично? Да. Эту логическую форму человек навязал закону для лучшего его понимания или она в действительности присуща закону природы? Экспериментальная проверка свидетельствует, что логическая форма закона есть действительная принадлежность природы. Выходит, человек не имеет монопольного права на логику. Теперь зададимся новым вопросом: законы природы реальны? Безусловно, да, ибо им подчиняются все явления и процессы природы. А они материальны? Можно показать сам закон или мы можем видеть только его проявления? Чтобы вопрос был более понятен, обратимся к примерам. Опытный бильярдист еще до удара кием по шару твердо знает, куда, по какой траектории покатится шар. Выходит, удара еще нет, а закон, определяющий его движение, уже есть. Где он есть? Можно указать место его пребывания? Итак, хотя проявления законов материальны, сами законы идеальны: их нельзя измерить, указать место их обитания. Поэтому те, кто признает реальность существования законов природы, должны также признать наличие духа природы.

Но духовная составляющая бытия – это не только его законы, но и способность к самоорганизации, гармонии, порядку. В свое время Демокрит обратил внимание на то, что на морском побережье маленькие морские камешки ложатся рядом с маленькими камешками, а большие – рядом с большими. В природе не бывает, чтобы все было смешано в одну кучу, и если так действительно бывает, то это деяния человека, а не природы. В природе все гармонично, в том числе и в самой "дикой": посмотрите на звездное небо, лес, горы, даже болота, и вы убедитесь в этом. Если есть какая-то дисгармония в природе, что-то отталкивающее в ней, то это, как правило, следы человеческой деятельности. Но стоит человеку, оставив горы мусора, уйти, как природа за какое-то время сможет воссоздать нарушенную гармонию.

Можно привести и еще аргумент в пользу наличия в окружающем мире нематериальной составляющей, или духа. Если человек, как в этом убеждена наука, действительно является творением Природы и поэтому она вполне заслуженно получила

название Природы-матери, то спрашивается: могла ли неживая мать родить живого ребенка? Иными словами, мы только тогда сможем действительно понять душу человека, если признаем наличие в природе родственного образования – духа. Архиепископ Лука, в книге "Дух, душа, тело" писал, что материалисты именно потому отрицают душу, что не хотят ничего знать о духе.

Итак, развитие мировой и отечественной науки накапливает все больше и больше свидетельств в пользу существования духовного начала в мире, или духа. Это признание – важнейшая часть решения вопроса о существовании души человека, включающей в себя все те аспекты, стороны, которые присущи и миру в целом.

Постскриптум. В 1984 году я написал книгу, без которой к защите докторской диссертации не допускались, и, назвав ее «Логика диалектики», сдал в издательство Ленинградского государственного университета (ЛГУ). Через какое-то время меня вызывают на философский факультет и учиняют допрос:

– Признаете ли Вы всеобщий характер диалектики?

– Да, разумеется.

– Тогда почему Вы назвали книгу Логика диалектики?

– Мамою клянусь, я чувствую, что природа логична. – Э, батенька, попахивает идеализмом. Или Вы смените название, или мы снимаем Вашу книгу с печати.

– Меняйте сами. Университетские профессора назвали мою книгу «Системность элементов диалектики». Но я так и не понял, какая разница между «в лоб» и «по лбу». Ведь всякая системность предполагает логическую связь. Ну да ладно, спорить не буду, себе дороже.

Несколько лет спустя я попросил студентов принести на семинарское занятие все доступные учебники логики. Во всех практически было одно и то же определение: Логика – это наука о законах правильного мышления. Далее я прошу студентов привести мне известные им законы природы. – На тело, погруженное в жидкость, действует выталкивающая сила, равная весу вытесненной телом жидкости. Спрашиваю: закон построен логично? Это мы навязали логику, или приборами доказали ее наличие? Ответ: все законы природы логичны. Далее. Законы природы, не изменяясь, действуют миллиарды лет. Законы, принятые нашей Думой, зачастую уже через два месяца ложатся на тумбочку Президента, поскольку нуждаются в корректировке. Так кто более логичен: природа или депутаты Думы, на которых при выработке новых законов работают целые научные институты? И еще вопрос: после зимы будет весна – Да. – После весны обязательно придет лето? – Да. – К лету все вы останетесь студентами? – В ответ смех и покачивание головой. Так кто более логичен? – Понятно, что природа. Так на каком основании мы только себе приписали

логику? То, что природа логична, это хорошо чувствовали еще древние авторы, приписав нус, или ум, самой природе. И Герцен, сторонник реалистического мировоззрения, также считал ум универсальным свойством бытия. А то, что человек очень часто в своих действиях бывает алогичным – это подробнейшим образом обосновал в своих книгах Федор Михайлович Достоевский.

В одной из книг для учителей я дал правильное определение логики: *Логика есть наука о закономерном характере функционирования природы, свидетельствующая о ее логичности, предсказуемости, применимая также, отчасти, к сознанию и поведению человека.* Скорее всего, это определение еще очень долго не будет принято официальной наукой.

3.4. Атрибуты духа

В. И. Ленин определял материю как философскую категорию, обозначающую объективную реальность, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них. Философ-реалист в целом присоединяется к этому определению, но с необходимыми добавлениями: *Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая отображается нашими органами чувств и приборами, которая противоположна духу, но вне и без духа, как активного, жизнесущностного начала мира, не существует.* Философское понятие мира включает не только материальные, но и духовные явления, не только действительные события и их предпосылки, но и возможные события в разной степени их вероятности. Бытие указывает на то, что существует только действительный мир явлений и процессов. *Атрибут* – это всеобщее неотъемлемое свойство бытия. Как правило, атрибуты бытия и атрибуты материи понимаются как синонимы. Но в реалистической философии бытие подразделяется на материю (природу) и дух. Естественно поэтому, что атрибуты делятся на атрибуты материального бытия и атрибуты духовного бытия. К атрибутам материального бытия обычно относят движение, пространство и время, отражение и информацию, структурность, качественную неисчерпаемость и др. В атрибутах материи я ограничивался общепринятым, перейдем сразу к атрибутам духа.

Дух как Ничто. Бурное развитие науки в Новое время ориентировало научную мысль на материальной стороне реальности. И атрибутивная модель стала рассматриваться исключительно как модель материального бытия. Что касается духовного бытия, то его реальность практически никогда не отрицалась, по крайней мере в философии и религии, но со времени

Р. Декарта и Б. Спинозы, четко поставивших проблему атрибутов духа, она в дальнейшем не получила достойного развития. Может, это было связано с тем, что априорно предполагалось, что духовные процессы (мышление, сознание, психика, да и сама жизнь), по крайней мере в принципе, порождаются материальными структурами. Однако современная наука все более и более убеждается в том, что из материи явления духа не выводятся. Последние представляют собой самостоятельное начало, наряду с материальным.

В материалистической философии дух изгоняется из природы. Поскольку наука имеет дело только с той реальностью, которая воспринимается нашими органами чувств или приборами и с которой можно проводить эксперименты, постольку материалистическая философия, тесно связанная с наукой, признает реальность существования только материи, дух ограничивается лишь областью сознания. В идеалистической философии, казалось бы, дело обстоит прямо противоположным образом, поскольку дух здесь изначально трактуется как то первоначало, которое затем породило весь мир. Поскольку дух существует до и вне материи, постольку он представлен в виде чистых категорий, настолько "чистых" от всякого реального содержания, что здесь бытие может быть тождественно Ничто (Г. Гегель).

Таким образом, и в материализме, и в идеализме дух считается чем-то призрачным, смутным, неопределенным. В реализме дух рассматривается как антипод материи, находящийся с материей в нерасторжимом единстве. Будучи антиподом материи, дух зачастую имеет противоположные материи характеристики. Это действительно духовное начало, ибо оно кардинальным образом отличается от всего, с чем человек имеет дело в своей повседневной жизни; оно не только противостоит ему, но не подчиняется законам, сформулированным для материальных объектов. К этому началу нельзя применить такие категории, как пространство, время и т. п.

И если материя есть Всё, то дух есть Ничто, но такое Ничто, которое равно Всё. Это было осознано еще древними мудрецами. Еще Аристотель помимо четырех элементов, образующих весь материальный мир, предложил пятую сущность, или квинтэссенцию, – эфир, который обладает признаками, противоположными материальным. Так, в отличие от первых четырех элементов, эфир не может быть ни теплым, ни холодным, ни сухим, ни влажным. Он не возникает и не уничтожается подобно другим материальным объектам. Эфир – это нематериальная субстанция, которая, по Аристотелю, "не имеет материи, из которой она возникает". Эфир служит обоснованием несотворимости и неуничтожимости мира, он сообщает миру свойства вечного и

блаженного живого существа – космического бога. Учение об эфире просуществовало в науке вплоть до начала XX в., до теории относительности А. Эйнштейна, после которой эти представления были решительно отвергнуты. Сейчас же ученые (В. П. Казначеев) вновь исподволь восстанавливают это понятие. Но это, на наш взгляд, не обязательно делать, поскольку есть более емкое и более адекватное понятие – дух, наличие которого и было почувствовано Платоном и Аристотелем под названием "эфир".

Дух как Нечто. Исследователи духа обычно акцентируют внимание на тех признаках его, которые противоположны материальным. Но у духа, на наш взгляд, есть и признаки, роднящие его с материей. Это – реальность существования, способность к изменчивости и наличие энергии. Дух так же реален, как и материя, но это реальность иного рода – реальность идеальная, а не материальная. Иного рода и энергия у духа, что можно проиллюстрировать на следующем примере: сила тока в материальном мире и сила духа в мире идеальном – не одно и то же. Во всяком случае, являющаяся реальной сила духа не может быть измерена приборами наподобие силы тока.

Дух, кроме того, является крайне подвижным и может самопроизвольно концентрироваться в любом объекте: как в человеке, так и в растении, животном и даже неодушевленном предмете. Такая концентрация духовного начала создает свою картину мира, в которой компоненты соотносятся не на основе связей и закономерностей, реально существующих между ними, а в зависимости от наличия в них духовного начала, уровня его "концентрации", т. е. его энергии. В том случае, когда такое начало концентрируется в человеке, он сразу чувствует это самым непосредственным образом в виде вдохновения, "безумия", прозрения и резкого повышения внутренней активности. Здесь возникает существенно иное видение мира, которое фиксируется в нетрадиционных, необычных представлениях, фантастических образах, которые на поздних этапах развития общества воплощаются в произведениях искусства, научных концепциях, отмеченных чертами истинного творчества.

Объекты, вокруг которых наблюдается повышенная концентрация духовного начала, отличаются от всех других, и обычно их характеризует большая выраженность таких характеристик, как гармония, совершенство, красота, изящество, утонченность и т. п. По мере удаления от них начинают преобладать характеристики совершенно иного рода: хаос, деградация, разрушение, смерть. Локальные концентрации духа существуют всюду и оказываются весьма благоприятными для объектов, находящихся в их окрестности. Здесь возникает своеобразная духовная аура, которая способствует излечению заболеваний,

возвышению духа и т. п. Давно известно, что в неорганической природе есть такие места и даже регионы, где человек чувствует себя наиболее возвышенно. Именно в таких местах с глубокой древности ставились храмы, монастыри, дворцы. Известно много случаев, когда христианские храмы возводились на местах языческих капищ. Концентрация духа в таких местах способствует активизации сознания человека, воздействует на психику людей, стимулирует их воображение. Многие здесь испытывают ощущение легкости, вдохновения, о чем не раз говорили поэты, художники, музыканты. (Вспомним, что знаменитая Первая симфония П. И. Чайковского "Зимние грезы" была навеяна посещением о. Валаам).

Но существуют и области, где концентрация духовного начала выражена слабо, и они оказывают негативное воздействие на находящиеся в них объекты, в том числе и на человека. Связано это с тем, что чем в большей мере духовное начало выражено, тем больше оно стимулирует гармонию, порядок, активность. На языке синергетики это получило название *аттрактор* (внешний системообразующий фактор). Ослабление концентрации духа резко усиливает деструктивные процессы, способствует нарастанию хаоса и разложения. На языке обыденного сознания такие места получили название "гиблых", "проклятых" и т. п. От таких мест рекомендуется держаться подальше, и в художественной литературе встречаются описания таких мест (*Гоголь Н. В. Заколдованное место*). Хорошо известно, что пребывание в обществе плохих (с пониженной духовной концентрацией) людей также может оказывать неблагоприятное воздействие ("дурной глаз", "энергетический вампиризм", "порча" и т. п.). Многие люди чувствуют интуитивно колебания концентрации духа на себе. Возрастание такой концентрации переживается как подъем настроения, вдохновение, желание творить; понижение же ее – как ощущение подавленности, отчаяния, депрессии.

Итак, дух действительно есть Ничто, если подходить к нему с позиции здравого ума. Но он в то же время есть Нечто, что определяет внутренние силы природы и человека.

Материальность духа. Словосочетание "материальность духа" лингвистически представляет собой оксюморон, т. е. соединение понятий, внутренне несоединимых, например: горячий снег. И тем не менее мы считаем правомерным использовать такое словосочетание. Дело в том, что и в материалистической, и в идеалистической диалектике существует понимание того, что стороны, образующие диалектическое противоречие, находятся между собой в отношениях противоположности, различия и тождества. Именно это мы и хотим показать в данном параграфе, где отношение духа с материей последовательно рассматривается в контексте противоположности, различия и тождества.

Материя и дух, будучи независимыми друг от друга началами, в то же время как стороны единого диалектического противоречия взаимосвязаны друг с другом, присутствуют один в другом. Известно, что дух непосредственно не дан нам в ощущениях, что же касается материи, то именно ощущения являются единственным достоверным источником наших знаний о мире, что подтверждается всей европейской историко-философской традицией и наукой. На всех уровнях организации материи, всеми органами чувств могут быть установлены взаимосвязи материальной и духовной компонент мира, но существуют два явления, где эта связь проявляется особо "весомо, грубо, зримо", – это свет и тепло, которые поэтому могут быть названы атрибутами духа, хотя они и имеют материальную природу.

Здесь уместно вспомнить о культе светил (солнца, луны, звезд и т. п.), который был распространен у разных народов. Акт творения мира обычно связывается со светилом, световым потоком. Правда, в христианстве говорится об особом свете, который не имеет своего материального источника. В Библии свет не связан с излучающим его телом, что следует хотя бы из того обстоятельства, что Бог создал свет в первый день творения, а небесные светила – только на четвертый. Свет, не связанный с источником, а свет как таковой, как атрибут духа, возникает в случае преображения, вознесения и пр. Свет и дух всегда связаны, неслучайно поэтому наличие нимбов у святых. Но свет воспринимается как духовное начало не сам по себе, а в сочетании с другим атрибутом духа – теплом. Это хорошо видно на примере отношения к солнцу и луне. Солнце обычно выступает как олицетворение дня, а луна, светящая отраженным, холодным блеском, – ночи. В отличие от солнца, луна часто выступает носителем злого начала (Геката в Греции, чертовщина у Н. В. Гоголя, шабаш ведьм в полнолуние и т. п.). Солнце и луна, как в известном смысле противоположности, олицетворяют соответственно, жизнь и смерть.

Согласно Пифагору, живет всё, что причастно теплу. В русском и польском языках существует слово "духовка", обозначающее жаркое место в печи, в котором выпекают хлеб и пироги. Здесь тепло и дух понимаются как в известном смысле тождественные. В то же время холод обычно ассоциируется с бездуховностью (холодная вежливость, холодные отношения). Г.-Х. Андерсен это тонко почувствовал, описав чертоги снежной королевы, в которых человек теряет свою духовность. И в научном представлении межзвездная холодная мгла является безжизненной, мертвой. Итак, мы рассмотрели здесь в первом приближении атрибуты духа. Вполне возможно, что при дальнейшем исследовании данной проблемы многое в ней будет исправлено и дополнено. Ведь тема эта никогда не освещалась в научной философии, что естественно, поскольку

наука, по определению, имеет дело только с реальностью материальной. Нам поэтому пришлось, помимо историко-философского материала, обращаться также к мифологии, религии, народно-поэтическому творчеству, искусству. Но в этом и состоит суть реалистического подхода, единственно способного дать наиболее адекватную картину мира, т. е. отобразить мир во всей его реальной полноте.

Постскриптум. В 2000 году мои польские друзья – Збигнев Хулл и Витольд Тулебацкий пригласили меня в город Ольштын на конференцию. Там я выступал в замке XIV века, где многие годы проработал Коперник, с докладом о духе. Тот доклад я закончил словами: школа, как средняя, так и высшая, учили меня неправде. Они за мир выдавали только скорлупу, материальную оболочку мира, утверждая, что это все. Но какое счастье, что у меня был дошкольный уровень, уровень сказочного восприятия мира, когда окружающая природа убедила меня, что ядром, сердцевиной мира является духовное, жизнесущностное начало.

После доклада ко мне подошла молодая польская преподавательница с вопросом, является ли тепло необходимой составляющей духа? Немного подумав, я дал отрицательный ответ, поскольку тепло относится к материальному образованию, а дух нематериален. Тогда она излагает мне причину, по которой она задала мне свой вопрос: в польском языке есть слово «духовка», как бы намекающее на то, что тепло связано с духом. В ответ я обещал подумать над ее вопросом. И вот к чему я пришел. Помимо энергии, которая может быть и материальной и духовной, существуют еще два явления, которые имеют такую же двойственную природу: свет и тепло. Когда мы говорим «ученье – свет», или «теплая встреча», то здесь свет и тепло понимаются как духовные характеристики. Но и материальные свет и тепло тоже имеют отношение к жизни, к живому. Для того, чтобы появилась жизнь на Земле, необходимо было Солнце, которое не только освещает Землю, но и дает необходимое для образования жизни тепло. Межзвездное космическое пространство, где властвуют темнота и холод, лишено жизни. Более того, при достижении абсолютного холода уже не существует и движения материи. Таким образом, духовные свет и тепло нерасторжимым образом связаны с физическими светом и теплом. В итоге вопрос на конференции, заставив задуматься, породил у меня новый параграф.

3.5. Души как конкретное воплощение духа

Отрицание диалектическим материализмом духа как всеобщей характеристики бытия неизбежным следствием имело отрицание и

души. Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий) совершенно справедливо отмечал, что материализм именно потому не желает признавать душу, что ничего не хочет знать о духе. В пятитомной философской энциклопедии, изданной в 60-е гг., про душу сказано следующее: «Душа... в религии и идеалистической философии и психологии – будто бы особое нематериальное (независимое от тела) животворящее и познающее начало».

Далее авторы рассуждают так: Признание в человеке двух начал – материального (тела) и идеального (души) было бы уступкой дуализму, на которую наука решительно пойти не может. Поэтому термин «душа» она заменяет термином «психика», понимая ее как социальную обусловленную функцию мозга.

Мне с необходимостью пришлось выявлять различия между психикой и душой, и вот в чем они состоят:

1. Психика есть понятие материалистической философии.

Душа есть понятие идеалистической философии.

2. Психика непосредственно связана с физиологией, и студенты психологических факультетов очень глубоко изучают физиологию высшей нервной деятельности.

Душа есть частичка, конкретизация мирового духа

3. Психика связана с обыденным, повседневным.

Душа связана с возвышенным: любовь, вдохновение, восторг.

Не случайно мы говорим: «Души прекрасные порывы», но никто никогда не скажет: «Психики прекрасные порывы». На это обратил внимание еще Э. Фромм, говоря, что с потерей души философия и психология потеряли все возвышенные чувства человека. Поэтому он настаивал на возвращение в психологию понятия «душа».

Итак, отрицание духа автоматически сказывается на отрицании души. Но именно понятие «дух», в свое время напрасно отвергнутое наукой как якобы устаревшее, которое обозначает нематериальную составляющую бытия, демонстрирует всю неисчерпаемость и величие, его необъятные творческие способности, проявляющиеся, в том числе и в появлении человеческого сознания. И теперь уже, с возвращением в философию этого понятия, не сознание парит над природой, как якобы высшее ее достижение, а, напротив, сознание само стремится приблизиться к осмыслению необъятного и всемогущего духа Мироздания. Поскольку человек является составляющим природы, притом такой ее составляющей, в которой по необходимости сходятся все ее силовые линии, постольку он потенциально наделен способностью возвыситься до ощущения бесконечности духа. И возвышение это осуществляется с помощью души. Подобно тому, как дух есть реально существующая нематериальная составляющая бытия, *душа есть нематериальная*

составляющая человека, такая составляющая, которая определяет и предопределяет характер человека, его судьбу.

Неразрывность духа и души подтверждается как христианским вероучением – своеобразным языком и специфическими образами, так и историей науки, где душа и дух либо вместе признавались, либо вместе отрицались. Их неразрывность означает, во-первых, что душа не может быть понята иначе, как конкретизация, проявление мирового духа и, во-вторых, сама универсальность духа находит свое подтверждение в существовании души у всех предметов: как одушевленных, так и неодушевленных.

Существование души у человека является темой соответствующей главы, поэтому здесь мы не будем на этом подробно останавливаться. Сложнее является вопрос о наличии души у растений и животных. Еще более сложным представляется вопрос возможности вступления в психологический контакт с металлами и камнями. Подобно тому, как дух является особой, нематериальной реальностью, души так же не имеют ни веса, ни размера, они не воспринимаются ни органами чувств, ни приборами. Из этого следует, что при доказательстве наличия душ у животных, растений, камней требуется особая деликатность, тонкость, обращенность к жизненному опыту, миру душевных переживаний.

При обосновании животной души можно использовать три рода доказательств: ссылка на авторитет религии, ссылка на авторитет науки, ссылка на жизненный опыт. Для тех, кто верует в религиозные догматы, доказательством наличия душ у животных может служить обращение к Библии, трудам богословов. «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной» (Быт., 1, 20). «И сотворил Бог рыб больших, и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо». (Быт., 1, 21). «И сказал Бог, да произведет земля душу живую по роду ее, скотов и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так». (Быт., 1, 24). Библия устами пророка Екклесиаста даже утверждает некоторое тождество животных и человека: «Участь сынов человеческих и участь животных – участь одна, как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимуществ перед скотом». «Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх и дух животных сходит ли вниз, в землю». (Еккл., 3). Положение о наличии душ у животных до сих пор разрабатывается в трудах богословов. В качестве примера можно привести книгу архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа, тело», изданную в Петербурге в 1994 году. Для тех же, кто верит более в авторитет науки, может быть предложена аргументация из большого числа научных книг,

обосновывающих наличие души у животных: от трактата Аристотеля «О душе» до книги Ч. Дарвина «О выражении эмоций у человека и животных». Студентам же, ориентирующимся на жизненный опыт, можно предложить обратиться к тем, кто любит животных и имеет их у себя дома, поскольку для них наличие души у животных не является вопросом. Богатый материал на эту тему можно найти в периодической печати, посвященной домашним животным, прежде всего кошкам и собакам.

В последнее время накапливается все больше фактов, говорящих о сложном внутреннем мире растений и даже их способности реагировать на мир психических состояний человека. При этом зачастую оказывается, что многие самые современные открытия лишь повторяют то, что давно было известно в восточной мудрости. Садовые растения – фруктовые деревья, кустарники – имеют свой собственный цикл развития. Человек может научиться взаимодействовать с ним, вступая с растениями в психологический контакт, разговаривая с ними, от чего последние могут либо ускорить свое развитие, либо вообще перестать расти. Это зависит от способности человека найти с растениями нужный контакт, подчинить своей воле, чтобы оно дало ожидаемый результат. На это обстоятельство обратили внимание еще древнекитайские садоводы. Если ты не «понравился» растению, оно может дать прямо противоположный ожидаемому результат. При этом контакт человека с растительным миром осуществляется либо сознательно, либо бессознательно. Когда люди не понимают этого, они могут своим плохим настроением нанести растению вред. Поэтому при плохом настроении лучше оставить растение в покое, не мешать ему своими эмоциями, не заряжать своей отрицательной энергией. В Китае еще VIII–IX веках нашей эры существовали школы, где учили садоводов методам психологического воздействия на растения. Духовность растений и животных подтверждается также тем фактом, что человек способен вступать с ними в определенный психологический контакт. Так, известно, что кошка способна снимать стрессы, забирать на себя отрицательную энергию, поэтому общение с ними действует на человека успокаивающе. Напротив, общение с собакой повышает жизненный тонус, действует возбуждающе.

Сходные результаты наблюдаются и при общении с растениями. И если дуб, береза и сосна заряжают человека энергией, подпитывают его, то осина, тополь и черемуха, напротив, «отсасывают» энергию, поэтому лишний контакт с ними может навредить человеку. Дозированное же воздействие их действует исцеляюще, снимает различные воспаления, боли. Таким образом, природа не только создает организм здоровым и закладывает в него защитные силы, но и сама готова прийти к нему на помощь.

Поэтому древнее выражение «природа лечит», не так уж далеко от истины. Целительные силы растений, их способность восстанавливать физическое и духовное равновесие человека были отмечены давно, в частности, в мировоззрении друидов. Современные научные исследования не подтверждают жесткой связи между наиболее благоприятным для человека растением и временем его рождения. Отмечено только, что у любящих друг друга людей подпитывающие и ослабляющие организм растения совпадают.

В психологический контакт с человеком вступают не только деревья, но и вообще все растения. В. П. Казначеев обратил внимание на то, что опытным путем была установлена способность растений вырабатывать условные рефлексы. Растения адекватно реагируют на приближение к ним «врага», «друга» и просто нейтрального человека, что фиксируется приборами. Как растения способны вырабатывать условные рефлексы, не имея для этого нервной системы, – для современной науки это является загадкой, но сам этот факт сомнению не подлежит. Способностью вступать в определенный психологический контакт с человеком обладают не только растения и животные, но и камни, металлы. Многие женщины глубоко убеждены, что украшения из определенных драгоценных камней «не принимают» их, они чувствуют себя в них дискомфортно. Другие камни, напротив, «любят» их, они способны поднять настроение, сделать его радостным. Подобно тому, как общение с кошкой успокаивает человека, а с собакой – возбуждает, изделия из серебра приносят успокоение, а их золота – возбуждение. Именно поэтому врачи не рекомендуют дарить золотые украшения гипертоникам. Давно известно, что камни способны концентрировать энергию, оказывающую влияние на физическое и духовное состояние человека. Так, еще в древности служители церкви обратили внимание на то, что сапфир умиряет страсть, успокаивает душу во время богослужения. Вот что писал знаток самоцветов Иван Грозный: «Кто носит сапфир при себе, тело умножает, и благолепие лицу подает, пот лишний унимает и похоти телесные смиряет, а измены открывает, страх отгоняет». Астрология считает сапфир весьма полезным для творческих работников, и не случайно некоторые известные художники, в частности Михаил Булгаков имел этот камень в качестве талисмана.

Идею присущности живого начала камням подтверждают и ученые, философы. Вот, например, что пишет об этом Джордано Бруно: «И я не утверждаю большего, так как в данном случае я не хочу говорить о свойствах многих камешков и драгоценных камней; будучи отшлифованными, и гранеными, и живописно расположенными в оправе, они имеют известную способность возвышать дух и возбуждать новые чувства и страсти не только в

теле, но и в душе. И мы знаем, что подобные следствия не происходят и не могут происходить от чисто материального качества, но с необходимостью относятся к символическому жизненному и душевному началу... Итак, если дух, душа, жизнь находится во всех вещах и сообразно известным степеням наполняют всю материю, то достоверно, что он является истинным действием и истинной формой всех вещей»⁵.

Хотя идея присущности духа всему мирозданию под напором собственной логики развития научного знания становится все более распространенной и даже модной, все же она не стала еще общепринятой, есть еще отдельные ученые, которые отождествляют дух с мыслящим разумом, т.е. ограничивают его сферу только человеком, обществом и культурой. Мы же принимаем дух предельно широко, как характеристику всего бытия, Именно потому в следующем параграфе мы привлекаем в союзники авторитеты, безусловно убежденные в идее Живого Космоса.

Постскриптум. Мой друг, Роман Алексеевич Зобов, поведал мне такой случай. Однажды на даче он услышал разговор двух соседей. Женщина спрашивает мужчину, у которого растут самые роскошные цветы в садоводстве, как он добился этого? – Где Вы покупаете саженцы? – Там то. – И я там же. Как вы их поливаете, как удобряете? Оказалось, что все схоже. – Так почему у меня цветы растут хуже? – А я откуда знаю. И вот однажды, уже вечером, когда голоса хорошо разносятся по всему садоводству, эта женщина, взяв лейку, громко сказала: – Опять вас, проклятые, поливать надо. Моментапно к ней подскочил тот мужчина и сказал: «Так вот почему у Вас цветы плохо растут». Женщина ухаживает за ними без любви, и они отвечают ей тем же.

Как-то София Бланк прислала мне статью американских ученых, в которой говорилось, что и в США, и в России растения иногда привлекаются для свидетельских показаний. В квартире была лишена жизни одинокая женщина. Есть подозреваемые, но нет свидетелей. В этом случае правоохранительные органы заводят в квартиру по одному подозреваемому, и растения, к которым подключены записывающие устройства, «указывают» на убийцу. Разумеется, «свидетельские показания» растений нельзя пришить к делу, но они очень помогают распутать клубок.

А теперь о камнях. Мне объясняли уральские ученые, что камни, как все живое, с годами растут, насыщаются все большей энергией, которую затем отдают людям. Я не мог не верить уральским ученым, поскольку, работая на Урале иногда по 16 часов в сутки, я не чувствовал той усталости, которая одолевала меня в Пушкине уже после 6–8 часов преподавания.

---

⁵ Бруно Дж. О принципе, начале и едином. Минск, 1999. С. 340

Как-то, находясь на Урале, я зашел в магазин «Мир камней» и попросил продавца найти мне живой камень. Он обидчиво ответил, что у него все камни живые. Пришлось объяснять, что я с ним согласен, но мне нужен такой камень, чтобы самый ограниченный студент мог убедиться, что камень живой, в нем душа живая. Мы долго перебирали камни и, наконец, я нашел то, что искал. Это был моховый агат с палитрой, достойной работ лучших колористов мира. Камень доказывал, что природе присуще творческое начало и гениальное чувство красоты. И когда я показывал этот камень студентам, некоторые одобрительно кивали, соглашаясь со мной, а иные скептически улыбались тому «бреду», который им несет преподаватель. Многие годы, пребывая в учебной атмосфере, призанной культом научного знания, они напрочь утратили способность чувствовать живое дыхание мира.

Во вненаучном познании: народных поверьях, гороскопах, сказах Бажова и т.д. одухотворенность камней, их способность вступать в психологический контакт с человеком являются общепризнанными. Но научное познание все это относит к сфере суеверия.

Казалось, так будет всегда. Но вот появилось направление «ню-эйдж», которое можно назвать золотой серединой между обыденным человеческим опытом и научным знанием, между интуицией и строгой приборной доказательностью. Это направление расширило горизонты человека, дало научное толкование многим знаниям, казавшимся доселе лишь суевериями. Видным представителем этого направления, неутомимым исследователем, прорывающим все новые и новые горизонты, является американская исследовательница София Бланк. Используя кирлиановскую фотосистему, она смогла строго научно доказать способность камней вступать в психологический контакт с человеком, улучшать его биополе, или ауру. Отныне самым заядлым скептикам будет трудно отрицать живое начало, присущее так называемой неживой природе. Оказывается, правы были и Пифагор, и Дж. Бруно, и Гете, которые это чувствовали. Наука, вбирая в себя все лучшее из достижений народной мудрости, открывает для себя новые горизонты.

3.6. Русские поэты и космисты о жизнесущности Мироздания

Мандельштам провидчески сказал, что кто не понимает нового, тот ничего не смыслит в старом, а кто смыслит в старом, тот обязан понимать и новое. Очень верное замечание! Признав только за собой право на монопольное владение истиной, наука спешиво

отрицает его у других сфер духовной деятельности человека: искусства, религии, народно-эпического сознания. Но ведь они тоже с неподдельным интересом относятся к окружающему миру и своими методами, на своем языке пытаются проникнуть в его тайны. Поскольку у них иные, чем у науки, подходы к миру, постольку они способны проникнуть в тайны, науке не подвластные. Если наука откажется от гордыни, более уважительно станет относиться к другим родам духовной деятельности, ей откроются многие новые тайны, которые существенно обогатят ее.

Рассмотрим данное утверждение на примере рассматриваемой темы. В русской поэзии всегда, – начиная с Пушкина и Лермонтова и кончая Блоком, Пастернаком, Ахматовой, – проводится идея взаимосвязи человека с космосом: наличие космического начала в человеке и человеческого начала в мироздании. Обладая повышенной духовной чувствительностью, поэты многие темы почувствовали и обозначили раньше науки. Поэт острее ученого чувствует переплетенность земного и небесного, человеческого и природного начал. Приведем для примера только одно стихотворение С. Есенина, написанное им в 1919 г. и не имеющее названия:

*Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зеленый шевелится.*

*То сучья золотых стволов,
Как свечки, теплятся пред тайной,
И расцветают звезды слов
На их листве первоначальной.*

*Понятен мне земли глагол,
Но не потряхну я муку эту,
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.*

*Так кони не потряхнут хвостами
В хребты их пьющую луну...
О, если б прорости глазами,
Как эти листья, в глубину.*

Искренность и глубокое чувство не позволяют видеть здесь лишь игру слов, – поэт, бесспорно, пишет правду. Когда он утверждает, что душа нездешних нив жилища, это значит, что он действительно чувствует, что его душа питается корнями во вселенском духе и о нем грустит. Если наука, как правило, отвергает духовную компоненту мира, философия то признает ее, то отрицает,

искусство же, целиком относящееся к вненаучному виду познания, духовное начало мира никогда не ставит под сомнение. Все виды искусства духовность мира глубоко чувствуют и отражают в своих произведениях, но мы останавливаемся прежде всего на поэзии, поскольку в ней эта духовность наиболее очевидна.

Наука основана на анатомировании (анализе), выведении (индукции и дедукции), экспериментальной проверке, считая только эти методы единственно правильными, ведущими к истине. Никаким из этих методов поэзия не пользуется. Она не разлагает мир на абстрактные части, поэтому она не убивает его живого начала. Ее «методами» являются интуиция, озарение, вдохновение; ее приемами, определяющими строй ее языка, являются метафора, гипербола, сравнение. С точки зрения науки, это все «неправильные» методы, с их помощью нельзя постичь истины, а можно лишь воспаряться над ней в чисто субъективистских конструкциях, дающих кое-какое знание только о внутреннем мире поэта. И потребовалось нынешнее крушение сциентистских (научных) иллюзий, чтобы все стало на свои места, чтобы определилось истинное место науки в системе знания.

Знания, добытые философией, искусством, религией, больше не характеризуются как однозначно антинаучные (хотя по инерции все еще многие так продолжают считать). Введение в научный оборот знаний, полученных вненаучными видами познания, ненаучными методами, необыкновенно расширяют горизонт науки, придавая ей второе дыхание.

Какие выводы могут быть сделаны на основании этих общих рассуждений? Поэзия, как и все другие виды искусства, дает глубокое знание о мире, являющееся дополнительным к научному знанию. Приемы, методы, которыми пользуется поэзия, являются адекватными ее природе, дающими способность наиболее глубокого проникновения в тайны мира, прежде всего касающиеся ее духовной компоненты, в познании которой классическая наука бессильна. Метафора, гипербола и другие приемы поэзии не уводят от истины, а, напротив, позволяют лучше постичь ее. Если читатель научится понимать поэтические слова буквально, он много нового узнает о мире. Когда поэт, например, пишет о духовности всего сущего, его следует понимать буквально, поскольку его поэтический язык, его приемы позволили поэту эту тайну открыть и передать ее нам. Рассмотрим для примера первую строфу безымянного стихотворения Ф. Тютчева:

*Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык...*

Здесь поэт обращается к природе как к субъекту. Человек привык только себя считать субъектом, природа же для него всегда объект, дающий ему определенные блага для жизни. Для поэта не так, для него природа – это вселенский субъект, это живой организм, живущий по закону живого и требующий к себе соответствующего отношения. Поэт при этом хорошо видит, что большинство людей утратило способность воспринимать природу как живую, как мать, давшую человеку жизнь:

*Они не видят и не слышат,
Живут в сем мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, зная, не дышат
И жизни нет в морских волнах.*

*Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса не говорили
И ночь в звездах нема была!*

*И языками неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи не совещалась с ними
В беседе дружеской гроза!*

*Не их вина: пойми, коль может,
Органа жизнь глухонемой!
Увы, души в нем не встревожит
И голос матери самой!*

Не только поэтам, но и русским космистам также всегда было открыто живое начало Космоса. Это связано с тем, что русский космизм является уникальным научно-культурологическим феноменом, достижением многовековых усилий философов, естествоиспытателей, писателей, поэтов, религиозных деятелей и безвестных хранителей народной памяти. Поэтому, как отмечает исследователь русского космизма В. Н. Демин, космизм – это не просто знание, а особое прочувствование Вселенной: научно осмысленное, эмоционально-личностное, вследствие чего оно особенно созвучно целостным, интегративным тенденциям в современной науке.

Идея жизнестойкости мироздания красной нитью проходит через творчество всех русских космистов, как религиозного (В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, П. А. Флоренский), так и естественнонаучного (В. И. Вернадский, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский) направлений. Это направление успешно развивается уже второе столетие.

Наше время в нем представляют Л. Н. Гумилев, В. П. Казначеев, Н. Н. Моисеев и др. Один из известных русских космистов К. Э.

Циолковский писал: «Вселенная в математическом смысле вся целиком живая, а в обычном смысле ничем не отличается от животного»⁶.

Одновременно с Циолковским и независимо от него концепцию Живой Вселенной развивал В. И. Вернадский. Биогеохимический подход к изучению природы, осуществленный Вернадским, помог открыть неизвестное ранее существование живого вещества, участвующего в круговороте всех химических элементов. Жизнь эта проявляется в непрерывно происходящих в планетарном масштабе миграциях атомов из биосферы в живое вещество и обратно. Тем самым ставится вопрос о космичности живого вещества. В данной связи им вводятся такие понятия, как «всюдность жизни», «сгущение жизни», «давление жизни». Под давлением энергии живого вещества формируется биосфера – планетарная область распространения жизни. Биосфера – это явление космического порядка, она является земной оболочкой, в которую непрерывно проникает космическая энергия, космические излучения и лучепускания солнца, поддерживающие равновесие между биосферой и живым веществом. Согласно главному биохимическому принципу Вернадского, биогенная миграция атомов космических элементов в биосфере всегда стремится к своему максимальному проявлению; все живое вещество планеты служит источником свободной энергии и оказывает непосредственное воздействие на социальные процессы.

Это положение дальше развил Л. Н. Гумилев. По его мнению, источником естественноисторического процесса этносов как раз и является энергия живого вещества Земли, которая воздействует на этносы по космически запрограммированным каналам. При этом избыток биохимической энергии живого вещества, позволяющий преодолеть инстинкт самосохранения и приводящий к физиологическому, психическому и социальному сверхнапряжению, получил название пассионарности, а люди, наделенные соответствующим энергетическим зарядом, именуются пассионариями. Философам и ученым предстоит установить пока еще не выявленные закономерности взаимообусловленности нервно-биотических и физико-космических процессов. Но ясно одно, что проблемы замыкаются на проблему Живого Космоса.

То, что у русских космистов определено как Живой Космос, нами определяется как Дух, поскольку именно он является тем живым началом, которое вносит жизнь в Космос. В. И. Вернадский, говоря о формах проявления Космоса, отметил здесь различие, какое существует между наукой и другими сферами постижения мира. «Таких форм мы научно принимаем пока две – материю и

---

⁶ Циолковский К. Э. Космос есть животное // Человек. 1991. № 6. С.79.

энергию. В философии, религии, художественном творчестве к ним прибавляется и третье начало – духовное начало в той или иной форме его проявления». (Слово «пока» здесь подчеркнуто нами – оно весьма характерно!).

И далее Вернадский недвусмысленно показывает на чьей стороне его симпатии: «Возрождение разных форм виталистических и энергетических гипотез является проявлением научного критицизма. Оно является реакцией против незаконно охватившего науку философского представления, ей чуждого. К тому же это философское представление связано с материализмом, тем философским течением, которое было живым в конце XVIII, середине XIX века и которое в тех проявлениях, в каких оно выражается в науке, является историческим пережитком в современной философии»⁷. Отстаивая идею вечности и безначальности жизни, наличия в мироздании жизнеспособного начала, т. е. духа, Вернадский несомненно подчеркивает свою принадлежность к реалистическому мировоззрению. Поэтому не совсем справедливо его утверждение, что наука признает только два слагаемых мира – материю и энергию. Величайшие ученые из отечественных это, прежде всего, Д. И. Менделеев и В. И. Вернадский – доходили и до признания третьего начала мира – его духа, что, по их мнению, открывает перед научным творчеством широчайшие горизонты.

Постскриптум.

Итак, все подлинно великие ученые всех эпох признавали духовную компоненту мира. Все, кроме классиков марксизма, для которых в мире нет ничего, кроме движущейся материи. Впрочем, с них и спроса нет, поскольку к величайшим умам человечества ни я, ни Вернадский за 100 лет до меня (книга написана в 1922 году) их не относим. Очень показательна приведенная выше большая цитата Вернадского. Материализм был уместным, был живым учением в конце XVIII – начале XIX веков, сейчас же он нонсенс, поскольку без духа, как животворящего начала мира, невозможно объяснить происхождение жизни. По сути этой цитатой Вернадский ставит жирный крест на марксизме.

Вожди социалистического государства не могли уничтожить или сослать в лагеря столь великого ученого. Они пошли другим путем: вплоть до 1987 года до трети объема работ, где он обосновывал свои идеи о двойственности субстанции, т.е. фактически пел оду философскому реализму, изымались из книг, и даже не ставились многоточия на месте изъятия наиболее ценного, наиболее важного в его учении. Вожди социализма так жестоко расправились с представителями реалистической философии:

---

⁷ Вернадский В. И. Начало и вечность жизни. М., 1989. С. 85, 111–112.

одних (Луначарский, Богданов) подвергли шельмованию, других (Флоренский) расстреляли, третьих (Бердяев со товарищами) выслали, что только от нас многие философы узнали, что существовала реалистическая философия.

Когда сегодня коллеги по философскому цеху обвиняют меня в том, что восстановлением понятий дух и душа, я опрокидываю философию в XVII век, я соглашаюсь с ними и добавляю, что, с другой стороны, я хочу возвысить отечественную философскую мысль до уровня самых великих, самых прославленных современных отечественных ученых – Менделеева и Вернадского, которые были убежденными сторонниками реалистической философии, и что, несомненно, и предопределило их величие.

Глава 4. Диалектика и ее структура

4.1. Что такое реалистическая диалектика?

В истории любой науки существует закономерность, когда на смену всестороннему и тщательному исследованию явлений наука на определенной стадии своего развития переходит к исследованию процессов. Не является здесь исключением и философия: философское учение, специально занимающееся изучением всеобщих процессов, свойственных миру в целом, получило название *диалектики*. Поскольку наша эпоха по общему признанию является эпохой переоценки ценностей, постольку попытаемся заново осмыслить и ответить на вопрос: что такое диалектика? Этот чисто теоретический вопрос не может быть решен без обращения к истории.

Величайший диалектик мира – Гегель диалектику определил как учение о единстве противоположностей. Под диалектикой он понимал всеобщий метод постижения противоречий, внутренних импульсов развития в различных сферах. Основу его диалектики составляет учение о противоречии как жизненной силе всего сущего. «В высшей степени важно уяснить себе, как следует понимать и познавать диалектическое. Оно является вообще принципом всякого движения, всякой жизни и всякой деятельности в сфере действительности. Диалектика есть также душа всякого истинно научного познания⁸». Гегелевская диалектика есть четко выраженная диалектика духа. Тогда материальный мир представляется как нечто лежащее за пределами развития. Здесь мы видим четко выраженную монистическую систему объективно-идеалистического толка. И

---

⁸ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 206.

это отступление от концепции Гераклита, у которого материя и дух выступают как равноправные компоненты единого бытия.

Если в рамках немецкой классической философии, в частности в рамках гегелевской системы, диалектика была ориентирована на сферу духа, то в сформировавшемся в XIX–XX вв. марксизме она была переориентирована на материальную действительность. Материалистическая диалектика К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина уделяет большое внимание науке и еще более абсолютизирует рационалистические представления. Претензии марксизма на то, что с помощью объективной материалистической диалектики можно дать адекватное представление о мире (природе, обществе и человеке), оказались явно несостоятельными, точнее, односторонними. Марксистская (материалистическая) диалектика явилась важным и необходимым этапом развития мировой философской мысли, она привнесла много существенно нового, прежде всего в понимание динамики общественного развития. И тем не менее материалистическую диалектику постигла практически та же судьба, что и диалектику идеалистическую, – обе они перестали быть властителями умов человечества. Их претензии дать ответы на все жизненно важные вопросы, стоящие перед человечеством, так и остались только претензиями. Неслучайно из вузовских программ совершенно безболезненно исчезла тема диалектики.

Тем не менее, на наш взгляд, диалектику рано хоронить, ее вообще никому и никогда похоронить не удастся, поскольку именно она дает наиболее глубокое постижение противоречивой сути мира. Уход с авансцены мировой философии и идеалистической, и материалистической диалектики есть явление объективного порядка. Но есть в истории философии реалистическая диалектика, которая никогда не заявляла о себе так громко, как идеалистическая и материалистическая, но которая, тем не менее, существовала в философии изначально и во все века, правда, в неявной форме.

На протяжении всей истории философии постоянно делались попытки синтеза материальной и духовной компонент мира, попытки целостного освоения мира. Назовем только некоторые из наиболее известных попыток такого рода: гилозоизм, пантеизм, дуализм, деизм, антропологизм, панлогизм, панпсихизм, нью-эйдж. То, что названные течения в истории философской мысли существуют постоянно, на протяжении всей ее истории, не может быть объяснено случайностью, прихотью отдельных философов. Необходимо признать, что здесь более серьезное основание, что мир действительно двуединый и невозможно разорвать и противопоставить духовную и материальную компоненты мира, как это постоянно пытаются делать правоверные материалисты и идеалисты.

И хотя в перечисленных направлениях содержится масса ценнейшей информации, гениальных догадок, которые еще предстоит осмыслить, собрать, систематизировать философам, но общий их вывод не может быть признан философами реалистами. Здесь мы видим либо растворение духовного в материальном, либо материального в духовном. Мы же исходим из того, что материя и дух являются слиянно-неслиянными. В таком случае проблема с самого начала выводится за границы пантеистических представлений. Эти начала взаимно дополняют друг друга и всегда сосуществуют друг с другом: материя не существует без духа, а дух без материи (природы). Но они не могут превращаться друг в друга, что вовсе не исключает их взаимного влияния. По обосновываемому нами реалистическому мировоззрению, материя и дух, составляя единую субстанцию, представляют тем не менее два разных лика этой субстанции. Иными словами, реализм на место привычных монизма и дуализма с необходимостью ставит **дуалистический монизм**, признающий единую субстанцию, но с двумя противоположными ликами, несводимыми один к другому. Здесь может быть установлена аналогия с известным в психологии явлением: психофизиологическим парадоксом. Данный парадокс заключается в том, что психическое не выводимо полностью из физиологического, хотя и находится с ним в нерасторжимом единстве. Однако не может быть принято и дуалистическое направление философской мысли, поскольку здесь материальное и идеальное разделены и представляют собой субстанции, параллельные друг другу и нигде не пересекающиеся. Отношение между монизмом и дуализмом как две капли воды напоминает отношение между материализмом и идеализмом. Монисты правильно акцентировали внимание на единстве мира, но в ущерб его действительной дуальности. Дуалисты же, напротив, правильно высвечивая дуальность мира, игнорировали его единство. Т. е. у каждого есть своя правда и своя кривда. То и другое направления есть образец чистой метафизики, когда выхватываются отдельные стороны и выдаются за целое. Метафизический подход есть самый простой и удобный, неслучайно многие, даже самые выдающиеся, философы в этом вопросе оставались метафизиками.

Мир, действительно, един и дуален, т. е. един в противоречии, т. е. подлинно диалектичен. Дуальны все силы в природе (притяжение и отталкивание), все процессы (соединение и разъединение), все характеристики, что наиболее ярко схвачено в полярных парах категорий диалектики. Дуально устройство человеческого мозга, дуальна половая дифференциация. И т. д. и т. п. Никого уже не пугает корпускулярно-волновой дуализм света, но то, что все в мире устроено по дуальному принципу, это монисты, вопреки общеизвестным фактам, боятся признать.

Разумный, научно обоснованный выход может быть только в одном, и он зафиксирован русскими философами реалистического направления: признание слиянно-неслиянной природы отношения материи и духа. Это означает, что материя и дух представляют собой не разные субстанции, а разные лики, разные ипостаси единой субстанции. Это значит также, что на смену монизму и дуализму приходит дуалистический монизм. Возможно, словосочетание "дуалистический монизм" (или, что то же самое, "диалектический монизм") режет слух, кажется непривычным, но на деле оно означает тривиальный в диалектической философии факт: единство и сосуществование противоположностей, или диалектическое противоречие, где стороны единого целого не только взаимоотнощают, но и взаимопологают друг друга, друг без друга не существуют. Это доведение, распространение диалектики на самое основание, фундамент мира, такое простое, очевидное, ясное, как ни странно, до сих пор не имеет прав гражданства, пугает правоверных материалистов и идеалистов, которые испокон веков привыкли распространять диалектику либо только на материю, либо только на дух (материалистическая и идеалистическая диалектики).

Гегель гениально показал применимость диалектики к сфере духа, в марксистской философии не менее гениально обоснована применимость диалектики также и к природе, причем, прежде всего к природе. И после детальной, тщательной разработки идеалистической и материалистической диалектики с неизбежностью приходит **реалистическая диалектика**, единственная, которая доводит диалектику до самых основ мироздания, до отношения между материей и духом. А это означает не что иное, как высший на сегодняшний день этап развития мировой диалектической мысли, поскольку на смену моноскопическому взгляду на мир, господствовавшему доньше, приходит стереоскопический, дающий адекватное отображение.

Когда-то Н. А. Бердяев обосновывал положение, что невозможна материалистическая диалектика, поскольку материалисты за целое (бытие) выдают только одну его компоненту (материю). Позже известный советский философ В. И. Свидерский не менее убедительно доказывал, что невозможна идеалистическая диалектика, поскольку она за целое (бытие) выдает лишь одну его компоненту (идею, дух). Оба философа и правы, и неправы одновременно. Их правота в том, что претензии материалистов и идеалистов дать целостную картину мира оказались несостоятельны, что убедительно доказала история. Тем не менее, без идеалистической и материалистической невозможна была бы диалектика реалистическая.

Итак, что такое реалистическая диалектика?

Реалистическая диалектика есть высший, современный этап развития мировой диалектики. Как и всякая диалектика, она есть учение о противоречивой сущности всех явлений и событий, но, в отличие от диалектики идеалистической и материалистической, она единственная доходит до проникновения в суть самого мироустройства, понимая природу и дух как неотъемлемые стороны главного сущностнообразующего противоречия мира. Реалистическая диалектика есть диалектический синтез двух исходных противоположностей – диалектики идеалистической и диалектики материалистической, которые могут быть представлены как тезис и антитезис. То есть, развитие мировой диалектики четко подчиняется главному закону развития познания, открытого Гегелем, – отрицания отрицания, когда на смену тезису и антитезису неизбежно приходит плодотворный синтез, который расставляет все на свои места.

Если материя есть субстанция, состав, носитель определенного явления или события, то дух – это форма ее свободного движения в поиске и развитии, способ взаимосвязи элементов этого состава в функционировании. Как видим, принципы и методы диалектического реализма объемлют принципы и методы бытия и познания материализма и идеализма и выходят на новое современное синергетические мировидение. Поэтому, если материальность (природность) окружающего мира как реальности воспринимается чувствами или приборами, то идеальность (духовность) окружающего мира как реальности воспринимается непосредственной интуицией целого. Неслучайно все выдающиеся мыслители от древности до наших дней придавали первостепенное значение "очеловеченному" видению окружающего мира. Итак, реалистическая диалектика, относясь с глубокой симпатией и к диалектике материалистической, и к диалектике идеалистической, ничего не отбрасывает в опыте мирового развития философии. Однако реалистическая философия не есть простая сумма двух известных до сих пор диалектик, но их высший, диалектический синтез, доходящий до синтеза самой глубинной сути бытия – синтеза материи и духа, который оказался не под силу ни материалистической, ни идеалистической диалектике. Это открывает новые горизонты перед философией, в том числе и появление совершенно новых проблем, а также пересмотр отношения ко всей известной истории философской мысли.

Постскриптум. Непредвзятое рассмотрение материалистической и идеалистической диалектик показало, что это не диалектики вовсе, а абстрактно вырванные отдельные стороны ее. Ни идеалистическая, ни материалистическая диалектика не смогли дойти до основ, до фундамента бытия – до

признания нерасторжимого единства и равнозначности двух оснований мира – материи и духа. Для их характеристик я использую хорошо разработанное в русской философии серебряного века понятие слиянно-неслянно, но по необходимости добавляя и еще одно понятие, которого, по-моему, ни у кого нет – моно-дуальное. Моно-дуальное означает тот простой факт, что бытие едино, но в то же время его слагают две противоположности, которые именно в силу своей противоположности являются дуальными. Только с привлечением указанных понятий все становится на свои места.

4.2. Диалектика как система

В этой теме я более всего привнес новаций. Притом, не только своих собственных, но и выявленных у древних авторов, очищенных и переведенных на нормальный человеческий язык. В написании этого параграфа мне более всего помогли Кант и Гегель.

В диалектике выделяются, прежде всего, категории, законы и принципы. Исходным элементом. «ячейкой» диалектики являются не отдельные категории и не их произвольный набор, а категориальный класс (термин Канта). Исторической закономерностью развития класса является переход от полярного его строения, отражающего двойственность сторон и связей мире, к трихотомическому, отражающему его противоречивость. Переход от дихотомического к триадическому строению класса не только обогащает наше знание, но и делает его более истинным. Гегель, которому приписывают использование термина триада, его никогда не использовал. Будучи по образованию богословом, он использовал в своих работах не богословский термин (триада – родительный падеж от слова троица), а чисто логическое понятие – трихотомия, т.е. деление всего объема на три составляющих.

Если марксистская литература ограничивается двумя ступенями познания – чувственной и логической, то Кант, как и все диалектически мыслящие философы, настаивал на трех ступенях познания: чувство, рассудок, разум. На рассудочной, чисто метафизической ступени познание доходит до выделения противоположных моментов, сторон в исследуемом объекте, на разумной – доходит до понимания единства противоположностей. Поэтому если при метафизическом способе познания мира мы имеем дело с дихотомическим делением класса (либо – либо, третьего не дано), то на разумной ступени познания доходит до понимания единства противоположностей, которое выражает третья, синтезирующая категория, т.е. оно является подлинно диалектическим. У Маркса и Ленина были гениальные догадки, но

так называемую марксистско-ленинскую философию, подогнав под нужды партократии, марксисты в большой степени опрIMITивили.

Вот некоторые классы, которые даже в период господства метафизической марксистской философии имели трихотомическое деление; Цель – средство – результат, качество – количество – мера, единичное – общее – особенное... Родственные классы объединяются в разделы, соответствующие разделам философии: онтология, гносеология, антропология.

А теперь перейдем к законам диалектики. Те законы, которые приводит Энгельс, ссылаясь на Гегеля, не имеют отношения ни к Гегелю, ни к диалектике. Единство противоположностей – это не закон, а принцип диалектики. Отрицание отрицания – это не закон, а абсолютный метод познания. Закон здесь только один – закон соответствия качественной определенности предмета, его количественной определенности. Но ведь по такому же принципу соотносятся все полярные пары категорий диалектики, и, например, закон соответствия формы содержанию, по большому счету, полностью идентичен закону соответствия качества количеству. Отсюда я делаю вывод: если я рассматриваю содержание категорий определенного класса – передо мной категории диалектики. Но если меня интересует не содержание, а способ их связи, передо мной закон диалектики, закон соответствия полярных противоположностей. Сказанное означает, что законов диалектики столько, сколько существует категориальных классов, ибо связь внутри класса является внутренней, существенной, необходимой, т.е. именно такой, какой и определяется закон. Это открытие я сделал 22 апреля 1970 года, поэтому я отказался вместе с кафедрой идти возлагать цветы к памятнику Ленина в честь его 100-летия, а дома фиксировал эту идею. Что законов диалектики столько, сколько существует категориальных классов, и все они подчиняются принципу соответствия полярных противоположностей, обосновывается мною в диссертациях и книге «Русская философия»⁹.

Несколько слов о принципе диалектики. Навязанный Энгельсом закон единства и борьбы противоположностей – это не закон, а то общее, что присуще всем без исключения законам диалектики. Во всех законах диалектики стороны противоречия, составляя полярные пары, находятся в определенном единстве. Я убрал из этого названия слово борьба как явно антропоморфное, и дал другое, более корректное название: принцип соответствия полярных противоположностей. Этот принцип понравился моему руководителю, В. И. Свицерскому, и когда он для журнала «Вопросы философии» описал 16 принципов диалектики, то при этом указал,

---

⁹ Русская философия. Книга 2. / Под ред. В.Л. Обухова, М.В. Величко. СПб, 2015.

что шестнадцатый принцип сформулирован молодым философом Обуховым.

Очень часто диалектика сводится к признанию постоянных изменений. Между тем, Гераклит, утверждая всеобщую изменчивость, формулирует и другой, не менее важный принцип диалектики – признание неизменности: «Изменяясь все покоится». В процессе изменения устойчивым, неподвижным остается само изменение. Действительно, основные характеристики изменяющегося мира остаются вечно неизменными. Не меняется масса электрона и его заряд. Не меняется постоянная Планка. Сегодня, как и миллионы, миллиарды лет назад угол падения будет равен углу отражения. Иными словами, все изменяется, но определяющие всеобщее изменение законы – неизменны. Поэтому можно выразиться и более афористично: все течет и ничего не изменяется. Признание неразрывного единства изменчивости и устойчивости – это гениальная догадка Гераклита, которая многим великим диалектикам оказалась «не по зубам». Так, Гегель, заявивший, что он развил все положения диалектики Гераклита, в действительности положение о неизменности изменяющегося – упустил. Как упустили его и классики марксизма-ленинизма, что сказало отрицательно на судьбе их учения. (Схватить эту идею смог поэт Гете, говоря о «меняющемся постоянстве»).

Постскриптум. Иногда на лекции по философии я спрашиваю студентов, какое изречение Гераклита они знают. Несколько человек называют: Все течет, все изменяется, и ни один не назовет не менее великое, хотя и противоположное утверждение – Изменяющееся покоится. Чтобы показать правоту Гераклита, я прошу поднять руки тех, кто считает, что они лучше своих родителей. Поднимается максимум одна-две руки из целого потока. Когда я прошу поднять руку тех, кто считает, что они хуже своих родителей, обычно не поднимается ни одной, или максимум одна-две. Теперь понятно, что все течет и ничего не изменяется? Иными словами, каждое новое поколение иное, но категории лучше – хуже вряд ли применимы. Студенты соглашаются. Хотя если подходить более диалектично, то мы увидим, что, в истории каждой страны в силу сложившихся обстоятельств бывают блистательные поколения. Так, золотым веком античности была эпоха Перикла, золотым веком русской культуры – эпоха Пушкина. Если брать XX век, то для меня наиболее приближенным к идеальному был образ жителей блокадного Ленинграда.

Мой руководитель кандидатской диссертации обосновал противоречивую природу движения, что оно состоит из устойчивости и изменчивости. Изменяться может только то, что в

чем-то внутренне остается тождественным самому себе, и в этом смысле устойчивым. Я решил бросить перчатку марксистской «хромающей диалектике», основанной на том, что в любой полярной паре категорий есть главная, ведущая и второстепенная, ведомая стороны. Я решил показать на примере указанной пары, что в настоящей диалектике речь может идти только о известном равенстве противоположных сторон, поскольку они являются равно необходимыми сторонами данного противоречия. Написал статью для Философских наук, где утверждал динамическое соответствие полярных сторон. Так, по отношению к негативным явлениям, важнее их изменчивость, но по отношению к позитивным – на первое место выходит устойчивость. Не случайно основная профессия в музее – хранитель. Мне объяснили в редакции, что я не знаю основ марксизма, поскольку в марксизме движение абсолютно, покой относителен. Моя же попытка представить эти стороны в чем-то равными, показывает, что я плохо владею марксистской философией. За мою полувековую карьеру меня многократно упрекали за плохое знание марксистско-ленинской философии. Дело в другом, что я, напротив, слишком хорошо знаю ее и помимо ценных догадок хорошо вижу ее убогость в сравнении с мировой философской мыслью. Я даже вынужден был, по примеру Козьмы Пруткова, завести портфель с надписью «незаконченное», куда складывал отклоненные работы. Когда работы эти достигли критической массы, тогда и появилась на свет реалистическая философия.

В 1983 году я на ученом Совете ЛГУ в качестве докторской диссертации предложил разработку системы диалектики. Ответ был однозначный и суровый – это схоластика. Вот если бы я занялся философскими вопросами химии или биологии – мы бы это приветствовали. Я попытался достучаться до профессоров и объяснил им: почему математик не стесняется заниматься математикой, почему физику позволительно заниматься физикой, медику можно заниматься медициной, а почему философу запрещается заниматься философией? Я хочу быть дворником, который наведет порядок в здании, которое называется философией. Еще я привел им в пример рассуждения Гегеля, что высший этап развития любого учения – это его саморефлексия, и именно саморефлексией философии я собираюсь заниматься. Взаимопонимания мне так и не удалось достичь, и пришлось защищать диссертацию в Москве. Когда в 1984 году я на философском факультете ЛГУ излагал свое понимание системы диалектики, один профессор подпрыгнул, как ужаленный: Что

будет с философией, если в ней будет столько законов? – Ничего не будет, ответил я спокойно, привыкнет. Серьезной ошибкой марксистов была в том, что они не удосужились проштудировать Гегеля, и исправить ту отсебятину, которую привнес в философию Энгельс, плохо разобравшийся с гегелевской философией.

4.3. Что такое развитие?

Бесконечное множество процессов, происходящих как вокруг нас, так и в нас самих, характеризуется такими понятиями, как движение, изменение, эволюция, развитие, прогресс. К сожалению, науке так и не удалось выстроить их в систему, которая могла бы выразить идею их субординации или координации. Однако вопрос можно сформулировать еще острее: является ли развитие атрибутом бытия, т. е. способом существования, присущим всем предметам и процессам без исключения, или это всего лишь его модус, т. е. одно из качеств, имеющее ограниченный, локальный характер?

Еще недавно многие философы безоговорочно считали развитие атрибутом бытия, определяющим все происходящие в мире изменения. При этом само развитие определяли в терминах: "переход от старого к новому", "от низшего к высшему", "от простого к сложному", "от менее совершенного к более совершенному". Само собой разумеющимся считалось, что раз новое во всех отношениях выше старого, то оно, приходя на смену, уничтожает старое, отрицает его. Но, к счастью, так думали не все. Вот что сказал о развитии известный российский философ Н. А. Бердяев в своей работе "Философия свободы": "Развитие ничего не убивает, ничего не истребляет, неизбежно заключает в себе элемент консервативный. Развитие сохраняет вневременное достояние прошлого, раскрывает содержание семени, посеянного не только в глубине веков, но и в глубине вечности. Развитие не есть отрицание прошлого, а есть утверждение того, что в нем заложено, раскрытие вечных элементов бытия, разворачивание изначальных качеств, пребывавших в потенциальном состоянии".

Такое понимание развития, как сохранения, развертывания того, что уже было первоначально заложено, расходится с господствовавшим многие годы у нас в стране гегелевско-марксистским пониманием его как процесса, который сопровождается отрицанием, уничтожением старого. Тем не менее, бердяевское понимание развития имеет свою "родословную" и свое обоснование. Считается, что само понятие "развитие" ввел в науку английский ученый Уильям Гарвей (1578–1657), который выразил его понимание афористически: "Все живое происходит из яйца". Он утверждал при этом

очевидное: в процессе эволюции происходит развитие уже заложенного в зародыше, как бы распрямление его.

Исходя из сказанного, мы предлагаем следующее определение развития: *развитие есть развертывание, разворачивание потенциальных возможностей, заложенных в сложноорганизованных системных образованиях.* Такое понимание развития фактически освобождает его от всего наносного и восходит к этимологии слова (evolutio – развертывание). Это понимание развития обращено не к внешнему, поверхностному, как традиционное, когда развитие любого объекта формально вписывалось в одну и ту же формулу: "вперед и вверх!", а к сущности, учитывающей внутренние особенности каждого предмета, поэтому мы вправе считать его закономерным в развитии учения о развитии. Из нового понимания развития следует важный для профессии педагога методический вывод. При традиционном понимании приобщение учащегося к большему числу дисциплин, сдача им все новых и новых экзаменов есть, безусловно, развитие. Но, по предлагаемому нами определению, поступление абитуриента с музыкальными способностями в технический вуз и усвоение там все новых и новых дисциплин будет означать не развитие, а деградацию. Т. е. при современном понимании развития требуется учет специфики, неповторимости каждого индивида, а не выстраивание всех в одну линейку. И еще. Поскольку движение присуще всей материи, постольку и развитие потенциально заложено в ней, но актуально проявляется лишь в отдельных очагах, на отдельных стадиях, с постоянным возникновением и угасанием. Ведь если развитие не атрибут материи, т. е. не является ее неотъемлемым, универсальным свойством, то все развивающееся преходяще, локально. Наибольшую тайну здесь представляет переход движения в развитие и развития в движение (потенциального в актуальное и наоборот). Решение ее, возможно, окажется по плечу будущей науке.

Правоту предложенного определения подтверждает синергетика – отрасль научного знания, изучающая проблему самоорганизации открытых систем и возникшая всего сорок лет назад. Если классическое научное мировоззрение, берущее начало от И. Ньютона, строится на принципах строгой причинной обусловленности, однонаправленности, предсказуемости, то синергетика акцентирует внимание на многонаправленности, случайности, известной доле непредсказуемости. Отсюда следует, что старое понимание развития, имеющее якобы запрограммированную, векторную направленность ("от старого к новому", "от простого к сложному" и т. д.), кануло в Лету. На смену ему с новым мировоззренческим стилем научного мышления

приходит и новое понимание развития, характеризующееся многонаправленностью, случайностью, а также сохранением извечных основ.

Таким образом, понятия "развитие" и "прогресс" должны рассматриваться не односторонне, а во всей совокупности изменений, происходящих как во внешней среде: природе, обществе и культуре, так и в собственной природе человека: познании, самопознании, поведении и деятельности.

Развитие имеет не только локальный, преходящий, в известном смысле случайный характер, оно к тому же глубоко противоречиво, и в нем прогресс (восходящая ветвь развития) неделимо связан с регрессом (нисходящей ветвью). В связи с этим развитие есть не только благо, но и представляет серьезную угрозу, о которой не перестают предупреждать наиболее дальновидные ученые. Еще С. Лем предупреждал человечество о возможной опасности подчинения человека роботом или компьютером, если мы наделим их искусственным интеллектом. Хотя интеллект этот и создается по нашей программе и с освоенными нами алгоритмами действий, но в более быстродействующих по сравнению с нами устройствах, могущих к тому же решать задачи сразу со многими параметрами. И не потому ли Г. Каспаров не смог соперничать с более совершенной машиной, построенной с "секретом" этого действия, заложенным опытным путем в шахматной игре программистами?

Для понимания противоречивости всякого развития очень интересны высказывания Н. Винера. Будучи одним из самых ревностных служителей научно-технического прогресса, Н. Винер тем не менее прекрасно сознавал, что всякий прогресс неминуемо связан с регрессом, дается слишком дорогой ценой. В книге "Творец и робот" он пишет: "Грехопадение нашего времени в том, что магические силы современной автоматизации служат для получения еще больших прибылей или используются в целях развязывания ядерной войны с ее апокалиптическими ужасами... Мне очень хорошо известны машинопоклонники нашего мира с их лозунгами свободного предпринимательства и экономики, основанной на стремлении к наживе... Как только такой господин начинает сознавать, что некоторые человеческие функции его рабов могут быть переданы машинам, он приходит в восторг. Наконец-то он нашел нового подчиненного – энергичного, услужливого, надежного, никогда не возражающего, действующего быстро и без малейших размышлений!"¹⁰

Но не только машинопоклонничество, прогресс техники, в том числе кибернетики, вызывает тревогу у Винера. Любой прогресс способен вызвать такие негативные последствия, которые делают

---

¹⁰ Винер Н. Творец и робот. М., 1966. С. 62–65.

бессмысленным сам этот прогресс. Винер рассказывает об обеде в кругу авторитетных врачей, среди которых был даже лауреат Нобелевской премии. На этом обеде врачи оживленно обсуждали возможность почти бесконечного продления срока жизни человека, которая станет реальностью в не такой уж далекий завтрашний день. Его удивило, что врачи, сосредоточив свое внимание на конечных результатах своих предположений, не затронули вопроса возможных негативных последствий. Он не мог позволить себе пренебрежительно отнестись к их высказываниям, тем не менее, он замечает: "И хотя гипотеза будущего сверхдолголетия человека на первый взгляд могла показаться чрезвычайно утешительной, ее осуществление было бы страшным несчастьем, и прежде всего для врачей. Ибо сразу становится ясным одно – человечество не смогло бы долго вынести бесконечного продления всех жизней, которые рождаются на Земле. И дело не только в том, что часть населения, не способная поддержать собственное существование, намного превзойдет числом ту часть населения, от которой ее существование зависит; беда и в том, что, пребывая в вечном неоплатном долгу перед пришельцами из прошлого, мы окажемся совершенно неподготовленными к решению тех проблем, которые поставит перед нами будущее".¹¹ Заострим еще раз внимание на том факте, что такого рода предупреждения исходят от человека, ревностно служившего научно-техническому прогрессу, и поэтому они "дорогого стоят". И можно сделать вывод: то, что принимается нами нередко как поступательное развитие, отнюдь не является таковым на самом деле. На разных уровнях организации выступают разные законы, которые порой действуют как бы в противоположных направлениях.

Неустойчивость нашего мира, его непредсказуемость, неуравновешенность постоянно дают о себе знать в общественной жизни. С одной стороны, несомненные достижения научно-технического прогресса, а с другой – использование достижений науки и техники в двух мировых войнах, унесших 65 миллионов человеческих жизней. С одной стороны, национально-освободительные и демократические движения, а с другой – многочисленные революции, гражданские войны, террористические акты. С одной стороны, несомненный цивилизационный прогресс, сопровождающийся повышением комфортности жизни, а с другой – рост наркомании, рост числа самоубийств практически во всех странах мира (самый тонкий и объективный критерий неустроенности жизни).

---

¹¹ Там же. С. 77–78.

Ясно одно: наш век лишен одностороннего оптимизма прошлых эпох, когда несомненные достижения в какой-либо одной сфере общественной жизни неправомерно возводились в абсолют. Наш век, по необходимости требующий синтетического, целостного осмысления всех явлений и процессов, столь же необходимо должен более осторожно относиться и к проблеме общественного прогресса, не упуская из виду множества негативных процессов, которыми раньше просто пренебрегали, и пренебрежение это дорого обошлось человечеству.

Постскриптум.

Лет пятнадцать назад, во время предзащиты кандидатской диссертации, посвященной развитию культуры и искусства, я спросил у аспирантки: почему после золотого века русской культуры, который приходился на первую треть XIX века, в конце того же века приходит серебряный век, а в настоящее время какой век – сказать сложно, но то, что не бриллиантовый – это точно? И второй вопрос: Когда на смену готики пришло барокко, предыдущий стиль называли готикой, от слова готы – варвары. А когда на смекну барокко пришел классицизм, слово барокко на двести лет стало обозначать безвкусицу. Согласны ли Вы с тем, что барокко несомненно выше готики, а классицизм во всех отношениях превосходит барокко? Поморгав глазами, она вместо ответа задала вопрос: Можно Вы не будете выступать на защите? – Я пообещал, сказав, что она использовала не ту литературу, и у нас принято, вопреки фактам, абсолютизировать развитие, хотя это делали далеко не все. Были мудрые люди, которые, признавая изменчивость, в то же время отрицали прогресс в культуре.

Так, О. Э. Мандельштам в прозаическом произведении «О природе слова» критикует теорию прогресса в литературе: «Теория прогресса в литературе – самый грубый, самый отвратительный вид школьного невежества». Высмеивая вульгарные представления некоторых историков литературы, он утверждает, что писатели каждого нового поколения не являются людьми, участвующими в конкурсе изобретений на улучшение какой-то литературной машины. «Литературные формы сменяются, одни формы уступают место другим... Никакого «лучше», никакого прогресса в литературе быть не может – просто потому, что нет никакой литературной машины и нет старта, куда нужно скорее других доскакать». Ему вторит известный языковед академик В.Г. Костомаров, утверждающий, что надо подвергать сомнению правомерность употребления понятия «прогресс» применительно к развитию человеческого духа.

Меня всегда занимал вопрос: почему все философы, ученые, даже Вернадский, развитие определяют одинаково: это восходящее движение от старого к новому, от низшего к высшему и от простого

к сложному. Я давно пришел для себя к выводу, что важно не только какое-то изречение, но и кто его произнес. Несколько лет я искал автора такого понимания развития. И, наконец, нашел – это Иосиф Виссарионович Сталин, который первым дал такое определение в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Как известно, Сталин много лет учился в духовном училище и семинарии, и вынес оттуда способность к филигранному владению формальной логикой. Его фразы, четко удовлетворяющие всем правилам формальной логики, воспринимаются сознанием людей, как будто они в их головы вбиты молотком. А, между тем, они, зачастую, представляют собой обыкновенные пустышки.

Рассмотрим это на примере приведенного определения, в частности, в отношении движения от простого к сложному. Как свидетельствовал Дмитрий Иванович Менделеев, в природе ничего простого нет. Самым элементарным в химии является химический элемент, но вряд ли кто-то будет утверждать, что знает его в совершенстве. Кроме того, в технических науках развитие зачастую идет от сложного к простому, поскольку чем проще механизм, тем более надежно он действует. Не случайно появилось выражение: Все гениальное – просто! Когда я учился в аспирантуре, с нами учился аспирант намного старше всех нас, который, уверовав в величие марксистской философии, решил детально исследовать категории «простое» и «сложное». Бедняга двадцать лет работал над диссертацией, но так ее и не закончил.

Исходя из всего этого, я предложил вернуться к первоначальному определению развития как раскрытие, обнаружение. Меня снова могли обвинить в ретроградстве, но я к этому уже относился чисто «по-философски». Работая над кандидатской и докторской диссертациями, я уяснил для себя, что старые философы для моего развития дали гораздо больше, чем современные. Не знаю, как в других науках, но в философии стремление к новизне, или представление, что в философии марксизма все уже открыто и объяснено, приводило к игнорированию великого опыта прошлого. А без этого настоящее развитие философии невозможно.

Как доказывается новое-старое определение? После окончания гимназии Петр Ильич Чайковский заявил родителям, что хотел бы учиться на композитора. Родители, любящие свое чадо, заявили Пете, что музыкой много не заработаешь, иди-ка ты, Петя, лучше в юристы. И он поступил в училище правоведения на Фонтанке, а после окончания работал в министерстве юстиции, которое тогда находилось на Итальянской улице. К счастью, в это время открылись вечерние классы в консерватории, и Чайковский после работы с нотной папкой бежал заниматься музыкой. Спрашивается, когда гениальность Петра Ильича получила наибольшее развитие: в

училище правоведения или в консерватории? – Вопрос риторический. Если бы у Чайковского не хватило силы воли идти наперекор родителям, мы никогда не узнали бы о нем. В этом отношении Пушкин был совершенно прав, не желая в лице заниматься математикой, чтобы не подменить гармонию алгеброй.

Глава 5. Философия ненасилия

Одна из ошибок марксизма – абсолютизация роли насилия в жизни общества. Между тем, в истории человечества постоянно существовали мыслители, которые указывали на важную роль ненасилия и всячески развивали это учение. Попробуем непредвзято подойти к проблеме соотношения этой полярной пары.

5.1. Основные этапы развития учения о ненасилии

Философия ненасилия является в настоящее время довольно модным учением, разделяемым если не всеми, то почти всеми. Но чтобы по-настоящему разобраться в нем, нужен тщательный исторический и теоретический анализ. При этом, естественно, ненасилие не может быть рассмотрено вне насилия, с которым оно составляет полярную пару, т.е. нерасторжимое диалектическое единство.

Насилие: – это разрушительная сила, включающая в себя все формы физического, психологического, экономического подавления и соответствующие им душевные качества, как ложь, ненависть, лицемерие и т.д., часто она коренится в страхе быть отвергнутым, утратить какие-то блага, какие-то ценности, а может быть, и саму жизнь;

– это физический и экономический ущерб, который люди наносят друг другу, т.е. то, что очевидно является насилием, – убийство, ограбление и т.д.;

– но это также не вообще подавление, принуждение, не вообще ущерб жизни и собственности, а такое принуждение и такой ущерб, который осуществляется вопреки воле того или тех, против кого они направлены. Оно есть посягательство на свободу человеческой воли.

Насилие проявляется в различных и многообразных формах и степенях: физическое и психологическое, межличностное и структурное, социальное и политическое, военное и экономическое, культурное, религиозное и т.д.

Ненасилие:

– представляет собой философию, образ жизни, которые, на основе верховенства правды, любви, предполагают личностные,

социальные и межнациональные изменения ради преодоления несправедливости в достижении мира, примирения;

– решительно отвергает пассивность и подчинение всем формам несправедливости;

– исходит из убеждения в самоценности каждого человека как свободного существа и одновременно взаимной связанности всех людей в добре и зле. В основе ненасилия лежит концепция, согласно которой человеческая душа является аренной борьбой добра и зла, т. е. признается моральная амбивалентность человека.

Принципы ненасилия – отказ от монополии на истину, готовность к изменениям, диалогу и компромиссу; критика своего собственного поведения с целью выявления того, что в нем могло бы питать и провоцировать враждебную позицию оппонента; анализ ситуации глазами оппонента с целью понять его и найти такой выход, который позволил бы ему выйти из конфликта с честью; бороться со злом, но любить людей, стоящих за ним; полная открытость поведения.

Основная установка ненасилия – исправить отношения, превратить врагов в друзей, сделать так, чтобы предшествующее зло не стало абсолютной преградой для последующего сотрудничества.

При переходе от родового строя к классовой цивилизации осуществляется исторический переход от коллективной ответственности рода к индивидуальной ответственности отдельного человека, в связи с чем меняются формы социального регулирования. Именно в эту переломную эпоху, в середине I тысячелетия до нашей эры, в разных концах мира, в разных культурных регионах формируются идеи гуманизма, любви к людям. Одним из ее конкретных воплощений стало золотое правило нравственности, которое гласит: "Поступай по отношению к другому так, как ты хотел бы, чтобы он поступал по отношению к тебе". Первые упоминания о нем относятся к VI–V вв. до новой эры.

На вопрос, почему люди так стремятся к равенству, человечности, гуманным отношениям, можно ответить так: потому, что их реальное бытие характеризовалось неравенством, а нормы, которыми они руководствовались в практической жизни, были далеко не гуманными. Но человечеству всегда было свойственно стремиться к идеалу. Поэтому золотое правило стало для человечества чем-то вроде семейной драгоценности, которая бережно передается от поколения к поколению.¹²

Золотое правило нравственности является наиболее древним и простым общечеловеческим правилом. Но человечество за свою историю выработало и множество других, зачастую более важных, принципов и правил, направленных на утверждение

---

¹² Гусейнов А. А. Золотое правило нравственности. М., 1988. С. 113.

общечеловеческого миропорядка. Это и идея итальянских гуманистов XVI в. о том, что высшими ценностями являются истина, добро и красота. Это и идея французских просветителей XVIII в. об общественном договоре, когда разные социальные слои, идя на взаимные уступки, договариваются между собой во имя общих интересов нации, государства. Здесь и идея о вечном мире А. Вольтера и И. Канта, основанная на утверждении мирового порядка без войн и насилия. Здесь и понимание Ж.-Ж. Руссо человека как высшей ценности, который в силу этого не может быть средством для достижения другими людьми каких бы то ни было целей, но должен сам оставаться только целью. Это и "религия" Л. Фейербаха, ставящая на место бога человека и утверждающая любовь как основной принцип человеческого бытия. Это и критика К. Марксом капитализма за его овеществление человека, превращение его в товар, меновую стоимость. Это и концепция всеединства В. С. Соловьева, в основе которой лежало убеждение, что путь к единению человечества лежит через сближение разных философских направлений, мировоззрений, религий.

Как видим, человечество в лице своих лучших представителей выстрадало многие положения, являющиеся необходимыми моментами учения о ненасилии. Но, во-первых, не было разработано целостной концепции учения ненасилия, а только ее отдельные моменты в виде конкретных правил; во-вторых, правила эти зачастую совмещались с элементами насилия. Так, этическое учение Канта требовало категорического следования общечеловеческим нормативам, не сообразуясь с личностью и ситуацией, вследствие чего его моральное учение приобретало абстрактную форму. Неслучайно самые верные последователи и ученики Канта называли его мораль рабской. Справедливая критика К. Марксом капитализма за его безжалостное отношение к человеку обернулась нравственным оправданием применения насилия в борьбе против насилия.

К концу XIX столетия во весь голос заявила о себе потребность создания целостной *философии ненасилия*, которая смогла бы ответить на следующие вопросы: что такое ненасилие? как оно связано с насилием? почему ненасилию нет альтернативы? На все эти и ряд других вопросов и вызвался ответить Л. Толстой. Возникновение целостного учения о ненасилии пришлось на XIX век, век кровавых революций и восстаний, крестьянских бунтов и войн. Историческая действительность говорила о своеобразном "бумеранге" зла, одно насилие влечет за собой новое, зло, пресеченное силой, не искореняется, а умножается и, в конечном счете, обрушивается на головы тех, кто пытается искоренять его новым насилием. Злу можно противопоставить только добро, а ненависти – любовь. Под насилием Толстой понимает все зло,

творимое на земле, под видом убийств, тюрем, воинской повинности и т. д., вплоть до самих основ государства. Видимо, поэтому столь глубока была пропасть в понимании его современниками, хотя писатель обладал величайшим литературным даром и его слово имело вес во всем мире.

В неприятии и непонимании принципа ненасилия Толстой видел несколько объективных причин, являющихся наиболее распространенными. Во-первых, люди считают учение Христа прекрасным, но трудновыполнимым в реальной жизни. Опровергая это мнение, Толстой говорит, что дело вовсе не в трудности исполнения, а в ложной вере, согласно которой изменение человеческой жизни зависит не от самих людей, а от Христа и исторической предопределенности. На самом же деле есть люди, которые принимают решения, и говорить об учении, которое обращено к человеческому выбору, что оно невыполнимо, – значит противоречить логике жизни. Во-вторых, люди боятся быть непонятыми, осмеянными, избитыми, боятся погубить свою жизнь, поскольку "нельзя идти одному человеку против всего мира". Но учение Христа есть путь спасения, путь к блаженной жизни, и те, кому жалко погубить свою жизнь, не понимают, о чем речь. Третий аргумент состоит в том, что люди боятся нарочитых страданий, противоречащих стремлению человека к счастью. Но важно определить, когда этих страданий больше: тогда ли когда человек живет для Бога, или тогда, когда он живет во имя мира. Сторонники Христа, по крайней мере, лишены страданий, связанных с завистью, разочарованиями, соперничеством и т. д. Следовательно, обыденные аргументы против принципа ненасилия являются предрассудками, с помощью которых люди пытаются дать оправдание своему безнравственному образу жизни и избавиться от личной ответственности за то, как они живут.

В процессе исторического развития человечества закон непротivления злу насилем не стал основой существования и самоорганизации какого-либо народа или общества. Он развивался и воплощался в жизни отдельных людей или общин. Но даже на основании этого опыта можно судить о его социальной действительности и таком общественном резонансе, который потрясает основы государственного устройства. "Трудно представить, – пишет Толстой в своих Дневниках, – тот переворот, который произойдет во всей вещественной жизни людей, если люди, не то что станут жить по любви, но только перестанут жить злобной животной жизнью". Мыслитель как бы советует: попробуйте отвечать добром на насилие, возлюбите врагов своих, и жизнь ваша наполнится глубоким смыслом и благим содержанием.

Непротivление, по мнению Толстого, есть приложение учения Христа к общественной жизни, конкретный путь избавления людей

от вражды и ненависти. Причем непротivление не есть пассивное равнодушное принятие зла, пассивное пособничество ему и неучастие в борьбе с ним, а напротив, наиболее плодотворное средство противоборства злoму. Нужно бороться со злом в человеке, любя самого человека и ненавидя его пороки; нужно бороться со злом в себе, любя в себе всеобщее духовное начало. В этом состоит суть философии ненасилия Толстого.

Люди виноваты в насилии государства, прежде всего, прямым участием в нем через воинскую повинность, суды присяжных и т. д., а также пассивным повиновением. Но они виноваты в нем и тогда, когда пытаются противостоять насилию теми же средствами (в форме террора, вооруженных восстаний, бунтов и т. д.), ибо они признают насилие в качестве законного, нормального пути достижения человеческих целей, тем самым умножая его объем и интенсивность. Только неучастие в насилии может вернуть народу свободу, – так обосновывает Толстой главную позицию непротivления в политической борьбе, будь то борьба за независимость народа или революция.

Толстовскому учению о ненасилии протivостоит марксистское учение, которое не только оправдывает насилие, но и считает его законным и неизбежным. В 1907 году, еще при жизни Л. Н. Толстого, Н. А. Бердяев, вступая в оппозицию к марксизму, пишет работу «Новое религиозное сознание и общественность». В ней он утверждает, что личность при социализме становится лишь средством для завоевания «пролетарско-социалистического рая», и по отношению к ней все дозволено «во имя благих целей социализма», что социализм будет означать жестокое отношение ко всему прошлому и ко всем непролетарским сословиям.

Хотя работа и опубликована за десять лет до Октябрьской революции, но сказанное пророчески сбылось. В романе В. Вересаева «В тупике», написанном в 1920–1923 годах, с глубокой болью показан весь ужас озлобленности, неоправданной жестокости, даже одичания, воцарившиеся в стране сразу после победы революции. Один из героев повествования – врач Иван Ильич Сартаев – социалист по убеждениям, дважды бежавший из сибирской ссылки, вступает из-за своих пацифистских и демократических убеждений в столь же непримиримые протivоречия и с новыми властями, переключивая из царских тюрем в большевистские. Он задается вопросами: почему революция принесла столько жестокости и насилия, столько бессудных расправ над невинными? почему к власти приходят все более ограниченные и жестокие люди? почему революция сопровождается одичанием и озлоблением народа?

В романе Б. Пастернака «Доктор Живаго», написанном уже в годы сталинщины, жестокость первых послереволюционных лет

показана на более широком фоне: жестокость революционной власти по отношению к врагу и подозреваемым в союзе с ним (война с колчаковцами), жестокость по отношению к интеллигенции (Живаго и Лара мечутся по всей стране в страхе за свою жизнь только потому, что они интеллигенты), жестокость по отношению к союзникам – крестьянам (они, как замечает Пастернак, при советской власти стали более бесправными и менее защищенными, чем при царизме), жестокость по отношению к тем, кто сам творил эту жестокость (судьба комиссара Стрельникова). В этой связи небезынтересно будет отметить, что первый смертный приговор был объявлен Революционным трибуналом 21 июля 1918 г. А. Щастному – человеку, спасшему для революции Балтийский флот. Т. о. террор против чужих и террор против своих изначально были неразлучны. Сейчас уже установлено, что жестокость была не вынужденной мерой, применявшейся лишь по отношению к врагам революции, а она сама по себе носила некий религиозно-мистический характер, выражающий сущность тоталитарного режима. Отсюда становятся понятными те неисчислимы человеческие жертвы, которые принес тоталитарный режим своему народу (Р. Медведев утверждает, что число жертв сталинизма соизмеримо с жертвами, понесенными страной в Великой Отечественной войне). Таким образом, история показала, что есть своя правда в учении Толстого о ненасилии, что посредством насилия нельзя избавиться от насилия, ибо оно еще больше плодит его.

Принцип ненасилия не был впервые высказан самим Л. Н. Толстым, но огромнейшая заслуга его состоит в том, что он обосновал и развил идею непротivления до рамок философско-религиозного учения, имевшего немало последователей как при жизни писателя, так и до наших дней. Многие деятели культуры – М. К. Ганди, Р. Тагор, А. Швейцер, Н. Рерих, М. Л. Кинг и др. – поддержали принцип ненасилия и развили учение Толстого в своих трудах. Ненасилие понимается теперь не только как отрицание насилия, в основе которого лежит господство воли одного человека или социальной группы над волей другого человека или обществом, народом. Понятие ненасилия имеет и позитивное содержание: оно переводит человеческие отношения на новую основу – основу добра. Для позиции ненасилия характерно стремление понять интересы другой стороны, признать их законность, совместно искать приемлемое для разных сторон решение.

Большой скачок в придании принципу ненасилия широкого общественного характера осуществил М. К. Ганди – ключевая фигура ненасильственного движения в Индии, последователь и в какой-то мере ученик Л. Н. Толстого. Толстовское "непротivление злу насилем" трансформировалось у Ганди в ненасильственное

сопротивление, давшее высокую этическую мотивацию национальному движению противостояния английским колониальным властям Индии. То, что теория ненасилия была разработана впервые именно в России и Индии – в этом немалый вклад народов этих стран. Еще П. Я. Данилевский отмечал в качестве специфической черты славянских народов – их устремление к ненасилию. Лев Толстой был с ним солидарен. По его утверждению, многие крестьянские семьи в России, ухаживающие за домашними животными, были затем не в силах употреблять их мясо в пищу и становились вегетарианцами. В еще большей степени ненасилие присуще духу и образу жизни индусов. Давая определение народным верованиям, Махатма Ганди писал: «Если бы меня попросили определить индусское вероисповедание, я сказал бы просто: поиски истины ненасильственными средствами. Человек может не верить в Бога и все же называть себя индусом».

Сугубо индивидуалистичное, заключенное в нравственном самоусовершенствовании личности учение Толстого было использовано Ганди в качестве мощного средства общественного преобразования. В интерпретации Толстого ненасилие исключало политику, а у Ганди предполагало ее. Для Ганди было важно не только личное соблюдение ненасилия, но и борьба за искоренение насилия в мире. Под влиянием индийской культуры и религии, а также в известной мере и христианства Ганди попытался применить вечные истины к повседневной жизни.

Знаменитое гандистское оружие ненасильственного сопротивления – *сатьяграха* ("упорство в истине") как общенациональное средство борьбы с колониализмом, нашло наиболее полное выражение в кампаниях несотрудничества и гражданского неповиновения. Всемирно известным примером сатьяграхи стал "соляной поход", организованный Ганди с целью демонстративного и повсеместного нарушения закона о соляной монополии английских властей.

Широкое распространение и политический успех индийского ненасильственного движения, сделавшее борьбу за независимость всенародным делом, было обусловлено, прежде всего, уникальными качествами его вдохновителя и идеолога. "Единственной надеждой для страждущего мира, – писал Ганди 15 июля 1947 г. в предчувствии своего трагического конца – является узкий и прямой путь ненасилия. Миллионы, подобно мне, могут потерпеть неудачу в попытке доказать истину своей собственной жизнью, но это будет их личная неудача, ни в коем случае не неудача этого вечного закона". Ганди придал практике ненасилия невиданный размах. Все последующие движения, будь то борьба за независимость ряда народов тропической Африки или современные пацифистские и

экологические кампании на Западе, отталкивались от индийского опыта и вдохновлялись им.

Одним из известных лидеров ненасильственного движения в США был пастор Мартин Лютер Кинг, выступавший против нарушения гражданских прав негритянского населения Северной Америки. Изучив историю развития ненасильственного сопротивления, Кинг выдвинул концепцию, согласно которой человеческая душа, являющаяся ареной борьбы добра и зла, определяет превалирование в мире насилия и ненасилия. Его принципиальной позицией стала заповедь "Возлюбите врагов ваших", ибо «даже в наихудших из нас есть частица добра, и в лучших из нас есть частица зла. Когда мы познаем это, мы станем менее склонны ненавидеть наших врагов... Мы должны искать не поражения или уничтожения нашего врага, а его дружбы и взаимопонимания...».¹³

А. Швейцер распространил принцип ненасилия на природу, что явилось следующим шагом расширения морального сознания. Он обосновал принцип благоговения перед всем сущим, суть которого заключается в том, чтобы не проводить различия между жизнью высшей и низшей. Любое проявление жизни – огромная ценность, и все, что способствует ее сохранению, является добром, а все, что ей вредит, есть зло. Разработанная Швейцером этика благоговения перед всем сущим, независимо от отношения к ней, в том числе и откровенно скептического, является императивом нашего времени, т. е. положением, соблюдение которого является безальтернативным.

Лишь в наше время к этим голосам человечество стало прислушиваться, ибо в условиях нарушения равновесия биосферы в результате хозяйственной деятельности человека общественное сознание вдруг осознало справедливость предупреждений древних авторов. Человечество сейчас стоит перед выбором: либо погибнуть в результате экологической катастрофы и ее последствий, одним из которых может быть война за выживание, либо подчинить свою деятельность строгой регламентации, коллективным обязательствам, дисциплине. В настоящее время идея ненасилия развивается в рамках различных религиозных движений, пацифистских и экологических кампаний, а также в трудах современных философов и политологов разных стран.

Постскриптум. Из всех проблем социальной философии я выбрал только одну тему: диалектическое единство насилия и ненасилия. И вот по какой причине. Еще в 1991 году я написал брошюру «Философские основания кризиса социалистической

---

¹³ Кинг Мартин Лютер. Любите врагов ваших // Вопросы философии. 1992, № 3. С. 67–71

идеи», где показал, что кризис социалистической идеи в нашем обществе не в последнюю очередь был связан с тем фактом, что утверждение социализма происходило с помощью насилия и террора. Давным-давно, еще в прошлом веке, аспирант Аграрного университета Степанова Елена Александровна написала хорошую статью о ненасилии. Дополнив рассуждениями о насилии, я поместил ее в учебник Реалистическая философия. Готовясь к этому выпуску, я доработал ее с позиции философского реализма. В любом случае я благодарен Елене Александровне, что благодаря ей тема эта появилась здесь.

5.2. Сможет ли ненасилие одолеть насилие?

История человечества и история философии неопровержимо свидетельствуют о нерасторжимом единстве ненасилия с насилием. Все попытки доказать преимущество ненасилия для человеческого обустройства так и не смогли покончить с существованием насилия на Земле. Выше уже отмечалось, что большое влияние на становление новой морали, основанной на принципах ненасилия, уважения ко всем народам, ко всем людям Земли оказали выдающиеся деятели культуры: Л. Н. Толстой, М. Ганди, Н. Рерих, А. Швейцер, Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев и др. Они предупреждали, что переделка форм социальной жизни без духовного воспитания человека, без роста нравственной культуры людей грозит всеобщим насилием, страшной трагедией. Достоевский называл цифру – 100 млн. людей – столько может унести разгул насилия в мировых войнах.

К сожалению, люди вовремя не прислушались к этим предостережениям, и трагедия мировых войн совершилась. Теперь человечество, умудренное горьким опытом, признало правоту и дальновидность этих гениев, намного опередивших свое время, и в лице своих лучших представителей стремится следовать этим гуманистическим нормам. Но и сейчас утверждение добра, общечеловеческой нравственности происходит в ожесточенной борьбе с корпоративной, узконациональной моралью и политикой. И эта борьба далеко не всегда завершается победой сил добра.

В развитии атлантической (североамериканской, западноевропейской) цивилизации, основанной на индивидуализме, на стремлении к вещественному богатству, таятся очень опасные "корни зла", поскольку там многие люди видят прогресс лишь в развитии технологии, не принимая во внимание состояние человеческой души.

А. Швейцер критиковал с гуманистических позиций западную цивилизацию, оторванную от своих естественных истоков, технически ориентированную, поскольку она приводит к

дегуманизации личности, утрате ею духовно-нравственного стержня. Выход он видел в нравственном совершенствовании человека, в усилении внимания к гуманитарной культуре. Подобные симптомы начали развиваться и у нас. Стремление к обогащению любой ценой приводит к криминализации общества, губительно сказывается на молодежи. Н. Бердяев прозорливо говорил, что собственность должна быть подчинена высшим началам, иметь духовное оправдание, иначе она производит опустошение в человеческой жизни. Криминализация общества означает рост в нем элементов насилия.

Итак, несмотря на многовековую традицию рассмотрения ненасилия как важнейшего принципа взаимоотношения между людьми, насилие, тем не менее, продолжает существовать. Отсюда напрашивается закономерный вывод, что насилие и ненасилие образуют полярную пару, единство противоположностей, в котором стороны не только взаимоотрицают, но и взаимопредполагают друг друга, друг без друга не существуют. Точно так, как не существуют друг без друга прекрасное и безобразное, добро и зло, жизнь и смерть, день и ночь и т. д. и т. п. Если основанием, фундаментом ненасилия является гуманизм, попытка утвердить во взаимоотношениях между людьми достойные человека отношения, а также растущее осознание, что ненасилию нет альтернативы, поскольку продолжающееся насилие губительно для человечества, то что является основанием, фундаментом существования насилия – как в теории, так и в практике?

Известный петербургский культуролог М. С. Каган считает культуру ответственной за существующее в мире насилие. Он признает насилие законом природы, поскольку практически все организмы в природе живут за счет друг друга. И человек, поскольку он является органической частью природы, воспринял этот закон природы и длительное время его культивировал. Раз культура является делом рук человеческих, то человек не мог не передать и ей этот закон, который до сих пор существует в виде нетерпимости одних религий к другим, одних философских школ к другим и т. п.

Пропаганда насилия была как-то терпима, пока мощь человека была еще не так значительна. Но когда ее стало достаточно для уничтожения всего существующего, закон насилия стал анахронизмом, который может привести только к одному – неминуемому и всеобщему краху. Поэтому так жизненно важно сейчас от философии насилия перейти к философии диалога, предполагающего взаимно уважительное отношение всех сторон. Но это, повторим, потребует перестройки основ культуры, тем более, что в ней всегда, от Сократа и даже раньше, существовала и

философия, направленная на согласие, компромисс, взаимопонимание и взаимоуважение.

Сознавая то, что ненасилию нет альтернативы, мы в то же время против высказываний ряда ученых и деятелей культуры, что ненасилие должно полностью вытеснить, заменить насилие. Поскольку насилие и ненасилие составляют диалектическое противоречие, т. е. нерасторжимое единство двух противоположностей, постольку речь может идти не о замене насилия ненасилием, как бы этого ни хотелось, а о смене форм насилия, изменении его природы. Ведь насилие и ненасилие составляют динамическое единство противоположностей, каждое из которых проходит целый ряд эволюционных ступеней, в ходе которых само насилие становится, если можно так выразиться, более "гуманным". Иными словами, речь должна идти не об отмене насилия вообще, а об отмене его наиболее античеловеческих разновидностей: вооруженных конфликтов, жестоких форм эксплуатации, расовой, национальной, религиозной нетерпимости и пр.

Но отмеченная тенденция никак не может быть интерпретирована как полная замена насилия ненасилием – вплоть до его толстовской формы "непротивление злу насилием". Проводимые исследования показали, что на вопрос, в каких случаях может быть оправдано насилие, свыше 80 % ответили, что в случае физической угрозы жизни себе и близким, а 60 % – при оскорблении их человеческого достоинства. Таким образом, сама жизнь, в том числе и в перспективе на будущее, убедительно доказывает, что проблема насилия не может быть решена только сквозь призму толстовского учения. Оно должно быть дополнено учением другого известного русского мыслителя – И. Ильина, отстаивающего принцип *противления злу насилием*.

Насилие не может исчезнуть до тех пор, пока существуют государство и право. Ведь сущность права не только в том, чтобы быть гарантом свободы человека, реализации его неотъемлемых естественных прав, но и в том также, чтобы быть возведенной в закон волей господствующего класса. И право охраняет не только граждан от преступников и хулиганов, но и само государство (т. е. господствующий класс) от борьбы других социальных слоев и классов за власть, используя для этого соответствующие репрессивные органы: суд, прокуратуру, полицию, тюрьмы, колонии, внутренние войска и пр. И все-таки зададимся вопросом: возможно ли, хотя бы чисто теоретически, такое состояние, при котором полностью реализуется учение Толстого о ненасилии и оно одолевает насилие? Да, возможно, это в том случае, если отомрет государство и его неотъемлемый инструмент – право. Существуют два учения, в которых наиболее четко проводится мысль о

неизбежности отмирания государства и права – это анархизм и коммунизм. И теперь мы подходим, может быть, к самому главному: Л. Н. Толстой именно потому так решительно отстаивал идею ненасилия, что ему были присущи как анархистские взгляды (из-за чего он выступал против *всякого* государства, права), так и коммунистические (в силу чего он открыто назвал себя социалистом и коммунистом). Но даже если осуществится коммунистический идеал, установится вселенское братство, исчезнут национальные, классовые и все другие социальные противоречия, отомрет государство и возникнет общество, в котором, по словам К. Маркса, главным наказанием человеку будут угрызания его собственной совести, – даже и тогда останется насилие. Хотя бы в виде этих угрызений совести, а также каких-то форм общественного порицания. Поэтому судьбу ненасилия можно представить в виде движения кривой к оси асимптот, когда она приближается к ней как угодно близко, никогда не достигая ее.

Критическое отношение к некоторым положениям учения Толстого о ненасилии ни в коем случае не означает нашего критического отношения к самому ненасилию. Ведь оно является неотъемлемым элементом гуманизма, существующего на Земле с древнейших времен. Ненасилие, в теории и практике постоянно развиваясь, завоевывает все новые и новые позиции, что приводит к исчезновению традиционных и наиболее бесчеловечных форм насилия. При этом борьба насилия и ненасилия происходит не только в области экономических, политических, мировоззренческих интересов, но и на эмоционально-психологическом уровне, где она обретает форму противостояния вражды (тяготеющей к насилию) и любви (предполагающей ненасилие).

Здесь уместно будет привести следующее высказывание М. Ганди: «Ненасилие – это оружие сильных. У слабых это с легкостью может быть лицемерием... Мой каждодневный опыт (а также тех, кто работает со мной) показывает, что каждая проблема поддается разрешению, если мы решительно настроены сделать закон правды и ненасилия законом жизни. Правда и ненасилие для меня – стороны одной медали»¹⁴.

Постскриптум. Если вождь большевиков, Ленин, утверждал, что без насилия по отношению к насильникам нельзя избавить народ от насилия, то духовный вождь России, Толстой, утверждал, что революционное насилие – это худшее, что он может себе представить. В этом заочном споре правда оказалась на стороне писателя: революционное насилие, направленное против существовавшего насилия в России, породило такое чудовищное

---

¹⁴ Ганди М. К. Моя вера в ненасилие // Вопросы философии. 1992, № 3. С. 66.

насилие, которого цивилизованное человечество не знало за свою историю.

Итак, две страны – Россия и Индия внесли основной вклад в учение о ненасилии. Не случайно в России появился Лев Толстой. Индия – также является страной, где чтится ненасилие, притом, не только к человеку, но и ко всему живому. В Индии еще в середине первого тысячелетия до нашей эры появился принцип сострадания, который гласил: «Прежде, чем совершить поступок по отношению к живому существу, поставь себя на его место». Когда я был на учебе в центре Брахма-Кумарис (Раджа-йога), меня поразило, что в Индии собаки не лают, и даже комары не кусают. Когда коровы перестают давать молоко, их отпускают на все четыре стороны, и они, бездомные, заполняют города и села. Сердобольные индианки время от времени выносят им в мисках еду. Когда я гулял по лесу, с удивлением обнаружил там миску с молоком. Как мне объяснили любезные индусы, этим молоком, оказывается, подкармливают змей. Так что не случайно там появился Махатма Ганди.

И в то же время, что удивительно, Россия и Индия лидируют по числу насильий. Индия занимает первое место в мире по общему числу насильственно совершаемых преступлений, Россия занимает первое место в мире по числу насильий на сто тысяч жителей. В России автора, разработавшего учение о ненасилии, Льва Николаевича Толстого, прокляли и отлучили от церкви. В Индии ведущих лидеров ненасильственного движения: Махатму Ганди, Индиру Ганди и Раджива Ганди насильственно лишили жизни. Этот парадокс требует исследования, но, может, именно потому так остро в этих странах стоит тема ненасилия, что много в них насильия? Когда сегодня наши СМИ хором поют аллилуйю кровавому диктатору Сталину, я отношу это на счет общего снижения культурного уровня населения. Не случайно исследования ВЦИОМа, опубликованные 2 августа 2022 года, показали, что свыше 80 % жителей страны ничего или почти ничего не знают о Большом терроре. Я уверен, что по мере роста уровня культуры, ностальгия по кровавому диктатору непременно отомрет. Не в духе вековых традиций русской культуры восхвалять насилие.

Глава 6. Сознание как онтологическая категория

Слово «бытие» во всех европейских языках означает существование (бытийствование), т.е. все существующее, в отличие от несуществующего, от небытия. Раз сознание существует, следовательно, оно есть бытие. Мы знаем две формы бытия: непосредственное, или жизнь, и опосредованное, отраженное – сознание. Одна форма бытия – непосредственное, определяет

другую форму – сознание. Итак, сознание – это идеальное, или духовное отражение бытия.

Проблема идеального всегда была одной из центральных в философии, особенно в ее идеалистической ветви. При этом под идеальным понимается и творческое, духовное начало, и воля, и сознание, и дух, и душа. Первым, кто серьезно поставил и пытался решить проблему идеального, был Платон. Для него эйдосы (понятия, идеи) не только противостоят конкретным вещам, но их определяют и существуют вне их – в потустороннем мире чистых идей. С ним вступает в спор философ-реалист Аристотель, который признает существование эйдосов, но не вне и до предметов, а в них и через них. Мы в данном вопросе придерживаемся реалистической традиции: идеальное не существует в отрыве от реального. В частном случае идеальное выступает как предельный случай реального. Таковыми, например, являются химические элементы таблицы Менделеева, а также понятия точка, абсолютно черное тело, абсолютный холод, идеальный газ и т.п.

Содержание сознания как идеального многообразно и включает все богатство и уникальность проявлений жизни человека как на уровне индивидуального бытия, так и на уровне общественной жизни человечества. Оно может быть онтологическим (как феномен, существующий реально), когнитивным (гносеологическим) и аксиологическим (ценностным). Если когнитивное содержит образы предметов, будущих программ, модели, теории, гипотезы, то аксиологическое включает идеалы Добра, Красоты, Справедливости.

Идеальное присуще не только человеку, его мыслительной деятельности, но и деятельности животных. Без идеального прообраза того, что надо создать, невозможно было бы построение плотин бобрами, сот пчелами, гнезд птицами. Идеальное также присуще и самой природе: та упорядоченность, гармония, красота, которые разлиты в природе, способны привести человека в экстаз и вызвать глубочайшее благоговение перед природой, которое зачастую переходит в религиозное чувство, о чем свидетельствуют многие богословы.

Отсюда можно сделать вывод, что сознанию присущи не только биологические и социальные предпосылки, но также и космические, о чем постоянно напоминают русские космисты. Вот что пишет С.Н. Трубецкой: «...Человеческое сознание предполагает чувственную, телесную организацию, и вместе оно имеет самобытное, идеальное начало. Оно предполагает бессознательную природу, которая организуется и постепенно возвышается до него, ибо оно есть конечный продукт космического развития. И в то же время оно предполагает абсолютное вселенское сознание, точно так

же, как и самая чувственная вселенная во времени и пространстве предполагает такое сознание – всеобщую чувственность»¹⁵.

Когда-то В. И. Ленин, отмечая трудности в понимании сознания, высказал надежду, что только наука отдаленного будущего сможет раскрыть его природу. Мы здесь вынуждены сделать существенное добавление: невозможно научно объяснить природу сознания без признания онтологичности идеального. Итак, *идеальное есть философская категория, обозначающая атрибутивно присущие материи возможности структурной упорядоченности, которая обнаруживается в различных формах отражения, в том числе и на уровне человеческого сознания.*

Постскриптум. В области философии сознания у меня меньше всего новизны, поэтому этот раздел я фактически пропускаю. Новое здесь только одно – полемика с Лениным. Наука никогда не познает природу сознания, если она не станет на почву философского реализма, признающего духовность, идеальность в самом мире.

РАЗДЕЛ II. РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛГИЯ

Глава 7. Основные понятия гносеологии

Взаимодействие индивида с миром – жизнь, человеческая практика – образует онтологические предпосылки возникновения познавательного отношения индивида к миру. Проблемы природы познания, отношения знания к реальности, возможностей достижения истинного знания – это традиционная проблематика *философской теории познания, или гносеологии.*

7.1. Познание: структура и виды

Познание есть процесс получения знания. Знание – это прошедшие проверку опытом результаты познания.

Все философские направления выделяют в познании несколько уровней, или ступеней, при восхождении по которым познание все глубже осваивает предмет изучения. При этом все метафизические

---

¹⁵ Трубецкой С. Н. О природе человеческого сознания // Вопросы философии и психологии. 1991. № 2. С. 132.

направления, включая марксизм – а марксистско-ленинская философия, безусловно, полностью относится к метафизическому направлению, несмотря на клятвы в верности диалектике, выделяют только два уровня – чувственный и логический. Все диалектические направления рассматривают три, четыре, а иногда и более уровней познания. Такое разделение – важнейшая метка для определения, к какому философскому направлению данную философскую школу отнести. Рассмотрим сказанное на ряде исторических примеров.

Николай Кузанский сформулировал важный философский принцип – тождество противоположностей, для осмысления которого познанию необходимо пройти четыре стадии:

- Чувственное восприятие дает частное знание.
- Рассудок разделяет противоположности (Бог непознаваем, мир познаваем).
- Разум сопоставляет противоположности, является органом диалектического мышления. Он есть средство познания высших оснований бытия и сознания.
- Интуиция постигает тождество противоположностей, тождество объекта и субъекта.

Джордано Бруно, разрабатывая дальше принцип тождества противоположностей, пишет о совпадении: минимума и максимума, материи и формы, бога и природы, непрерывного изменения мира и постоянства природных законов. Признавая одинаковую необходимость обоих слагаемых бытия – материи и духа, он выделяет в познании 3 ступени: 1) чувство, 2) разум, 3) интеллект.

В силу своей реальной, а не номинальной (как у марксистов) диалектичности, немецкая классическая философия постоянно утверждает не менее трех ступеней познания, что наиболее четко отражено в творениях самого великого из реалистов – Иммануила Канта. (На могиле в Калининграде его имя обозначается как Эммануил).

В отличие от античной традиции и марксистов, выделяющих в познании всего две ступени, два уровня: чувственное и логическое, у Канта, как и у большинства немецких философов, в познании выделяется три ступени: чувственное созерцание, рассудок и разум. Чувственное впечатление по своему характеру чисто пассивно. Оно связано с воздействием природы, а не деятельностью сознания. Чувственному познанию присущи пространство и время (априорные, внеопытные формы), которые вносят организованность в полученный хаос ощущений, и благодаря активности субъекта возникают феномены (явления), содержание которых, однако, не совпадает с содержанием вещи. Поэтому сама вещь остается "вещью в себе", т. е. ноуменом, остающимся за

пределом доступности. Феноменальный мир как материал опыта служит предметом дальнейшего рассудочного познания. Это вторая ступень. Чувственные впечатления дают нам материал, а формы рассудка подводятся под материал, формируют его, и мы начинаем понимать предмет. Таким образом, соединение чувственных впечатлений и рассудка дают нам знание. Формами рассудка у Канта выступают категории: качество – количество, необходимость – случайность, возможность – действительность... Именно на стадии рассудка происходит процесс, выделяющий человека из животных, которые только воспринимают предмет, реагируют, но не осознают его. Человек же отделяет себя и предмет.

Природа, по Канту, обладает пространством и временем, необходимостью, причинностью, но – как предмет познания (идеальный образ). Как объект познания, (объективно) мы ее не знаем, она «вещь в себе». Поставленная Кантом проблема осмыслена только в последнее время – природа и у нас выступает как идеальный образ. И когда мы говорим о свойстве биологической клетки, мы говорим не о самой клетке, а о ее идеальном образе, который сложился в нашем познании. *Образ предмета* – это его гносеологическая характеристика, это то содержание знания о нем, которое наука имеет на сегодняшний день. Образ предмета и сам предмет в определенных моментах совпадают, но между ними невозможно полное тождество, поскольку процесс познания, постижения истины бесконечен. Разум – третья и высшая ступень познания. Разум объединяет все данные в систему, создает теорию. Если рассудок аналитичен, то разум синтетичен. Если перевести на нормальный человеческий язык рассуждения Канта, то они сводятся к следующему. Первая, чувственная ступень познания роднит нас с животными. Она зачастую пассивно отражает те сигналы из окружающего мира, которые воспринимаются нашими органами чувств. Вторая, рассудочная ступень является теоретической и чисто человеческой. В ней с помощью анализа исследователь доходит до понимания противоположности всех явлений и событий. Эта открытая противоречивость отображается в полярных парах категорий. Метафизическое мышление на этой ступени и останавливается. Дialeктическое познание идет дальше и с помощью синтеза доходит до понимания тождества выявленных ранее противоположных моментов, сторон. В этом случае выявленные ранее полярные характеристики, отраженные в полярной паре категорий, снимаются третьей, синтезирующей категорией, которая дает нам полное, совершенное, подлинно диалектическое знание.

То, что марксизм остановился на второй рассудочной стадии развития познания и не дошел до разумной, неопровержимо

доказывает его метафизический характер. Приведу только один пример. В марксизме плановая и рыночная экономики понимались как противоположные, между которыми никакого единства быть не может. Мы, как Отче наш, повторяли фразу: «Частная собственность порождает капитализм», вследствие чего всячески ее гнобили. Капитализм в этом случае понимался как полностью враждебный строй, который только ждет случая, чтобы умертвить нас. Но китайцы смогли отказаться от догматического марксизма (на словах сохраняя верность ему), и, вобрав все лучшее из плановой и рыночной экономик, т. е., совершив плодотворный синтез, они за тридцать лет сделали такой мощный рывок, что в некоторых областях догнали «быстроногую Америку». Молодцы китайцы! Мы же за семьдесят лет господства марксизма полностью утратили диалектическое чутье, и, видя противоречивость мира, не способны увидеть тождество противоположных сторон, что отличает настоящих диалектиков. Ведь противоречие является не только основой борьбы, как думали марксисты, но и основой гармонии, о чем знали еще древние греки. Ощущения, восприятия, представления, – сознание вообще, дают нам образ внешнего мира. Это означает, что их гносеологическое содержание неотрывно от их предмета. Отсюда следует, что существует материалистическая и идеалистическая гносеология. В объективно-идеалистической философии Гегеля утверждается принцип тождества бытия и мышления, означающий, что у субъекта и объекта единая духовная субстанция и познание выступает в виде самопознания, саморазвития абсолютной идеи. Материалисты, напротив, усматривают единство материального и идеального в их общей материальной природе. Человек здесь признается «произведением природы», а идеальное считается ничем иным, как материальным, пересаженным в голову и приобретшим иную форму.

Реалистическая философия дает более сложное, но одновременно и более адекватное реальности понимание проблемы. Нет пределов нашему познанию, но, тем не менее, нет полного тождества бытия и мышления, поскольку у каждого из них свои законы. Именно учет специфики познавательного процесса является условием наиболее адекватного отражения мира. А чисто механистическое понимание отражения как зеркального отражения, доставшееся нам в наследство от французских материалистов XVIII века, мало чем может помочь в познавательном процессе. В зависимости от направления философии, гносеология разделяется на идеалистическую, материалистическую и реалистическую. В зависимости от того, какой источник познавательного процесса является важнейшим, гносеологию подразделяют на разные виды.

Сенсуализм – учение в гносеологии, признающее ощущение единственным источником познания.

Рационализм – учение в гносеологии, по которому всеобщность и необходимость – логические признаки достоверного знания, – не могут быть выведены из опыта, а только из ума, или понятий, присущих уму от рождения.

Эмпиризм – направление в гносеологии, признающее чувственный опыт единственным источником познания.

Интуитивизм – направление в гносеологии, признающее важнейшим источником познания непосредственное усмотрение, схватывание истины, внезапное озарение. Высшее познание не определяется практической потребностью; оно нуждается в интуиции, т. е. в непосредственном, "безоглядном" погружении в объект.

Все указанные направления в гносеологии имеют свою правду, но, в то же время, – они односторонни. Русская философская реалистическая традиция в этом вопросе гораздо богаче. Она обосновывает необходимость *живознания*, органически сочетающего в себе и чувства, и ум, и опыт и интуицию. Известный русский философ Н. О. Лосский проповедовал *гносеологический реализм*, который состоит в том, что "только собрав в единое целое все свои духовные силы: чувственный опыт, рациональное мышление, эстетическую перцепцию и религиозное созерцание, – человек начинает понимать истинное бытие мира...".¹⁶ При этом все эти гносеологические установки применяются не как противоречащие друг другу, а как взаимодополнительные.

Помимо указанных классификаций, познание можно разделить также по глубине постижения субъектом объекта. В этом случае выделяют *обыденное познание*, основанное на непосредственном жизненном опыте и характеризующееся здравым смыслом и разговорным языком, и *теоретическое познание*, разрабатываемое особыми профессиональными группами (учеными, идеологами, философами и др.); оно создает комплексные понятийные системы, направленные на истолкование и объяснение познавательного опыта. В последнее время актуализируется проблема взаимосвязи *познания научного и вненаучного* (художественного, нравственного, религиозного и т. п.). Гносеологические различия и взаимосвязь этих видов познания будут рассматриваться ниже.

Постскриптум.

Когда я во время работы над кандидатской диссертацией доказал, что переход от дихотомического деления полярной пары категорий с трихотомическому означает переход от

---

¹⁶Лосский Н. О. История русской философии. М., 1991. С. 514.

метафизического к диалектическому уровню исследования, идея эта очень понравилась моему руководителю. В то время доцент кафедры философии Пединститута Лия Самойловна Мерзон защитила докторскую диссертацию, где она «поженила» закон и факт. Как она объясняла, все категории диалектики составляют полярные пары, а эти две – странные одиночки. После философского раздумья она пришла к выводу, что они составляют классическое единство двух противоположностей, друг без друга не существующих, т. е. составляют диалектическое противоречие. Так, закон действует во всех фактах той группы, для которой он был обозначен. С другой стороны, новый факт может внести изменение в привычный закон или даже отменить его.

После защиты к ней подошел В.И. Свидерский и спросил: «А какая категория будет третьей, синтезирующей?», чем поставил ее впрок, поскольку о третьей категории у нас не принято было говорить. Не случайно меня неоднократно обвиняли в ревизионизме за то, что я пытаюсь примирить непримиримые, с точки зрения марксизма, противоположности, – ведь никакое единение между ними невозможно, рассуждали они, как и положено метафизикам мира. Владимир Иосифович был интересной личностью. Видя, что он доброжелательно относится к некоторым моим новациям, я предложил ему написать совместную статью. На что он мне ответил: «Где это видано, чтобы профессор писал совместную работу с аспирантом». С другой стороны, во время банкета в честь успешной защиты кандидатской диссертации Владимир Иосифович признался, что в целом он мои взгляды не разделяет. – Почему тогда Вы все время защищали меня? – Потому, что я Ваш руководитель, и должен был Вас всегда защищать. Прекрасно разбираясь с тем, что происходит в стране, Свидерский не раз вступал в спор со сталинистами. Но видя, что они не поддаются никаким аргументам, с горечью говорил: Как мало Вы взяли от жизни. – Вот какие люди были в наше время!

Глава 8. Вненаучное познание

8.1. Научное и вненаучное познание: от конфронтации к диалогу

До 1989 года вненаучное познание в нашей стране было «вне закона». Считалось, что знание может дать только наука, а вненаучные формы в лучшем случае дают мнение, в худшем – заблуждение, но ни в коем случае не знание. Потребовалась мощная эпоха переоценки ценностей (названная в нашей стране «перестройкой»), чтобы мы, наконец, обратили внимание на

познавательные возможности вненаучного познания. Такая переориентация породила массу вопросов, на которые необходимо дать ответы: почему помимо научного познания необходимо еще познание вненаучное, что такое вненаучное познание, в чем его особенность и отличие от познания научного, какие существуют виды вненаучного познания, как соотносятся между собой познание научное и вненаучное и т. д. и т. п.

За более чем тридцатилетний период дискуссий вненаучное познание обрело, наконец, «права гражданства» и даже включено в стандарты по философии, но внятно ответить на вопрос, в чем его ценность и почему оно является необходимой составляющей нашего познания мира, может только реалистическая философия.

Дуальности строения мира, то, что он состоит из природы и духа, полностью соответствует дуальность человеческого мозга, в котором левое полушарие – это центр рационального, логического познания, а правое – центр эмоций, чувств, страстей, т. е., в конечном счете, центр иррационального. Отсюда не трудно сделать вывод, что левое полушарие человека обращено, прежде всего, к материальной компоненте мира, а правое – к духовной. Это значит, что ученые, прежде всего материалистической ориентации – это левополушарные люди; деятели искусства, богословы, мистики всех мастей – правополушарные. Если материалисты и идеалисты довольствуются моноскопическим взглядом на мир (через одно полушарие), то философы-реалисты предпочитают стереоскопическое видение мира, которое только одно дает полностью адекватную природе картину.

Статистика, которая, как известно, «знает все», утверждает, что 97 % времени суток мы используем вненаучное знание, и только 3 % – научное. Таким образом, вненаучное знание играет огромную роль в жизни каждого человека. Мы встаем, одеваемся, моемся, готовим яичницу, едем на работу, здороваемся с коллегами и т.д. и т.п. – и все это в русле вненаучного знания. Оно позволяет нам прекрасно ориентироваться в мире и чувствовать себя в нем комфортно. Если научное знание довольно быстро забывается человеком, и, как показывает опыт опроса студентов, практически ни один из них не помнит те законы и теоремы, которые изучались в школе, то вненаучное знание (например, умение плавать или кататься на велосипеде) остается с нами на всю жизнь. Вненаучное познание способно на равных выступать с познанием научным, а иногда даже и превосходить его по эффективности. Известно, что Демидов содержал у себя свыше 200 лозоходов, которым платил большие деньги. У них на бечевке висел тот минерал, который они должны были найти в Уральских горах, и сегодня еще осваиваются найденные ими месторождения. До сих пор поиск подземных

источников воды более эффективно осуществляется внеучными методами (лозой), чем научными (приборами). Это же относится и к поиску патогенных зон, в которых не рекомендуется строительство.

В настоящее время практически все науки испытывают потребность в привлечении внеучных способов познания. Приведем несколько примеров. Выпускники аграрных вузов сетуют на то, что им давали только научные знания, но не давали внеучные. После окончания вуза они обнаруживают, что посадка овощей в соответствии с астрологическим календарем овощевода действительно заметно повышает урожайность, а им, тем не менее, астрологию в вузе не преподавали. До сих пор период весенней посадки определяется как научными способами – с помощью приборов, так и внеучными, когда руководитель сельскохозяйственного производства босиком ходит по вспаханному полю, чтобы определить, «принимает» его земля или «не принимает». Разумеется, это внеучный способ, но он оказывается у опытного селянина очень эффективным.

Судебный процесс, где очень важно не совершить ошибку и не покарать невинного, вершат люди, наделенные научными знаниями: судьи, прокуроры, адвокаты. Но когда рассматривается очень серьезное дело, например, связанное с убийством, приглашаются присяжные заседатели, не имеющие никакого юридического образования. И их внеучное знание («нутром чувствую – невиновен») иногда оказывается решающим при вынесении вердикта.

Внеучное знание все более уверенно проникает и в медицину, где к классическим медицинским наукам добавляются неклассические, основанные, как правило, на внеучном знании. Так, в XX веке появился психоанализ. Если классические медицинские науки основаны на «железобетонных» конструкциях, где все строго детерминировано и подчиняется одним и тем же законам, то психоанализ более сродни искусству, чем науке. Он исходит из уникальности каждой личности и необходимости найти только ей присущую причины заболевания, для чего психоаналитик пытается войти в подсознание больного и определить сугубо индивидуальный способ излечения. Если еще сравнительно недавно биоэнергетика определялась как псевдонаука, поскольку механизм ее действия строго научно не выявлен, то сегодня в Медицинской академии последипломного образования (МАПО) ее преподают врачам, поскольку эффективность ее лечения в ряде случаев доказана.

Известно, что в восточных странах в поликлиниках вам до сих пор предложат наряду с научными и на равных с ними и внеучные способы лечения: иглокальвание в Китае, медитацию

в Индии. Да и у нас в стране венаучная (народная) медицина имеет очень широкое распространение. Во время излечения от самых массовых, простудных заболеваний (ОРЗ, ОРВИ) часть населения предпочитает лечиться научными средствами (вызов врача и прием назначенных им таблеток), а часть больше доверяет традиционным, народным средствам – попариться в бане, выпить горячего чая с медом или малиновым вареньем, принимать чеснок и т. п. Во время перестройки, когда отечественная фармакологическая промышленность была загублена и у нас перестали выпускать отечественные лекарства, а импортные стоили безумно дорого, бедные слои населения перешли на традиционное траволечение, что спасло жизни многим нашим соотечественникам. В последнее время все большую популярность приобретают у нас оздоровительные системы, которые основаны не столько на научных, сколько на венаучных (мифологических, религиозных) основах. Здесь можно вспомнить систему М. С. Норбекова, систему раджа-йоги, настрой Сытина...

Подобные процессы происходят и в экономике. Экономика (макроэкономика и микроэкономика) содержит массу самых разных законов. Но наряду с ними в экономике существует такое понятие как «биржевая игра», в которой, как и во всякой игре, доля венаучного знания необыкновенно высока. Здесь присутствуют наитие, вдохновение, риск, авантюризм и т. п. Сегодня среди самых богатых людей планеты присутствуют как те, кто обогатился при помощи научного знания, так и те, кто своим богатством обязан венаучному знанию.

Венаучное знание помогает и прикладным наукам. В ту пору, когда Шойгу возглавлял министерство по чрезвычайным ситуациям, в штате его ведомства находился специальный отдел по прогнозированию этих самых чрезвычайных ситуаций из представителей венаучного знания: астрологов, экстрасенсов и др.

Итак, в наше время произошел поворот в отношении между научным и венаучным познанием: от конфронтации они все более стремятся к диалогу, обогащающему наше знание о мире. Когда-то В. И. Вернадский говорил, что ученый толком не знает науку, если он знает только свою науку. Надо обязательно знать какую-то еще и другую. Из всех других наук Вернадский отдавал предпочтение философии. И не только потому, что «она полна поэзии и очарования», но и потому, что «она другим наукам показывает их будущее». И это действительно так: двойственная (научно-венаучная) природа философии все более служит примером для подражания и всем другим наукам, которые, как и философия, во все большей степени стремятся к целостному знанию о мире.

Постскриптум.

В нашем триумvirате самым ярким сторонником вненаучного познания был склонный к мистицизму Зобов Роман Алексеевич. В результате уже в первом учебнике «Реалистическая философия», написанном нами в 1998 году, была глава о вненаучном познании. Когда через два года мы стали проектировать учебник нового типа для аспирантов, я назвал его «Философия научного и вненаучного познания». Декан философского факультета профессор Юрий Никифорович Солонин повез макет учебника в Москву для утверждения. Там были резко возмущены предложенным названием: – Как это можно для научных работников писать о вненаучном познании. Пришлось быстро менять название: «Философия и методология познания».

Министерство образования ввело тему вненаучного познания для студентов и аспирантов 10 лет спустя после нас. Получается, что мы бежали впереди паровоза. Помню, как на одном из первых заседаний, посвященных обсуждению макета нового учебника, один коллега по кафедре высказал свое недоумение: «Ну что Вы все возитесь с вненаучным познанием? Ну какое знание, например, нам может дать музыка Бетховена?» Я поблагодарил за вопрос и ответил следующим образом:

– «Жизнь и творчество Бетховена можно изучать двояко: научным и вненаучным способом. В первом случае я обкладываюсь мемуарной литературой, письмами и записными книжками Бетховена, прижизненными статьями о нем. И в итоге многое узнаю: с кем жил, где жил, над чем работал, сколько зарабатывал и т.д. и т.п. Но можно и вненаучным способом – слушая музыку Бетховена. В этом случае я узнаю то, что не узнаю ни из какого литературного источника: насколько богатым, противоречивым и изумительным был мир духовных переживаний великого композитора, насколько совершенными формами музыки он владел. Вненаучное познание для того и нужно, что оно дает знание о духовных и душевных процессах, которых научное познание «в упор не видит».

Пренебрежительное отношение к вненаучному познанию, которое до недавних пор было господствующим в нашем обществе, препятствовало выяснению всей полноты окружающего мира.

Лет пять назад я проходил учебу в индийских Гималаях, в центре Брахма-Кумарис (Раджа-йога). В один из дней нам провели экскурсию в глобальный госпиталь при центре. В фойе госпиталя предлагались на выбор разные способы лечения: европейская медицина, йога, аюрведие (древнее учение о долголетию, которому более пяти тысяч лет). В большом зале перед нами выступил заведующий, который, желая показать насколько квалифицированы у них врачи, попросил одного доктора спеть

песню. Исполнение было встречено бурными аплодисментами: всем стало ясно – раз врач так красиво поет, ему можно доверять свое здоровье. Пользуясь случаем, я прошел обследование в госпитале, и на заключительном этапе доктор, посмотрев итоги обследования, произнес, что я в целом здоров, но для сохранения здоровья и в будущем он рекомендует мне вегетарианство и медитацию. Пришлось купить диск с записью красивых мелодий на народных инструментах, помогающих занятием медитации.

8.2. Особенности и виды вненаучного познания

В ходе развития науки, особенно на ранних стадиях, многие ученые были убеждены, что научно-рационалистический подход необходимо дополнить иррациональным, эмоционально-образным, интуитивным. Т.е. что научное знание обязано сочетаться с вненаучным. Уже Гиппократ говорил, что медицина обязательно должна сочетаться с астрологией. В работах И. Кеплера, Г. Галилея. Д. Бруно и многих других, не исключая И. Ньютона, часто можно встретить рассуждения, касающиеся астрологии, алхимии, хиромантии, которые хорошо сочетались с научными положениями. И вообще долгое время между научным и вненаучным знанием не существовало четких разграничительных линий. Начиная с конца XIX века идет интенсивный процесс разделения научного и вненаучного знания, результатом которого явилась возникшая конфронтация между ними.

В сфере вненаучного знания интуитивно фиксируются целостные характеристики человека, а через них – и характеристики его духа. Дух тоже обладает специфическими чертами, среди которых можно назвать такие, как вездесущность, подвижность, внутренняя активность, гармоничность, ориентация на высшие ценности, стремление к совершенству (Абсолюту), самодостаточность, свобода, любовь и т.п. Соприкасаясь с человеком, дух побуждает его к приобретению таких же свойств и особенностей. Поэтому не случайно, что вненаучное знание связано преимущественно с человеком. Неоднородность такого знания то сближает его с наукой, то удаляет его от нее. Есть области, где присутствие духа фиксируется на эмпирическом уровне, не претендуя на рациональное выражение. Сюда можно отнести пророчества, гадание, ясновидение. Вообще вненаучное знание охватывает все виды знания, которые нельзя выразить рационально с помощью логики. Сюда же могут быть отнесены и знания в виде навыков, например, в области ремесленного производства, которые передаются от отца к сыну на невербальном уровне, а также эзотерические знания, оформляемые и передаваемые в виде

определенных систем символов. До сих пор в ремесленных и крестьянских семьях знания, отобранные и сохраненные в поколениях, передаются от отца к сыну не путем чтения лекций, а на невербальной, вненаучной форме – через практический опыт. Вненаучное знание в таком понимании может формироваться и передаваться только в процессе непосредственного общения людей. С вненаучным знанием мы сталкиваемся в искусстве и в религии, где вскрываются наиболее фундаментальные и значимые духовные характеристики человека. В выдающихся произведениях искусства мы постигаем глубинные характеристики человека той или иной эпохи, которые не могут быть выражены по-другому. Значит, в рамках вненаучного знания формируется адекватный образ человека как существа, прежде всего, духовного. Наука же дает нам преимущественно эмпирический рациональный образ.

Наука создает определенные предпосылки для восприятия адекватного образа человека. Она постоянно фиксирует следы деятельности в нем духовного начала и тем самым формирует психологическую установку на поиски в человеке чего-то, что лежит за пределами ее компетентности. И в этом можно видеть взаимную дополнительность научного и вненаучного знаний в исследовании человека. Как истолковывается дополнительность подходов применительно к изучению мира и человека? Обычно термин "дополнительность" ассоциируется с принципом дополнительности, сформулированным Н. Бором для описания ситуации в квантовой физике. Этот принцип говорит, что в микромире частица допускает либо пространственно-временное, либо причинное описание. Причем одно исключает другое, хотя они и сосуществуют вместе, что и определяет их взаимодополнительность. Мы понятие дополнительности экстраполируем на всю действительность в целом.

Уже говорилось, что материя и дух представляют собой два неразрывных, но одновременно и исключающих друг друга начала. Научный аппарат оказывается малопригодным для описания явлений духовного мира. Не случайно поэтому в гуманитарных науках методы точных наук находят весьма ограниченное применение. И хотя они часто называются "науками о духе", но в них речь идет фактически не о самом духе, а о его проявлениях. Сам же дух является объектом рассмотрения вненаучных концепций, включая искусство, религию, астрологию, теософию, антропософию...

Исходным моментом мы считаем одновременное наличие материи (природы) и духа. Речь поэтому в познании идет об ориентации исследователя как по отношению к духу, так и по отношению к материи. Здесь и формируется специфическая

психологическая установка дополнительности. В таком понимании принцип дополнительности имеет не только важное гносеологическое (теоретико-познавательное), но и важное онтологическое (бытийственное) значение. Такая установка дополнительности не возникает у человека сразу, а является результатом длительных поисков и разочарований, заблуждений и попыток выхода из тупиковых ситуаций, эта дополнительность носит универсальный характер, ибо единство материи и духа существует везде, но в человеке она выражена максимально, по крайней мере в сравнении с теми объектами, которые нам известны на сегодняшний день.

Вненаучное познание выступает как специфический тип знания, который обслуживает "живую жизнь" не косвенно, через целый ряд опосредований, как фундаментальная наука, а непосредственно, "здесь–теперь". Налицо деятельность не сугубо духовная, как при отвлеченном теоретизировании, а духовно-практическая. И если для науки основным систематизирующим принципом является "все об объекте", а результатом познания выступает "объективная, хотя и бесцветно-холодная картина мира" (Н. Бор), то для вненаучного познания таким принципом служит "все для субъекта".

Знание во вненаучных формах представляет собой сплав знаний, умений, навыков, нормативов, оценок, способностей человека к ориентации и адаптации в постоянно меняющемся мире и связано с приобщением его к социуму через повседневную жизнедеятельность. Вненаучные формы познания направлены не на получение истины, как в науке, а на выработку информации о тех или иных объектах, событиях, процессах, представляя собой единство знаний, оценки и ценностей. Целью вненаучного познания является "выдать" человеку, группе, обществу такую систему рекомендаций и предписаний, которая может стать руководством к действию. Именно поэтому вненаучное познание в большей степени пронизано субъективностью, нежели наука, так как оно непосредственно связано с интересами, потребностями, волей, верой, фантазией, инстинктами, интуицией, влечением познающего субъекта. А отсюда вненаучное познание многообразно и в содержательном аспекте.

Анализ различных форм вненаучного познания под углом зрения достижений практики дает возможность выделить три уровня вненаучного познания: чувственный, чувственно-абстрактный и теоретический. Народная мудрость, личностное, коллективное, игровое знание носят информационно-развивающий характер и выступают, с одной стороны, как самостоятельные формы освоения бытия, с другой – входят как в научное, так и во вненаучное познание. Аналогично функционирует и практическое

познание, связанное с профессиональной деятельностью человека. Практическое познание осуществляется не ради самого знания, а для эффективного воздействия субъекта на объект. При этом следует подчеркнуть, что практическое познание составляет руководящую подсистему всей практической деятельности человека, оно не отрицает науку и виды внеучного познания, а дополняет и продолжает их познавательные усилия, представляя собой синтез научных и внеучных, чувственных и логических, рациональных и иррациональных форм.

Значительный интерес для выяснения особенностей внеучного познания представляет анализ его конкретных форм: искусства, религии, обыденного познания, здравого смысла, традиций, народной мудрости, фольклора, морали, политики, паранауки и т.д. Во внеучном познании фиксируются и различные варианты человеческой мысли – реалистические и иллюзорные, повседневные, любительские и профессиональные; архаичные и современные; вредные и полезные людям. Особое место среди внеучных форм деятельности занимает паранаука (греч. *para* – вокруг, около), пользующаяся сегодня значительной популярностью. *Паранаука* – это познание сверхъестественного и необычного в природе и обществе, феноменов, которые неизвестны официальной науке и недоступны практике. Сторонники данного духовно-практического способа постижения представляют свои учения как альтернативную науку. Не укладываясь в традиционные критерии научной рациональности, альтернативные науки обрели в настоящее время определенный институциональный статус. (Например, парапсихология). Непредвзятое изучение указанных феноменов стимулирует к построению нового, многомерного образа познания с помощью как науки и внеучного познания, так и в целом практики человеческого духа.

Постскриптум.

Науке известны необыкновенные способности некоторых людей, которые она не в силах объяснить. Помню, как в 50-е годы прошлого века я часто видел в Ленинграде афиши: Мессинг. Психологические опыты. Я думал, что это просто фокусник и не пошел на него, о чем сейчас очень жалею. Поэтому я обратился к моему другу, Маргарите Николаевне Сабининой, которая была на его представлении. И вот что она мне рассказала. – В конце 40-х годов я с подружкой была в одном из домов культуры на представлении Мессинга. Мессинг вначале представления просит выбрать ассистентов из зала, которые будут вести представление. Среди избранных оказалась моя знакомая, и я послала ей записку следующего содержания: Пусть Мессинг найдет меня в зале, приведет на сцену, снимет с меня правую туфлю (туфли новые),

возьмет там кольцо и оденет мне на палец. – Я в то время уже женихалась, но кольца еще не было, поэтому одолжила у подруги. Моя знакомая, прочитав письмо, громко со сцены дала задание Мессингу: «Вас одна женщина просит найти ее в зале и сделать то, что написано в этой записке».

Мессинг спустился со сцены, сделал несколько шагов вправо, потом влево, после этого пошел прямо по проходу к моему ряду. Дойдя до моего ряда, он внимательно посмотрел на меня и пальцем поманил к себе. Я вышла к нему. Он взял меня за руку и повел на сцену, где усадил меня на стул. После этого он взял со стола газету, постелил на полу, опустился на колено и снял с меня правую туфлю. Все это он проделывал в полном молчании. А у меня вдруг паника, я забыла, на какой палец кольцо одевается. И вдруг он довольно громко крикнул – Думайте, думайте! И меня как-то осенил, и я вспомнила нужный палец. И Мессинг блестяще справился с моим заданием. Известно, что Мессинг умолял открыть институт или хотя бы лабораторию, изучающую его феномен, поскольку он сам не мог его объяснить. Но, увы, не получилось.

Был и у меня опыт общения с человеком, обладающим необычными способностями. Как-то звонит двоюродная сестра и сообщает, что у нее знахарка, у которой есть бумага от митрополита, что она обладает даром исцеления. Когда сестра рассказала знахарке Алевтине, что у меня хронический кашель, от которого врачи не могут избавиться, она улыбнулась и сказала, что для нее это не проблема. В итоге сестра говорит: я дала Алевтине твой телефон и адрес. Жди ее звонка. Не забудь дать ей полотенце: она принимает душ перед сеансом с тобой, чтобы смыть все черное, что могло накопиться во время поездки к тебе, и после сеанса, чтобы очиститься после общения с больным.

Через пару дней приезжает Алевтина (женщина около 45 лет), я даю ей полотенце. После выхода из ванной комнаты она укладывает меня на диване и начинает руками водить над телом, что-то бормоча себе под нос. Некоторые заклинания совсем непонятные, некоторые – более ясные. То она говорит про левое предсердие и про правый поджелудочек, то начинает повторять цвета радуги. Время от времени она подает на колени, бьет земной поклон и говорит: Слава тебе, Господи! Все это продолжается почти час. Описанное событие было около двадцати лет назад, поэтому после окончания она просит за работу 50 рублей. Я протягиваю ей сто рублей, поскольку не было других купюр. Она отвечает, что не может взять такие деньги, ей нужно только 50 рублей. Чтобы разрешить ситуацию, я предлагаю ей остаток денег перенести за следующий сеанс. Алевтина улыбнулась и сказала: Я живу на эти

деньги, но Вам я больше не нужна, Вы совершенно здоровы, даю гарантию на полгода.

– А что у меня было, поинтересовался я? – Это долго рассказывать, у Вас были пробки, которые я все выбила. – В таком случае, обрадовался я, это Вам премия за удачное лечение. Но Алевтина по-прежнему настаивает на своем: Нет-нет, я сейчас пойду, разменяю и верну Вам сдачу. Что делать? Я вспомнил, что на днях мне звонила мой друг, Ольга Крылова, врач-терапевт с пятнадцатилетним стажем работы, и жаловалась, что у ее сына не проходит кашель. Иду в соседнюю комнату и сообщаю ей радостную весть: у меня знахарка, которая только что лечила меня от кашля, не послать ли ее к тебе, тем более, что работа уже оплачена. – А не шарлатанка ли она? – Мне предложили ее хорошие люди, и я не чувствую никакого дискомфорта после сеанса с ней. – Посылай. Я вернулся к Алевтине и дал ей новый адрес, а сам жду, чем все закончится. Часа через четыре звонит моя знакомая и говорит: твоя знахарка всех нас обаяла. Я под нее легла, а потом мы долго на кухне пили чай и говорили о медицине. Это идиллическое взаимоотношение знахарки с профессиональным медиком, работающим участковым врачом, меня поразило.

На следующее утро я просыпаюсь с ощущением необыкновенной легкости, как будто я только что родился. Приезжаю на работу, а коллеги спрашивают: почему я перестал кашлять. Я вспомнил и рассказываю про Алевтину. Коллеги спрашивают, нельзя ли телефончик, и я ту т же раздаю его всем желающим. Звоню своему другу, известному богослову церкви бахаи – Номоконову Вадиму. Рассказываю ситуацию и спрашиваю: как же так, я же скептически ко всему этому отнесся, а она в самом деле вылечила? Он привозит мне книгу, написанную богословами, где говорится, что у людей от природы бывают математические или музыкальные способности. А у некоторых – медицинские способности. Научная медицина, в силу своего гонора, не доходит до исследования этих способностей.

Проходит год-полтора, мне снова потребовалась Алевтина. Звоню сестре, чтобы она напомнила ее телефон, и вот что она отвечает: Больше не звони ей, у нее пропал дар. Как тут не вспомнить слова из Евангелия: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Иоанна 3-8). Это правда. Как часто бывает, что вдохновение вдруг покидает человека искусства и он от этого пребывает в сильнейшей депрессии. Почему это происходит? Решение этого и многих других вопросов невозможно без признания духа.

8.3. Познавательные особенности науки, искусства, религии и философии

а). Доминирование материи в науке.

Наука имеет дело с предметами и процессами материального мира. Все основные характеристики науки: использование приборов, подтверждение в опыте, строгая логическая доказательность и другие – обращены только к материальной компоненте бытия. Именно поэтому нет лучшего способа познания материальной стороны бытия как наука, и именно поэтому наука и «на дух дух не переносит». И если бы действительно, как это проповедают правомерные марксисты, в мире не было бы ничего, кроме движущейся материи, тогда никакие другие способы познания мира, кроме научного, были бы не нужны. Но в том-то и дело, что помимо материальной компоненты бытию присуща также и духовная компонента, которая очень трудно поддается научному изучению.

Тем не менее, наиболее прославленные ученые всегда чувствовали за материальной стороной мира и ее духовное слагаемое, которое, начиная с Б. Паскаля, принято называть «философским богом». В свое время Р. Декарт справедливо заметил, что посредственный математик может позволить себе не верить в Бога, но великий математик – никогда, ибо он чувствует в природе такое совершенство, такую красоту, перед которой можно только склонять голову. Но не только древние ученые (Декарт, Ньютон, Ломоносов) позволяли себе подобные высказывания. Нечто подобное мы постоянно слышим и от наших современников.

Известно, что наука с самого начала обращена на исследование закономерностей тех или иных фрагментов материальной действительности. Так, физика занимается изучением физических процессов, биология – биологических, социология – социальных и т.д. Некоторые науки интересуются сразу несколькими фрагментами действительности (такие, как биофизика, биогеохимия, и пр.), но это не меняет существа. Любая наука связана, прежде всего, с материей, даже так называемые «науки о духе». Дело в том, что наука изучает закономерности, т. е. связи необходимые, всеобщие, устойчивые и повторяющиеся. Явления духа явно не удовлетворяют этим требованиям, – они крайне подвижны, изменчивы, уникальны, внепространственны, вневременны, не поддаются структурированию.

Наука хорошо описывает телесную (материальную) сторону, но оказывается бессильной отразить его духовную жизнь. Не случайно в программах по философии и антропологии тема души до сих пор отсутствует: она не поддается сугубо научным способам

исследования. Здесь способности искусства на несколько порядков оказываются выше. И если мы хотим познать именно эту – духовную сторону бытия человека, то мы не берем учебник, а читаем художественное произведение или идем в театр или музей.

Наиболее проницательные ученые убеждены в том, что духовная компонента изначально присуща миру, но в настоящее время ее учесть невозможно и сделать это можно будет только в отдаленном будущем. Так, Д. И. Менделеев был убежден в том, что всякий объект изначально имеет духовное измерение, наряду с материей и энергией. Похожих взглядов придерживался В. И. Вернадский, В. Гейзенберг и другие великие ученые. На примере науки хорошо видно, что доминирование материи в науке приводит ее в тупик, для выхода из которого требуется привлечение духовного начала. И великие ученые признают, что за их конструкциями такое начало всегда скрывается. Они называют его по-разному: мировая гармония, Бог, Абсолют, Мировой разум, Дух и пр., но это не меняет существа дела. Иными словами, наука своими методами не может духовное начало изучать, но великие ученые интуитивно чувствуют его наличие.

б). Доминирование духа в сфере искусства и религии

Дух, в отличие от материи, в силу своей нематериальности не допускает регистрации органами чувств и приборами. Не случайно по- этому наряду с научными формами познания всегда существовали и будут существовать и так называемые вненаучные формы (миф, религий, искусство и т.п.), которые обращены, прежде всего, на исследование духа, духовной компоненты бытия. Борьба между научными и вненаучными формами познания, в ходе которой были как попытки отменить, запретить науку, так и попытки отказать вненаучным формам в праве на владение истиной, заканчивается в наши дни все более крепнущем убеждением, что научные и вненаучные формы находятся в отношении дополнительности друг к другу, ибо каждой доступна своя грань мира, недоступная другой форме познания. Это положение мы и попытаемся проиллюстрировать в данной главе.

Специфика соотношения материи и духа в искусстве. Задача художника не в том, чтобы по возможности точнее скопировать тот или иной материальный объект (лицо человека, пейзаж, фрукты и т.п.). Его цель – увидеть этот предмет так, чтобы он вызывал у него ассоциации весьма далекие от того, что он непосредственно воспринимает, и изобразить его так, чтобы у зрителя возбудить такие же образы или, по крайней мере, существенно иные по сравнению с теми, которые он получает при контакте с реальными объектами, изображенными на картине. В. Г. Белинский имел полное основание говорить, что жизнь – руда, а искусство – золото.

Действительно, настоящий художник не просто копирует реальность, а отбирает из нее наиболее ценное, проводит через себя, свою систему ценностей, и в идеализированной форме возвращает картину зрителю.

Если смыслом существования науки является достижение истины, то смысл искусства – достижение прекрасного. К художественным произведениям поэтому не применимы те параметры, которыми мы оцениваем науку. Так, если степень развитости науки определяется включением в нее математического аппарата, то к художественным произведениям никакая математика неприменима. Это было хорошо и прочувствовано и четко выражено великим композитором П. И. Чайковским: «Художественные произведения не подлежат математически точным измерениям их эстетических достоинств». Искусство всегда есть соединение материи и духа: идеальных чувств, побуждений, ценностей и их воплощение в материальных объектах. Это диалектическое единство материального и идеального, объективного и субъективного было верно передано Н. Г. Чернышевским в его магистерской диссертации: «Прекрасно то, в чем мы видим жизнь, сообразную с нашими понятиями о жизни... Таким образом, объективное существование прекрасного и возвышенного в действительности примиряются с субъективными воззрениями человека». Иными словами, только то мы воспринимаем как прекрасное в жизни, что соотносится с нашими идеальными представлениями о ней. Художник, воспаряя над реальным миром в идеальный мир духовных сущностей, материализует свои впечатления, создавая произведения, в которых идеальное отразилось. Это воспарение возможно в акте вдохновения, восторга, безумия, о котором постоянно пишут философы, говоря о художественном творчестве.

Итак, в сфере искусства сохраняется неразрывное единство материи и духа, характерное для мифологического мышления, но здесь это единство концентрируется на человеке, а взаимодействие с природой отодвигается на периферию. В мифе было все наоборот. Не случайно поэтому, когда в искусстве описывается общение человека с природными стихиями, то здесь наблюдается особенное сходство с мифом. Вспомним, например, обращение пушкинского королевича Елисея к природным стихиям: солнцу, луне, ветру за помощью в поисках своей невесты. Именно нахождение гармонического соответствия между духовным и материальным отличает искусство как от науки, где акцент делается в пользу материального, так и от религии, где абсолютизируется духовное начало.

Доминирование духа в религии. Если наука делает акцент на материи, то религия – на духе. Духовное начало в религии отделяется от материального, а зачастую между ними разverzается настоящая пропасть. В Новом Завете постоянно подчеркивается, что в Царствии Небесном все не так, как у нас на земле, и между этими мирами вообще нет ничего общего. В религии, конечно, признается, что существует дух и материя, в частности в человеке – душа и тело. Но при этом духовное начало является главным, явно преобладающим, а материальное – подчиненным. Собственно, дух формирует материю, но обратное влияние материи на дух категорически отрицается. Отсюда проповедь аскетизма и идея примата духа над материей.

Воздействие духа на человека может привести к радикальным преобразованиям, как это имело место в случае «обращения Савла», который из яростного гонителя христиан на всю оставшуюся жизнь превращается в защитника христианства под именем апостола Павла. И таких случаев описано достаточно много. Более того, религия показывает, что высокая концентрация духа в определенных местах может приводить к явному изменению физических параметров. Примерами здесь могут служить случаи «не жгущего» огня в Храме Господнем в Иерусалиме в пасхальную ночь, а также известный эффект «крещенской воды», которая приобретает новые свойства и особенности, сохраняющиеся довольно длительное время. И дело здесь вовсе не в том, что такая вода якобы приобретает такие особенности от соприкосновения с серебряным крестом. Эффект оказывался тем же, если использовался деревянный крест. Собственно говоря, и в рамках самой религии, по крайней мере, в проекции на будущее, часто признается, что полного отделения материи от духа не будет. В частности, утверждается, что грядущее воскресение мертвых будет происходить в телесной оболочке. Христос тоже пришел в мир в виде человека, т.е. в виде единства духовной и телесной составляющей. Вообще соотношение духа, души и тела является важной проблемой во всех развитых религиях, причем проблемой одной из наиболее сложных и значимых. И надо сказать, в рамках христианской религии во все времена считались еретическими многочисленными попытки интерпретировать Христа либо как только человека, либо исключительно как Бога. Официальная церковь неизменно стояла на той точке зрения, что Христос есть одновременно и Бог, и человек, т. е. материально и духовное начало находятся в нем в неразрывном единстве.

Религия настолько связала себя с духом, что чуть ли не монополизировала его. Достаточно вспомнить такие понятия, как: «люди духовного звания», «духовенство», «духовная семинария»,

«духовная музыка». А между тем, искусство и философия имеют не меньше прав на рассмотрение духа, хотя делают это иными средствами и иным языком. И Гегель справедливо отмечал, что тремя высшими сферами духа являются искусство, религия и философия. При этом, будучи религиозным человеком, Гегель приоритет в освещении духа отдавал философии. И здесь с Гегелем нельзя не согласиться: именно потому, что философия не противопоставляет дух и материю, а рассматривает их в гармоническом единстве, реально присущим бытию, именно поэтому ее знание духа является более приближенным к действительности.

Тем не менее, величайшей заслугой религии является то, что она пронесла сквозь все века понимание духа и души как важнейших составляющих человека и мира. Кроме того, важнейшей составляющей религии является ее гуманистическая направленность, ее нравственно-воспитательная функция, которые были в полной мере использованы величайшими умами человечества при формировании философии ненасилия, о чем говорилось выше.

в). Неразрывное единство матери и духа в философии реализма.

Нас, философов реалистов, часто спрашивают, как мы будем пытаться соединить материю и дух. Наш ответ: мы не будем пытаться их соединять, ибо они во всех сферах мироздания представляют собой неразрывное единство, и, хотя они и отрицают друг друга, но одновременно друг без друга существовать не могут. И не наша вина, что одномерные философы разорвали это единство и выхватили из него только какую-то одну сторону. Весь опыт человечества, включая науку, говорит о бесперспективности таких подходов, поскольку ни дух из материи, ни материю из духа никому не удалось вывести. В наши дни уже становится под сомнение возможность происхождения жизни из безжизненной материи. Несмотря на все попытки воспроизвести, это так никому и не удалось. И была выдвинута альтернативная точка зрения (В. И. Вернадским), согласно которой жизнь так же стара, как и материя, по крайней мере, на нашей планете. Тот же Вернадский утверждал, что без духа, как животворящего начала мира, без тех или иных виталистских представлений, объяснить происхождение жизни невозможно. Вернее, возможно только при условии, что мы происхождение жизни припишем Богу. Широкое распространение в последнее время получает тезис о том, что сама наша Земля представляет собой живой суперорганизм. В Декларации Земли, принятой в Рио-де-Жанейро в 1991 году, записано: «Земля – наш

Дом и дом всех живых существ. Сама Земля является живым организмом».

Признавая единство материи и духа в качестве универсального свойства действительности, реалистическая философия тем самым объединяет все сферы духовной деятельности человека (религию, науку, искусство, обыденный опыт), выделяя в них нечто общее. И такое единство будет возрастать по мере того, как каждый из этих компонентов будет совершенствоваться и подтверждать справедливость исходных общефилософских принципов. И этим будет доказываться истинность избранной нами исходной философской концепции. Возникновение Российского общества реалистической философии, которое дважды в год проводит международные научно-практические конференции, наглядно свидетельствует, что реалистическая философия подтверждает свою истинность.

Постскриптум.

После написания книги о Блокаде я сошелся с писателями и бываю на их заседаниях. Особенно тесный творческий союз у меня образовался с писателями Владимиром Семеновым, Вячеславом Булгаковым, Владимиром Королем. Писатели учат меня, что заглавие книги должно быть очень кратким, как правило, из одного-двух слов. И действительно так оно и есть: Накануне, Обломов, Воскресенье, Поединок, Степь, Казаки, Олеся. И я в связи с этим дал максимально краткое название данной книге: От философии к филалифии. Хотя напрашивается более длинное название: От реалистической философии к филалифии. Дело в том, что от философии, если она не реалистическая, нет ходу к филалифии. Реалистическая философия, признающая равноценность, равнонеобходимость двух слагаемых бытия – материи и духа, с неизбежностью признает равную необходимость и двух основных подходов к познанию – научного (обращенного к материи) и вненаучного (обращенного к духу). И я в этой работе ссылаюсь не только на науку и философию, но и на искусство, религию, обыденный опыт.

То есть, по сути дела, реалистическая философия, это и есть почти филалифия. А в чем тогда разница? Чего еще не хватает в реалистической философии, чтобы стать филалифией? Не хватает нового языка, выработка которого займет довольно много времени у будущих поколений. Он в чем-то будет напоминать язык античных мудрецов, которые стихийно все это соединяли, но, естественно, на гораздо более высоком уровне.

Помню, как-то у меня в квартире было заседание ведущих философов Санкт-Петербурга. Обсуждалась новая совместная книга. И я предложил присутствующим: Давайте писать, как

Аристотель. Если что-то знаем, писать – знаю, если сомневаемся, указывать что сомневаемся, если же чего-то не знаем, так и указывать – не знаем. То есть, писать раскованно, доверительно. Ко мне подошел Моисей Соломонович Каган, известный российский культуролог, и, полуобняв, сказал, что у нас это не получится, мы такого никогда не делали. Но если мы хотим наиболее полную истину, придется привыкать к правдивому и красивому языку.

Филологи утверждают, что английский язык, в силу своей большей точности, однозначности, более подходит для науки, чем русский. Возможно, что это так; ведь не случайно в англоязычных странах более всего лауреатов Нобелевской премии. Но русский язык превосходит все остальные языки по богатству своих оттенков, по многоцветью, по роскошной языковой палитре. Не случайно, что филиалифия зарождается именно в России. Для овладения филиалифией исследователю потребуется точность науки, красота искусства, глубина философии, возвышенность религии и вера в здравый смысл. Это потребует любви и уважения ко всем пяти сестрам, что будет означать пропущенность всех знаний через свою душу.

Формальное выхватывание всех пяти видов познания ничего не даст. Это должен быть органический, живой процесс, выработанный ценою всей жизни. Но зато и результаты будут гениальные или близко к этому.

Глава 9. Методология научного познания.

9.1. Метод и методологии.

Методология познания напрямую зависит от того, какого мировоззрения, какой философской школы придерживается тот или иной ученый. Если это материалист, то в основе у него четкие рационалистические построения, примат логики. Если идеалист, то упор делается на измененном состоянии сознания, вдохновении, любви, восторге, творчестве. Для реалистической философии вопрос первичности – вторичности является надуманным (по аналогии: курица – яйцо), поскольку ни материя без духа, ни дух без материи никогда не существуют и существовать не могут. Участь философа-реалиста незавидна: материалист обвиняет его в идеализме, а идеалист – в материализме. И те, и другие ставят в вину реалистам отсутствие последовательности, четкой позиции. Наверное, поэтому реалистов так мало, хотя они и существуют во все

времени. С ними не считаются, о них даже не принято говорить в учебных пособиях, что они были.

Тем не менее, поскольку наше время по существу синтетическое (время разбрасывать камни прошло – настало время собирать их), постольку идеи реализма находят все больше сторонников, что проявилось в написании первых учебников для студентов и аспирантов с позиции философского реализма. В этих учебниках не только обстоятельно рассмотрена рациональная компонента познания (обращенная к материи), но и иррациональная (искусство, религия, вообще творчество), обращенные к духу. Кант, будучи сторонником реалистической философии, постоянно подчеркивал недостаточность чисто рационального познания. Без чувств, без любви, вдохновения нет подлинного творчества, невозможно открытие.

Метод (от греч. глагола *metienai* – преследовать, идти пешком). Вначале он понимался как образ охотника, идущего за зверем, или преследование преступника, затем, начиная с Платона, – *метод понимается как обозначающий путь исследования, ведущий к истине, совокупность логических приемов достижения знания*. Приращение нового знания возможно как логически путем (с помощью метода), так и эмпирически, через опыт, эксперимент, но при его организации, т. е. использовании соответствующей методики. Поэтому метод как общая стратегическая линия исследования, и методики как тактические разработки, выполняющие частные задачи на этом пути, лежат в основе приращения всего научного знания. *Методология (учение о методе) – наука о путях и средствах рационализации научной деятельности, приращения нового знания*.

Платон не только ввел научное понимание термина «метод», но и разработал два основных, по его мнению, метода познания: диалектику и анамнезис. Диалектика при этом понималась как искусство спора, как поиск истины при столкновении разных и противоположных суждений. Как умение правильно ставить вопросы и правильно на них отвечать. Как умение разделять понятие на более мелкие составные части. Метод анамнезии означает мистическую способность припоминания того истинного знания, какое получила душа в потустороннем мире чистых идей. В средневековой философии продолжается линия Платона, но диалектика здесь, по сути, превращается в схоластику: любое понятие разбивается на более мелкие, те, в свою очередь, на еще более частные; затем ищутся противоположности, и в итоге приходят к выводам, подтверждающим правильность тех или иных положений Библии и отцов церкви.

В Новое время философия из официальной служанки богословия превращается в неофициальную служанку науки. Здесь отмечается, что если науки снабжают философию знанием законов природы, то философия вооружает науки правильными методами познания. Здесь много правды. Все науки изучают мир, но только философия изучает вопрос, как надо его изучать. Только она тщательно рассматривает все преграды, стоящие на пути познания. Только она доказывает невозможность абсолютного знания мира, а, значит, приучает к скромности и уважению к чужому мнению.

Родоначальник философии Нового времени Фр. Бэкон выделяет методы светоносные, свойственные, прежде всего, гуманитарным наукам, и плодоносные – для наук естественных и технических. В противовес Аристотелю, считавшему главным методом познания дедукцию, он разрабатывает индуктивный метод, основанный на опыте и противоречащий схоластике.

Если Бэкон как родоначальник философии эмпиризма основным методом считает индукцию, то его младший современник Р. Декарт как родоначальник философии рационализма в качестве основополагающего видит метод дедукции. Поскольку знание идет не от опыта, а от разума, постольку он обосновывает особую роль интуиции. Бог не злой обманщик, он приходит на помощь к исследователям, источает на них свою благодать, в свете которой и находят правильные решения.

Новое слово в учении о методе сказал Дж. Локк. Это слово – рефлексия. По Локку не все знание выводится из опыта. Частично новое знание мы получаем путем философской рефлексии, размышления над уже полученным знанием. Т. е. знание происходит и от опыта, и от ума.

Важнейший вклад в развитие методологии вносит немецкая классическая философия. Кант в своей критической философии доходит до синтеза эмпиризма и рационализма, показывая односторонность и в то же время дополнительность этих основных методологических установок. Гегель, глубоко исследуя метод, вскрыл его двойственную – объективно-субъективную природу, и он же дал философии ее два собственных диалектических метода познания.

Новый этап в развитии методологии наступил в середине XX века, когда методология выделилась из философии и обрела самостоятельность. Было установлено, что современная наука не испытывает недостатков в фактах, но испытывает недостатки в понимании, интерпретации этих фактов, нахождения гармонического единства между ними, приведения их в стройную логическую систему. Иными словами, было установлено, что методологическая составляющая науки сейчас выступает как

наиважнейшая. И, наконец, в 80-х годах прошлого столетия на смену общим рассуждениям о методологии приходит анализ методологии конкретных наук. В 1985 году публикуется «Методология химии» (авторы: А. А. Макареня, В. Л. Обухов), после которой лавиной пошли и другие публикации: по методологии математики, методологии физики, методологии астрономии и т. п.

Постскриптум.

В 1985 году мы с профессором химии Александром Александровичем Макареней написали книгу «Методология химии» и сдали ее в издательство Просвещение. Книга прошла редактирование и уже была готова к сдаче в типографию, когда нам позвонили и сказали, что один товарищ из ЦК заявил, что такой науки нет и велел приостановить издание. Мы едем в Москву, чтобы разобраться с конфликтом. Просим в редакции телефон товарища из ЦК, которому хотели бы объяснить, что он прав, что такой науки действительно до сих пор не было, но мы ее «родили». Нам отвечают, что телефоны товарищей из ЦК они не имеют право никому давать, поэтому подсказали, к кому можно обратиться в горлите (цензуре). Мы пошли по указанному адресу, постучались и зашли в кабинет. В кабинете сидит товарищ, которого не видно за развернутой газетой Правды. Мы хотим объяснить, какая проблемы привела нас к нему, но он грубо прерывает – Я вас вызывал? Мы снова пытаемся объяснить ситуацию, и опять тот же вопрос. Когда он третий раз, так и не отложив газету, задал тот же вопрос, мы поняли, что дело гиблое, повернулись и ушли.

Книгу надо спасать. Что делать? Мы предлагаем редактору новое название: «Система химии и методика преподавания химии». Она в восторге – Сразу бы так. Обещает завтра сдать книгу в печать и на всякий случай дает нам телефон типографии. Проходит 2–3 дня, мы звоним в типографию и интересуемся, как дела. Нам отвечают, что весь тираж уже набран, завтра приступают к печати обложки. – Ой, как хорошо! Мы придумали более короткое название книги, запишите его, пожалуйста. – Нет проблем, хорошо. И книга выходит с нашим первоначальным названием. Но самое интересное было через год. Я снова в командировке в Москве. Иду по улице, и вдруг навстречу мне идет наша редактор. Не просто идет, а подбегает и обнимает. Вы представляете, что вы сделали? Оказывается, ваша книга была первой с таким названием, потом лавиной пошли: методология физики, методология астрономии, методология математики. Я даже большую премию получила как зачинатель новой серии. Невольно подумалось, а почему нам не дали, ведь мы тоже причастны к этой

книге. Но радость перевешивала. Не часто приходится быть зачинателем. Хотя, ой как трудно это дается.

9.2. Гегель о двойственной природе метода.

Известно, что кратчайший путь познания явления — обращение к его истокам, вскрытие тайны его происхождения. Поскольку общепризнанным отцом диалектического метода познания является Г. Гегель, постольку обращение к его теории метода с уровня современного состояния науки в высшей степени полезно. Тем более что все последующие методологические исследования носят прежде всего описательный характер, затрагивают по преимуществу область явлений и не могут сравниться с гегелевской глубиной проникновения в сущность диалектического метода.

Важнейшей особенностью метода является двойственная, объектно-субъектная природа его. Гегель, видимо, был первым, кто разгадал природу научного метода. Метод — продукт логического мышления, и как таковой он должен соответствовать специфическим законам движения теоретического познания. Но, чтобы давать объективное знание, он должен согласовываться и с содержанием предмета познания. Действительно, метод выступает как двуликий Янус, повернутый одним лицом к объекту познания, а другим — к субъекту. В природе методов нет. Как уже отмечалось выше, методы — это разработанные человеком логические приемы правильного познания. Будучи принадлежностью логического мышления, метод и имеет природу мышления. Вместе с тем метод — это ключ к тайнам природы, и как таковой он должен подходить к двери, открывающей эту тайну, т. е. быть адекватным природе объекта познания. Всякая аналогия условна, но она позволяет сразу схватить суть. Когда человек забивает гвоздь, то предметом его работы является именно этот гвоздь, а инструментом — молоток. Никто не забивает гвоздь гвоздем: предмет и инструмент не могут быть тождественными. Но между ними должно быть соответствие. В частности, железные гвозди забивают железным молотком, а деревянные — деревянным. И у гвоздя, и у молотка поверхности соприкосновения равно плоские. В то же время молоток должен быть удобен, т. е. его деревянная ручка должна быть соразмерной сжатой кисти человека.

Часто в гегелевской теории метода берется лишь одна сторона — тождественность метода содержанию предмета изучения. Другая же, не менее важная, сторона — тождественность метода природе мышления в силу принадлежности его диалектике познания,

субъективной диалектике — зачастую опускается. Отсюда и вытекает очень распространенное заблуждение, что диалектика и есть метод, между тем как элементы диалектики не есть, а могут быть методом, если они обретут форму, учитывающую специфику движения познания.

Постскриптум. В марксистской философии утверждается, что диалектика и есть метод. На самом деле метод имеет двойственную, объективно-субъективную природу, учитывающую специфику как познания, так и предмета познания. Когда я с помощью Гегеля сделал это открытие, мой руководитель покачал головой и сказал, что от моей кандидатской диссертации выиграет только Гегель. Я ему возразил, что и марксизм тоже, потому что, научившись правильно понимать философию Гегеля, он станет выше, лучше, значительнее. Каким я был наивным... За 55 лет служения философии, ни одна моя идея не была признана марксизмом. Только работая над этой книгой, я окончательно понял то, о чем раньше смутно догадывался.

Марксистско-ленинская философия не философия вовсе, а идеологическое обоснование партократии. Партократии не нужно было лучшее усвоение мира, а нужно было крепко держаться у власти. К каким трюкам прибегали идеологи марксизма, создавая марксистско-ленинскую философию? Во-первых, из учения классиков марксизма-ленинизма был выброшен диалектический нерв, из-за чего оно превратилось в чисто метафизическую философию (клянущуюся в верности диалектике). Во-вторых, оно было догматизировано, фактически превратившись в Священное Писание. И, подобно тому, как в Средние века разрешалось только комментаторство и интерпретация Библии и книг отцов церкви, так и при социализме разрешалось только комментаторство и интерпретация марксистско-ленинской философии. Как опрIMITивленное и догматизированное учение служило обоснованию безграничной власти большевиков? Какие использовались уловки? Ведущая роль рабочего класса была подменена ведущей ролью авангарда рабочего класса — партии большевиков. Ведущая роль партии большевиков была подменена ведущей ролью руководителя (вождя) этой партии. Диктатура рабочего класса была подменена диктатурой вождя и созданием репрессивного аппарата, непосредственно подчиняющегося вождю партии. Еще в 1991 году в книге «Философские основания кризиса социалистических идей» я писал, что сталиных не бывает без бериев. Для утверждения культа обязательно необходимо два условия: мощный партаппарат из людей с повышенным окладом,

зорко следящими за чистотой марксистско-ленинского учения, чтобы никому в голову не приходило вносить туда какие-либо новации (партком, райком, горком, обком, ЦК КПСС), и мощнейший репрессивный аппарат (НКВД, ГПУ, МГБ).

Де Голь, кажется, был единственным известным политиком, кто разгадал значение марксизма для возвышения Сталина: «Революция, партия, государство, война являлись для него (Сталина) причинами и средствами, чтобы властвовать. Он возвысился, используя в сущности уловки марксистского толкования, тоталитарную суровость, делая ставку на дерзость и нечеловеческое коварство, подчиняя одних и ликвидируя других»...

Вот почему все студенты страны обязаны были изучать марксистско-ленинскую философию, как и все, мечтавшие сделать карьеру, должны были изучать ее в университетах марксизма-ленинизма. И вот почему все новации, которые предлагались настоящими философами, отсекались – в Священном Писании новации недопустимы.

9.3. Методы диалектики.

В философии, как известно, диалектический метод впервые был разработан Гегелем, до которого она вынуждена была пользоваться «чужими» методами: математики, логики, естествознания. Собственно, именно учение о методе является главным и наиболее ценным в философии Гегеля. При всей своей самодисциплине и скромности Гегель многократно – и в самых гордых выражениях – отмечал эту свою заслугу, когда, например, утверждал, что философия может быть объективной доказательной наукой только на основе разработанного им метода. Абсолютный, или диалектический метод познания Гегель характеризовал как движение мышления по формуле отрицания отрицания. Что понимал философ под отрицанием отрицания?

1. Развитие идеи осуществляется через отрицание. Любое понятие обременено собственным отрицанием, которое вызывает переход этого понятия в противоположное.

2. Само отрицание, или понятие, противоположное первому, отрицается новой, синтезирующей категорией, которая также оказывается противоречивой и содержит в себе свое отрицание.

3. Синтезирующая категория, или отрицание отрицания, являясь высшей ступенью развития данного цикла понятий, вместе с тем означает возвращение к начальному пункту движения. Понятие возвращается уплотненным, неся с собой положительное содержание второго момента развития – отрицательного.

Следует отметить содержательные, при всем формализме Гегеля, моменты раскрытия понятия «отрицание». Первое отрицание, в ходе которого исходная целостность изучаемого явления подвергается анализу, вскрывает противоречивость. Исследователь не просто обнаруживает различные и противоположные стороны, но заостряет их, доводит до крайности, и понятия так противоположности становятся подвижными по отношению друг к другу, вскрывают источник самодвижения и развития. В отличие от первого отрицания, обнаруживающего противоречивость исследуемого явления, второе доходит до осознания единства противоположных моментов, т. е. снимает противоречивость.

Для Гегеля движение мышления по схеме отрицания отрицания является единственно правильным и составляет суть его диалектического метода. Поскольку на первом этапе этого движения происходит отрицание исходной целостности предмета познания и вычленение крайних моментов, постольку метод абсолютного познания аналитичен. Но этот метод также синтетичен, так как диалектическое познание в отличие от метафизического не ограничивается изолированным рассмотрением противоположных сторон, но доходит до осознания их единства: на смену аналитическому приходит синтетическое отрицание, воссоздающее в мышлении целостность объекта познания. Аналитическое отрицание Гегель называл также абстрактным, ибо в ходе его конкретная целостность объекта познания раздваивается и вычлененные противоположные его моменты (тезис и антитезис), будучи взяты отдельно, выступают как абстрактные и односторонние. Таким образом, первое отрицание соответствует движению познания от исходного конкретного к абстрактному. Второе отрицание, или отрицание отрицания, являясь конкретным (так его результат есть единичное, конкретное, субъект), соответствует движению познания от абстрактного к новому конкретному как совокупности абстрактных определений¹⁷. В таком понимании способ отрицания отрицания действительно совпадает с диалектическим методом, так как его составляют особым образом связанные анализ и синтез, абстрактное и конкретное. Движение от анализа, в ходе которого первичная целостность предмета расчленяется в мышлении на крайние моменты, к синтезу, воссоздающему в мышлении целостность, реально присущую предметам исследования, проявляется в

---

¹⁷Гегель. Наука логики. Т. 3. М., 1972. С. 295—303.

восхождении от абстрактного к конкретному. Широко распространенное определение диалектики как науки о развитии и всеобщей связи, на наш взгляд, менее корректно, поскольку всеобщность развития весьма проблематична. Гегелевское же определение диалектики как учения о единстве противоположностей, во-первых, характеризуется всеобщностью, во-вторых, обращено к сути явлений.

Чем вызвана необходимость триадической формы движения познания? Ответ на этот вопрос также можно найти у Гегеля, который считал, что материал — противоположные определения в пределах одного соотношения — уже положен и наличествует для мышления. Это означает, что мышление лишь вскрывает объективные противоречия и процесс этот происходит по схеме отрицания отрицания. Мысль об органической связи единства противоположностей и отрицания отрицания постоянно прослеживается в «Науке логики» Гегеля. Характеризуя свой метод как форму внутреннего самодвижения содержания логики согласно отрицанию отрицания, Гегель писал: «Я, разумеется, не могу полагать, что метод, которому я следовал в своей системе логики или, вернее, которому следовала в самой себе эта система, не допускает еще значительного усовершенствования, многочисленных усовершенствований в частностях, но в то же время я знаю, что он единственно истинный. Это само по себе явствует уже из того, что он не есть нечто отличное от своего предмета и содержания, ибо именно содержание внутри себя, диалектика, которую он имеет в самом себе, движет вперед это содержание. Ясно, что нельзя считать научными какие-либо способы изложения, если они не следуют движению этого метода и не соответствуют его простому ритму, ибо движение этого метода есть движение самой сути дела»¹⁸. Именно противоречивая природа предмета исследования предопределяет сложный путь познания его: от одной противоположности объекта исследования — к другой и только затем — к их единству.

Действие отрицания отрицания в познании, обусловленное противоречивой природой реальных предметов, определяется также спецификой самого мышления, отличием движения мышления от движения природы. Именно восхождение познания от чувственного опыта к логическому мышлению и от него — к их единству в опосредованной практикой теории познания,

---

¹⁸Он же. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 108.

составляющее суть диалектики познания, и есть наиболее наглядное выражение ее специфики. Вкратце сущность отрицания отрицания как гносеологической формы движения и разрешения противоречия может быть выражена так: Познать явление — значит познать сначала одну сторону противоречия (тезис), затем другую, противоположную (антитезис) и, наконец, их единство (синтез). Разумеется, для нас трихотомия есть не мистическое порождение понятием самого себя, а наиболее адекватная форма выражения в мышлении противоречивости самого мира.

Обычно Гегелю приписывается термин «триада», хотя он им и не пользовался. Термин «триада», означающий родительный падеж от слова «троица», восходит к Пифагору и Аристотелю. Он имеет длительную историю употребления, вплоть до Канта. Гегель же использовал более корректный термин «трихотомия», означающий логическую операцию деления объема понятия на три составляющие. Мы также полагаем, что для характеристики общей формы логики научного познания применение логического термина «трихотомия» более оправдано, чем применение теологического термина «триада».

Данную форму познания, которая является диалектическим методом достижения истины и, следовательно, также способом построения научной системы, Гегель ограничивал сферой мышления. Он справедливо отмечал, что логическая операция разделения должна охватывать весь объем предмета и, чтобы быть естественной, а не искусственной, исходить из природы подлежащего делению предмета. И если в зоологии при делении млекопитающих за основание приняты зубы и копыта, поскольку сами млекопитающие отличаются друг от друга именно этими частями тела, то в сфере духа преобладает трихотомия¹⁹. Но многие ученые распространили закономерность, присущую движению мышления, на движение самой объективной реальности. В частности, Ф. Энгельс, исходя из посылки о вторичности, производности законов познания от законов внешнего мира, сделал неверное заключение, что законы природы и духа одинаковые, одни и те же. В действительности же законы природы и духа находятся между собой в отношении диалектического соответствия, предполагающего как единство, так и различие между ними.

В чем состоит тождество и различие рассматриваемых онтологической (единство и борьба противоположностей) и

---

¹⁹Он же. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 1. М., 1974—1977. С.413—414.

гносеологической (отрицание отрицания) форм движения противоречия? Тождественно их содержание, основные элементы, их составляющие: противоположные стороны и их единство в объективной действительности соответствуют тезису, антитезису и синтезу отрицания отрицания. Различие — в способе связи этих элементов. Если основные элементы противоречия действительности образуют нерасторжимую целостность (один момент не существует без других, отрицание одного момента означает отрицание, гибель всего явления в целом), то в познании основные компоненты рассматриваются отдельно и связь между ними осуществляется через первое (аналитическое, абстрактное) и второе (синтетическое, конкретное) отрицания. Именно особая природа отрицаний и их особая последовательность, связь — то новое, что определяется спецификой мышления.

Здесь можно привести такой пример. В учении о свете сначала господствовала корпускулярная его теория, затем волновая и только после этого — корпускулярно-волновая. Не свет из корпускулярного превращается в волновой, а учение, которое может схватить его противоречивую природу, только обратив внимание вначале на одну сторону противоречия, затем — на другую и лишь потом — на единство противоположных моментов. Таким образом, сущность гегелевского отрицания отрицания состоит в том, что оно есть специфическая и в то же время наиболее адекватная форма отражения в познании объективного противоречия, следовательно, общий путь достижения истины.

Отрицание отрицания Гегель называл абсолютным методом познания. В методологической литературе господствует точка зрения, что абсолютного метода не существует. Если под абсолютным понимать метод, который заменяет собой все другие, то такого метода действительно нет. Абсолютный метод есть метод, всеобщую форму которого принимают все методы, если применение их доводится диалектически до конца. Мы не настаиваем на прилагательном «абсолютный», как не настаивал и Гегель, называя этот метод и единственно истинным, и диалектическим. Можно дать название «всеобщий». Все названия верны, суть не меняется. Отрицание отрицания — это собственно диалектический метод, что обуславливает его универсальность, всеобщность по отношению ко всем другим методам, заимствованным философией из конкретных наук. Именно в силу абсолютности объективного противоречия, абсолютной формой его познания и является абсолютный метод. В процессе движения научного познания от живого созерцания к теории происходит смена одного научного метода другим, их синтез

и снятие друг в друге. Этот переход называется обращением (оборачиванием) метода. Как бы ни был хорош отдельно взятый метод, в ходе научного исследования возникает необходимость перейти к использованию противоположного (и потому столь же одностороннего) метода. Например, метод индукции обращается в метод дедукции. Это оборачивание метода, означающее их взаимодополнительность, «снятие» одной противоположности другой, осуществляется путем отрицания отрицания, что действительно для любой науки. Именно потому, что отрицание отрицания является общей формулой движения всех конкретных методов, определение его как абсолютного (в значении «всеобщий», «диалектический») является обоснованным.

Высоко оценивая гегелевский диалектический метод, считая его несомненным открытием, сутью его логики, классики марксизма тем не менее дали ему другое название: не отрицание отрицания, а восхождение от абстрактного к конкретному. Почему появилась необходимость в новом названии? В чем состоит единство и различие гегелевского метода отрицания отрицания и марксова метода восхождения от абстрактного к конкретному?

Критикуя ошибку Гегеля, отождествлявшего прием познания объекта с движением самого этого объекта, Маркс заявил, что «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь тот способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного. Восхождение от абстрактного к конкретному характеризует движение, но не реального предмета, который всегда есть конкретная живая целостность, а «мыслящей головы», осваивающей для себя эту целостность единственно возможным для нее способом»²⁰.

Отметив, что его метод противоположен методу Гегеля по основанию (материалистический, а не идеалистический), Маркс в то же время согласился с основными признаками, содержанием гегелевского метода. Первый этап метода начинается с восприятия живого целого и заканчивается тем, что «путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения». Как только эти отдельные моменты абстрагированы и зафиксированы, начинается второй этап, связанный с возникновением экономических систем и проявляющийся в восхождении от простейшего — абстрактных отношений — к конкретному, которое

---

²⁰Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 37—38,44.

«потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразия...

На первом пути полное представление подверглось испарению путем превращения его в абстрактные определения, на втором пути абстрактные определения ведут к воспроизведению конкретного посредством мышления». Как видим, основные характеристики метода Гегеля сохраняются, получая материалистическое истолкование в теории метода Маркса, за исключением одного: вместо гегелевских аналитического и синтетического отрицаний у Маркса аналитический и синтетический пути. Это должно показать, что переход от анализа к синтезу не есть мгновенный акт, совершаемый по вдохновению или произволу исследователя, а многотрудный процесс, длящийся иногда столетиями. Не случайно Маркс использовал для обозначения диалектического метода альпинистский термин «восхождение», и успех в науке от ставил в зависимость от способности карабкаться по ее каменистым тропам.

Хотя Гегель и полагал, что в науке как таковой может быть лишь один метод, в действительности же он дал философии два ее собственных метода: метод восхождения от абстрактного к конкретному, в основе которого лежит механизм отрицания отрицания, и метод единства исторического и логического. Второй метод имеет такую же двойственную, объективно-субъективную природу, как и первый. Двойственная природа метода выражена уже в его названии, где «историческое» обращено прежде всего к объекту познания, ко всему бесконечному многообразию его функционирования и изменения, а «логическое» — к субъекту, отражающему историю объекта в удобной для себя, логической форме.

Между историческим и логическим существуют сложные отношения единства и различия. Единство их состоит не только в том, что логическое отражает историческое, но также и в том, что историческое имеет в себе определенную логику развертывания и развития, а логическое исторично. Различие же их в том, что логическое лишь с известной долей приближения отражает историческое. Необъятную историю адекватно отразить не в силах никакие самые сложные логические структуры.

Точка зрения тождества исторического и логического не учитывает того простого факта, что историческое всегда отражается, воспроизводится исследователем сообразно его умственным способностям и мировоззренческим ориентирам, следовательно, в известном смысле субъективно, односторонне. Когда-то Н. Г. Чернышевский справедливо заметил, что каждая политическая

партия в истории видит подтверждение правоты своих идей. То есть в истории не одна, а множество логик, а это значит, что она не только логична, но и алогична, не только рациональна, но и иррациональна. Блестящее подтверждение этому мы видим сегодня, когда на наших глазах переписывается новейшая история Отечества и то, что совсем недавно осознавалось как белое, зачастую трактуется как черное, и наоборот. И самое интересное, что находится достаточное количество фактов, подтверждающих как новую, так и старую интерпретацию. Подчеркивая различие исторического и логического (первое необъятно, второе ограничено, первое многосторонне, второе, как правило, односторонне, первое объективно, второе субъективно...), мы не ставим цель противопоставить две неотъемлемые стороны диалектического метода. Наоборот, выявление различия этих сторон — неперемное условие снятия этих различий, достижения максимально возможного тождества между ними. Ведь чем более непредвзята позиция ученого, чем больше фактов, тенденций принимается им во внимание, тем больше логическое будет соответствовать историческому, хотя, разумеется, абсолютного совпадения никогда не будет. Рассматриваемые нами два диалектических метода — метод восхождения от абстрактного к конкретному, в основе которого лежит механизм отрицания отрицания, и метод единства исторического и логического — едины, так как обусловлены противоречивой природой объектов. Но если отрицание отрицания дает знание структуры противоречия, то единство исторического и логического показывает основные ступени, этапы его развития. Итак, метод восхождения от абстрактного к конкретному главенствует при системном подходе, а метод единства исторического и логического — при историческом; всестороннее рассмотрение требует привлечения обоих методов.

Постскриптум.

Из-за того, что я поверил Гегелю и в двух диссертациях обосновал его правоту, я понес наибольшие наказания от людей, преданных догматическому марксизму: меня хотели не допустить к защите диссертации, меня выгнали с работы, меня прославили на всю страну в журнале Вопросы философии, обвинив в мистицизме и в отходе от марксизма. Но я все равно рад, что смог прочесть и понять гегелевское отрицание отрицания, поскольку оно действительно много объясняет. Приведу примеры. Как уже отмечалось, отрицание отрицания, являясь абсолютным методом познания, в силу этого действует только в познании, но не может быть экстраполировано на объективную реальность, что подробно

будет доказано в следующем параграфе. Но, поскольку человек часто действует в соответствии со своим познанием, постольку в развитии общества мы можем наблюдать действие отрицания отрицания, когда люди от одной крайности шарахаются в другую, не всегда достигая плодотворного синтеза.

При социализме нам говорили, что плановая экономика – панацея от всех бед. Она не знает кризиса перепроизводства, она не знает безработицы, она постоянно показывает устойчивое развитие. Это был тезис. Затем, с перестройкой, нам доказывали Гайдар и Чубайс, что плановая экономика – тупиковая, и только рынок сделает всех богатыми и счастливыми. Это был антитезис. Затем Примаков во время своего премьерства сказал, да, рынок, но государственно регулируемый. Это был плодотворный синтез, и этот синтез заимствован сегодня. Еще блистательнее синтез рынка и плана осуществили китайцы, что позволило им за три десятилетия по некоторым важнейшим показателям обогнать Америку. Мы должны были быть на их месте, если бы не были так догматичны.

При социализме нам говорили, что неверующий человек – умный, а верующий – не очень. Это был тезис. Как он доказывался? Среди женщин верующих в два раза больше, чем среди мужчин. Среди сельских жителей в два раза больше, чем среди городских. Среди старых людей верующих в два раза больше, чем среди молодых. Получается, что больше всего верующих среди сельских старушек. Что с них взять. Затем с перестройкой наступил антитезис. Верующие люди – это духовно богатые, надежные люди. Неверующие – подозрительные, не знаешь, что от них ожидать. Вся правящая элита, словно по мановению волшебной палочки, стала верующей и пошла в храм, а кандидаты в депутаты стали заручаться благословением священнослужителей, чтобы иметь лишние голоса на выборах. Я глубоко верю в гегелевское отрицание отрицания и твердо знаю, что скоро придет время, когда будут говорить: Никому нет никакого дела, верующий я или нет, это дело моей личной совести.

Все в познании подчиняется отрицанию отрицания, в том числе и развитие философии. Когда философам надоест бросаться из крайности в крайность, они неминуемо придут к философии реализма, поскольку только она, будучи синтезирующей, дает объективное, целостное знание о мире в целом и всех его фрагментах.

9.4. О недопустимости экстраполяции метода познания на природу

Предложенная выше интерпретация диалектического метода может быть принята только тогда, когда удастся опровергнуть вечные, существующие еще со времен античной философии²¹ попытки распространить триадическую форму движения не только на познание, но и на объективную реальность. До сих пор ссылки на примеры служат аргументами доказательства всеобщности отрицания отрицания, между тем как давно известно, что примерами не доказывают. Принципиальная возможность (или невозможность) действия классической формы отрицания отрицания в природе может быть доказана только путем сравнения основных характеристик отрицания отрицания с основными же характеристиками наиболее существенных, а не произвольно взятых принципов прогрессивной эволюции.

Насколько нам известно, задача эта в науке никем еще не выполнялась. Согласно сформулированному Л. Долло общебиологическому закону необратимости эволюционного процесса, организм не может вернуться, даже частично, к предыдущему состоянию, которое уже было осуществлено в ряду его предков. Закон необратимости хода развития характеризует не только морфологические признаки. Так, по К. М. Завадскому, средняя выживаемость выступает важнейшим показателем прогресса в живой природе и в ходе эволюции от простейших до высших животных наблюдается возрастание процента выживаемости: если у бактерий и простейших средняя выживаемость ничтожно мала (на миллион выживает одна особь), то у млекопитающих и птиц она доходит до 30 % (выживает одна из 3–4 родившихся). И. И. Шмальгаузен отмечает такую сторону эволюции, как все большее освобождение организма из-под власти случайных явлений во внешней среде. Важнейшим показателем уровня развития является степень прогрессивного усложнения организма. Помимо названных, Шмальгаузен приводит и такие закономерности прогрессивной эволюции, как повышение темпов жизни, захват новых пищевых материалов. Говоря о направлении эволюционного процесса, В. И. Вернадский отмечает: «Раз

---

²¹ Аристотель. Соч. В 4 т. Т. 3. М., 1976-1983. С. 265,520.

достигнутый уровень мозга (центральной нервной системы) в достигнутой эволюции не идет уже вспять, только вперед»²².

Л. А. Орбели, анализируя эволюцию взаимоотношений различных тканей с иннервирующей их нервной системой, устанавливает, что процесс постепенного совершенствования мышечной ткани и ее нервного прибора можно наблюдать и в истории развития каждого отдельного индивидуума, и в процессе эволюции всего вида, и в ходе развития различных видов и образования более или менее совершенных форм организации животных. Это совершенствование заключается в том, что мышечное волокно все больше и больше подчиняется нервной системе и все меньше и меньше становится способным реагировать на химические раздражители, приносимые током крови. В биохимии, как отмечает А. М. Голдовский, все организмы, независимо от степени их эволюционного развития, содержат вещества одних и тех же групп (белки, углеводы, липиды и т. д.). Однако и здесь наблюдается то же необратимое поступательное изменение, характеризующее повышение степени использования, увеличения числа и разнообразия функций, в выполнение которых вовлекаются вещества отдельных групп и определенные ферментные системы, а также возрастание степени биохимической индивидуальности внутри рода.

Справедливость закона Долло подтверждается и на генетическом этапе развития эволюционного учения. Ряд эволюционистов отмечает, что дискуссия о законе Долло была характерна для «догенетического» этапа развития эволюционного учения. Сейчас же совершенно ясно, что «возвращение» к исходному типу было бы практически невероятно. Статистически вероятно повторное возникновение мутаций, но статистически невероятно повторное возникновение ранее исчезнувших генных комплексов, раз утерянных фенотипов. Именно в силу абсолютности закон необратимости Долло может быть назван одним из «законов эволюции»²³.

Таким образом, на всех уровнях развития организма: морфологическом, физиологическом, биохимическом, генетическом, — на стадии филогенеза и онтогенеза, а также в развитии отношений организма со средой вскрыты закономерности, свидетельствующие о необратимости этих процессов. Тем не менее,

---

²²Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Кузнецов М. А., Вернадский В. И. О ноосфере. М., 1989. С. 41.

²³Тимофеев-Ресовский Н. В., Воронцов Н. Н., Яблоков А. В. Краткий очерк теории эволюции. М., 1969. С.237.

сформулированный в 1893 г. Долло закон необратимости эволюционного процесса в настоящее время не воспринимается уже в своей первоначально категорической форме, поскольку при общей необратимости, векторности эволюционного процесса можно говорить и об определенной его обратимости. Обратимы модификации, т. е. ненаследственные изменения организма, вызванные определенными факторами внешней среды. Причем более обратимыми являются морфофизиологические реакции, менее — морфогенетические. Именно в обратимости заключается ценность модификаций, вне ее не было бы и самого индивидуального приспособления. Обратимы и мутации, т. е. наследственные изменения нормы реакции. Поскольку процесс мутирования означает переход в более устойчивое состояние, обратный переход, как правило, совершается реже.

Шмальгаузен даже устанавливает связь между возрастанием активности и ускорением обратимости в процессе эволюции, поскольку наиболее быстрые и легко обратимые адаптации ставят организм в наиболее выгодное положение в борьбе за существование в быстро меняющихся условиях сложных биогенетических отношений. Так как об эволюции можно говорить лишь на уровне популяции, обратимость, изменчивость вообще, свойственная отдельным особям, является не выражением развития, а лишь «сырым материалом» для него.

А можно ли говорить об определенной обратимости процесса эволюции? Феномен появления у взрослых особей признаков предков академик Л. С. Берг назвал филогенетическим атавизмом. Если атавизмы (например, трехпалость у лошади, лишние сосцы у женщины) не редкость в индивидуальной жизни, правомочно предположить их и в жизни вида или рода. Обратимость процесса развития в жизни особи обнаруживается прежде всего в проявлении примитивных признаков в старости («впадение в детство»), когда аммониты, например, строят более простые перегородки. Обратимость эволюции в филогенезе иллюстрирует такой пример. Когда в анциловое время Балтийское море превратилось в пресное озеро, четырехрогий бычок лишился бугров на голове. В литориновое время Балтийское море опять осолонилось и бычок вернулся в свое первобытное состояние четырехрогой формы. Но обратимость эволюции есть частное явление, имеющее ограниченную область. Поэтому Берг делает такое заключение: «Общая картина эволюции органического мира ясно показывает,

что в общем закон Долло, несмотря на частные исключения, справедлив»²⁴.

Явление обратимости эволюционного процесса исследовал и Л. А. Орбели: «Давно стоит в биологии вопрос о том: обратим или необратим эволюционный процесс. И правильно приходят к выводу: до тех пор, пока структура не разрушена, эволюционный процесс обратим. Если орган исчез, тогда, конечно, эволюционный процесс становится необратимым и возврат к ранним формам функционирования, если он оказывается необходимым, осуществляется за счет формирования какого-нибудь нового органа и создания новых аппаратов. Но если в эволюционном процессе какой-нибудь орган потерял какую-нибудь функцию, но сам сохранился, он эту функцию может в известных условиях восстановить: всякая перерезка нерва, сопровождающаяся его дегенерацией, ведет не только к параличу мышцы, железы и другого органа, связанного с этим нервом, подчиненного этому нерву, но представляет собой процесс возврата мышечной ткани, как и других тканей, к более ранним формам существования, возврата на ранние этапы эволюционного развития. Если вы производите сшивание нерва, то регенерация нерва ведет к тому, что мышца вновь поднимается на тот уровень, с которого вы ее низвели»²⁵.

Из приведенных положений можно сделать следующие выводы: — эволюционный процесс в биологии обратим. Обратимость эта имеет форму закономерности, так как при определенных обстоятельствах проявляется всегда; — возврат к старому в эволюции животного мира есть не норма, а патология, отклонение от нормы, вызванное атавизмом, деградацией, перерезкой нерва. Возвращение к старому осуществляется не на высшей, а на заведомо низшей основе, именно поэтому Орбели настоятельно рекомендовал добиваться регенерации нерва, поскольку речь идет не только о том, чтобы восстановить функцию какой-нибудь мышечной группы, но также и о том, чтобы эту мышечную группу вернуть к более высокому уровню ее функционирования.

Таким образом основные характеристики отрицания отрицания не только не проявляются в общих принципах эволюции живой природы, но, наоборот, находятся с ними в противоречии: если возврат к основанию — неотъемлемая характеристика отрицания отрицания, то возврат к некоторым старым признакам в процессе эволюции есть частное явление; если отрицание отрицания говорит о возврате на высшей ступени, то в общем развитии природы

---

²⁴Берг Л. С. Труды по теории эволюции. Л., 1977. С. 222.

²⁵Орбели Л. А. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1962. С. 501.

возврат к более ранним отношениям наблюдается обычно при регрессе, деградации и именно благодаря им. И если развитие по формуле отрицания отрицания уподобляется спирали, то эволюционисты либо избегают говорить о конкретной направленности процесса эволюции (Н. В. Тимофеев-Ресовский), либо, утверждая направленность процесса эволюции, никак ее не объясняют (И. И. Шмальгаузен, В. И. Вернадский), либо представляют направление исторического развития организма в виде вектора, а дивергентную эволюцию сравнивают с дельтой реки (М. С. Гиляров).

К чести наиболее выдающихся эволюционистов они никогда не проецировали схему отрицания отрицания на природу — это был удел эпигонов. Академик А. А. Байков, например, прямо сознавался, что в области явлений неорганической природы он этого отрицания отрицания не находит. Находит повторяемость, обратимость явлений, но отрицание отрицания там не встречается²⁶. Итак, исследование рационального в гегелевском абсолютном методе познания, с одной стороны, обогащает современную методологию многими важными положениями, с другой — освобождает действительность от вериг этого метода, нацеливает на исследование реально присущих природе закономерностей, форм и направлений развития.

Постскриптум.

Во время учебы в аспирантуре я целый год потратил на изучение закономерностей биологической эволюции, которые подтвердили, что все они говорят о необратимости эволюционного процесса, поэтому никакого отрицания отрицания в природе нет и быть не может. Эти идеи я защитил в 1975 году, т.е. почти пятьдесят лет назад, и считал, что этим осчастливилу марксистско-ленинскую философию, которая под напором неопровержимых научных доказательств теперь откажется от неверных представлений. Но, увы. Никому правда была не нужна. Вернадский как-то справедливо заметил, что новая идея может быть хрустально ясна и абсолютно убедительна, но она войдет в науку только тогда, когда ее примет научная элита. Философская элита ухватилась мертвой хваткой за мертвую псевдофилософию, и не желала ничего знать. Я к этому отношусь «по-философски», жду, когда философия созреет для принятия этих идей.

В 1983 году меня пригласили в сборник «Диалектика отрицания», имеющий подзаголовок: Над чем работают, о чем

---

²⁶См.: Байков А.А. Собр. тр. Т 2. М.; Л., 1948. С. 290—291.

спорят философы. Предполагалось, что в первом разделе сборника каждый автор изложит свою позицию, а во втором – выступит с критикой позиций других авторов. Я послал материал в первый раздел, и он прошел. Но когда я подал материал во второй раздел, где на примерах основных закономерностей биологической эволюции, приведенных выше, показал, что никакого отрицания отрицания в природе нет и быть не может, редакция эти четыре страницы отклонила. Поехал в Москву разбираться. – Почему вы отклонили мой материал? – Потому, что он поставит Вас в привилегированное положение. – А что в этом не так, ведь это дискуссионный сборник, и я имею право отстаивать свою позицию. – Нет, мы не можем принять. Публикуйте этот материал в монографии, в докторской диссертации, но не у нас.

Позже я из достоверных источников узнал, что я стал личным врагом академика Кедрова, редактировавшего этот сборник и мыслящего по шаблону. Именно по его заданию два года спустя в журнале «Вопросы философии» в рецензии на этот сборник мне было посвящено несколько ругательных абзацев. Вот так я «осчастливил» марксистско-ленинскую философию.

Когда я обратился к известному московскому профессору И.С. Нарскому с вопросом, зачем меня приглашали, если моя позиция неприемлема, он ответил – Вас специально пригласили на роль мальчика для битья, чтобы никому не было повадно вносить изменения в марксистско-ленинскую философию.

9.5. Соотношение диалектических и конкретно-научных методов

В науке существует три рода методологии: философская, общенаучная и конкретно-научная и три рода методов, разделяемых по широте их применения в науке: философские, общенаучные и конкретно-научные. Философские (диалектические) методы в силу всеобщности философии применимы к любому конкретному исследованию. Более того, методы конкретных наук, выстроенные логически правильно, воспроизводят структуру диалектического метода. И это еще раз подтверждает, что именно методология и логика являются связующим звеном между философией и естествознанием. Во взаимоотношениях философского и конкретно-научных методов, видимо, можно выделить две основные линии.

Во-первых, диалектический метод является общей стратегической линией применения конкретно-научных методов. Во-вторых, по мере диалектизации конкретной науки, когда на стадии зрелости к ней приходит свой собственный, имманентный

внутреннему содержанию фундаментальный метод, последний обнаруживает явное сходство с диалектическим методом. Здесь встает вопрос: как совместить положение о необходимости наличия в каждой науке своего собственного, соответствующего ее внутреннему содержанию метода с тем фактом, что методов меньше, чем наук? Практика развития научного знания дает следующие три ответа на поставленный вопрос: во-первых, хотя все науки пользуются богатым арсеналом общих методов, но в разных науках разные методы из этого арсенала выступают как главенствующие; во-вторых, общие методы в отдельных науках обретают, с учетом их содержания, специфическую окраску; в-третьих, науки используют интегративный «ансамблевый» метод, образованный сочетанием простых методов, учитывающих специфику предмета данной науки.

Пример первого решения вопроса дает химия. В известном смысле Менделеев сделал в химии то же самое, что Гегель в философии: он не только систематизировал основной известный в то время материал химии, но и дал ей собственный метод, который был назван сравнительным. Аналогия может быть распространена дальше. Метод единства анализа и синтеза был известен в науке изначально, его использовал еще Аристотель. Но если в конкретном научном исследовании это один из заурядных, второстепенных методов, что отмечается и современными методологами, то в философии метод перехода от анализа к синтезу, сопровождаемый восхождением от абстрактного к конкретному, является основной формой отражения диалектического противоречия как сути диалектики. То же самое можно сказать и о сравнительном методе. Не Менделеев его открыл. Сравнительным методом пользуются все науки, особенно на стадии первоначального накопления материала. В химии же он приобретает совершенно особое значение, вызванное спецификой ее как науки. Эта специфика заключается в том, что только в химии мы имеем чистое, почти идеальное соотношение качественной и количественной определенности предмета. Из особой роли закона взаимного перехода количественных и качественных изменений в химии вытекает и особая роль в ней сравнительного метода: будучи подсобным в других науках, в химии он становится ее душой, наиболее богатым и содержательным из всех методов. Выражая философию химии, этот метод поэтому наиболее близок (в его химической интерпретации) философскому методу. Важнейшей стороной сравнительного метода является постоянное улавливание перехода от абстрактного к конкретному, от всеобщего (закон) через особенное (частные законы и правила) к

единичному. Соединение анализа и синтеза в процессе познания — другая важнейшая стороны научного метода Менделеева, который писал по этому поводу: «Надо искать в окружающем те стороны, которые, подчиняясь анализу, способны вести к синтезу»²⁷. Итак, диалектические методы применяются не наряду с конкретно-научными, а в них и через них.

Постскриптум. В философии более всего радикальных изменений я внес в систему диалектики, в методологию научного познания и в философскую антропологию, которую я здесь воспроизвожу практически полностью, как чисто авторскую.

РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Трудный путь к человеку.

Основной вопрос человековедения: «Что такое человек?» И. Кант считал важнейшим вопросом философии. На этом основании историю философии Кант начинал с Сократа, поскольку именно тот впервые четко его поставил. И хотя в системе Канта этот вопрос так и не занял центрального места, сама его постановка в конце XVIII века оказалась в высшей степени продуктивной, обращенной в будущее.

Столетие спустя В. С. Соловьев внес существенные коррективы в данный вопрос, точнее в методологию его разрешения. Нужна философия всеединства, охватывающая реальность во всем ее многообразии: Бога, природу, человека, материальные стороны жизни. Человек, по мнению В. Соловьева, также не может характеризоваться односторонне, ибо он является частью природы. Личность формируется эпохой, средой, идеями. Но этого недостаточно. Человек должен быть понят в единстве всех его определений: космическом, биологическом, социальном и душевном.²⁸

Такая постановка проблемы не получила, однако, соответствующего обоснования в философии самого В. Соловьева и поэтому неизбежно вновь и вновь ставилась на повестку дня. Так, М. Шеллер в 1929 г. справедливо отмечал, что в сознании современного

²⁷ Менделеев Д. И. Собр. соч. В25т. Т. 3. М.; Л., 1937—1954. С. 20.

²⁸ Соловьев В.С. Философские начала цельного знания. Соч. В 2 тт. Т.2.. М., 1990.

образованного европейца сталкиваются три не совместимых друг с другом круга представлений о человеке: иудейско-христианская традиция, связанная с Адамом и Евой, творением, раем и грехопадением; античный круг представлений, ставящий человека в особое положение как «человека разумного»; и круг представлений современного естествознания и генетической психологии, согласно которому человек есть достаточно поздний итог развития Земли, отличающийся от форм, предшествующих ему в живом мире, только степенью сложности. Естественнаучная, философская и теологическая антропологии существуют независимо и друг другом не интересуются, — поэтому нет и единой идеи человека.

– «Специальные науки, занимающиеся человеком и все возрастающие в своем числе, скорее *скрывают* сущность человека, чем *раскрывают* ее. И если принять во внимание, что названные три традиционных круга идей ныне повсюду подорваны..., то можно сказать, что еще никогда в истории человек не становился настолько проблематичным для себя, как в настоящее время».²⁹ (Выделено М. Шеллером). Здесь же М. Шеллер обосновывает необходимость философской антропологии как науки, которая смогла бы дать действительно целостное, всестороннее, т.е. конкретное, истинное знание о человеке.

Философская антропология есть философское учение о человеке: его природе, сущности, свободе, предназначении. Вопрос “Что есть человек?” редко выделялся как основополагающий, имеющий центральное значение. Только в XIX веке начинает доминировать антропологическое направление в философии (Л. Фейербах, С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше), и с тех пор антропологизм (антропоцентризм) становится характерной чертой последующего ее развития. Философская антропология действительно обрела права гражданства и стала интенсивно развиваться на Западе. К сожалению, в нашей стране эта наука и антропологический принцип в философии до 1991 года находились “вне закона”, а антропологическая школа в социологии характеризовалась как одно из наиболее реакционных течений современной буржуазной социологии.³⁰ Кризис общества и крушение традиционных представлений, мифов и стереотипов неизбежно обостряет внимание к человеку. Каждый начинает искать опору и точки отсчета в самом себе. В таких условиях значительно возрастает и интерес к целостной человеческой личности, к ее психологическим переживаниям. Уже несколько

---

²⁹ Шеллер М. Положение человека в космосе. / Проблема человека в западной философии. Под ред. П.С. Гуревича. М., 1988. С. 32.

³⁰ Философская энциклопедия. В 5 тт. Т.1.М., 1960. С.77

десятилетий назад социологи установили, что успешность практической деятельности выпускника вуза лишь на 15–20 % зависит от его профессиональных знаний; все остальное определяется его умением работать с людьми. Поэтому знание человека, его сущности и природы является необходимой составляющей любой профессии, оно необходимо любому выпускнику вуза.

В 90-х годах, когда я был членом учебно-методического совета по гуманитарным наукам при Министерстве образования, я предложил министерству ввести изучение человековедения во всех вузах страны как комплексную, завершающую дисциплину гуманитарного цикла. Мне предложено было написать учебник, который мы с друзьями и написали. Я отобрал то, что в основном принадлежит мне, хотя и выработывалось коллективно. Поскольку до нас не было подобного учебника, все темы, рассматриваемые здесь – новые, авторские.

Здесь напрашивается важное дополнение. Человека любит только реалистическая философия. И разработка проблем человека – важный критерий, что перед нами сторонник реалистической философии. Материализм же и идеализм в равной степени равнодушны к человеку, поскольку он слишком явно показывает неразрывное единство материи (тела) и духа (души), чего не признают ни те, ни другие. Рассматривать в единстве идеальное и материальное под силу только философскому реализму.

Глава 10. Значение переходных эпох для постижения глубин человеческого бытия и мироздания

10.1. Переходная эпоха – эпоха кризиса

Образование, наука, культура – вся общественная жизнь в целом непосредственно зависит от характера эпохи, им определяется. И невозможно понять структуру, содержание мировоззренческих дисциплин вне контекста эпохи. Обращенность к мировоззренческой проблематике, человеку, его сущностным характеристикам особенно необходима в кризисные, переломные моменты истории, поскольку доказано, что именно мир внутренних ценностей человека является той решающей силой, которая не только позволяет человеку выжить, но и обеспечивает самосохранение общества, стимулы к его дальнейшему развитию.

Кризисное состояние нашего общества, в настоящее время общепризнанное, зачастую связывается со “сменой вех”,

переоценкой ценностей, когда многие старые ценности и идеалы дискредитируются, а новые (типа: “обогащайтесь, кто как может”) не являются и не могут являться таковыми для большинства россиян. Но кризисное состояние, переживаемое ныне Россией, не есть ее чисто “внутреннее дело”. Подобные кризисные явления легко могут быть обнаружены практически во всех развитых странах современного мира. Их нельзя понять без некоей иррациональной цикличности, связанной с особым статусом эпох конца – начала столетия и конца – начала тысячелетия.

Прежде чем рассматривать черты, характерные для переломных эпох, вспомним вкратце, чем они памяты в западной и отечественной истории. Конец XV века в Европе совпадает с концом Средневековья. Если до этого периода церковь и дворянство относились с высокомерным презрением к магии, колдовству, считая их бесполезными проявлениями народного невежества, то с конца XV века им объявляется смертельная борьба, как силам, якобы в действительности обладающим способностями противоречить предначертаниям Бога. С 1484 года, с папской буллы Иннокентия VIII о преследовании ведьм во всей Европе надолго, вплоть до конца XVII века, запылали костры из живых людей.

Конец XVI – начало XVII веков – Смутное время в России, связанное с царствованием Бориса Годунова и последующими за этим походами Лжедмитриев. Конец XVII века. Вновь смута: хованщина, стрелецкие бунты, закончившиеся установлением репрессивного режима Петра I. Конец XVIII века. На Западе – Де Сад и гильотины, в России – Павел I и дворцовый переворот. Здесь мы считаем необходимым сделать следующую оговорку. Эпоха царствования Анны Иоанновны с бироновщиной никак не лучше эпохи царствования Павла I, хотя и приходилась она не на конец века. Точно так же, как эпоха гитлеризма, приходившая на 30–40-е годы прошлого столетия не менее иррациональна, чем эпоха конца XIX – начала XX веков. Поэтому особое значение переломных эпох – это лишь некая тенденция, которая может и нарушаться, т. е. не имеет характера закона.

Конец XIX – начало XX века. На западе – всеобщее уныние и разочарование в могуществе и силе разума. Культ иррационализма. В России – разложение и гибель самодержавия. Конец XX века. Во всем мире – новая волна неустойчивости. Растущее разочарование, связанное с ростом наркомании, терроризма, в т. ч. государственного, межнациональные конфликты, появление все новых, все более страшных заболеваний. В России, кроме того, – гибель социалистической системы и мучительная переоценка ценностей. Подобно тому, как в конце каждого года своей жизни,

человек ослабевает и часто заболевает, человечество в конце каждого столетия испытывает кризисное состояние.

Переломная эпоха есть время, характеризующееся кризисностью, антиномичностью. Переломная эпоха носит судьбоносный характер, в силу чего от человека требуется напряжение сил по её осмыслению, обнаружению смысла переживаемой человеком истории. Переломная эпоха обостряет полярность чувств и мыслей человека, светлого и тёмного, истинного и ложного, прекрасного и безобразного в бытии человека. Проявлениями данной эпохи являются: вера и отчаяние, нищета и роскошь, порядочность и продажность, патриотизм и псевдопатриотизм, нигилизм. Все они возникают с особой ясностью. Признаком рассматриваемой эпохи является разлом некогда привычного, казавшегося незыблемым устройства человеческого бытия, с одной стороны; с другой – зарождение нового бытия.

Именно возрождение как состояние срединности, согласия, понимания и, как следствие, расцвета, должно прийти на смену переломной эпохе. Это представляется возможным уже потому, что в недрах самой антиномичной переломной эпохи содержатся позитивные черты. Они и таят в себе элементы возрождения, столь ожидаемого человеком. Каковы же позитивные и негативные черты переломной эпохи?

Постскриптум.

То, что в конце столетия приходит усталость, разочарование, переоценка ценностей, это чувствовали многие мыслящие люди. Но то, что эта иррациональная закономерность действует в истории человечества почти всегда при переходе от одного века к другому, а также рассмотрение позитивных и негативных черт переломных эпох – это мое ноу-хау.

Работал над этой темой в лихие девяностые годы, когда это было невероятно актуально, и впервые эти идеи были напечатаны в первом выпуске нашего учебника о человеке³¹. Если классическое смутное время эпохи Бориса Годунова длилось аж 8 лет (с 1605 по 1613 год), то наше длится уже четвертое десятилетие. Каждый новый учебный год у меня встает вопрос: читать эту тему студентам или она уже не актуальна. И прихожу для себя к выводу, что она продолжает оставаться актуальной.

Мы по-прежнему топчемся на месте, не зная, куда идти. Мы себе выбираем в кумиры то Александра Невского, то Иосифа Сталина, то Николая II – кровавого. Общество по-прежнему раздирается противоречиями, и в одном правительстве могут находиться люди,

---

³¹ Р.А. Зобов, В.Л. Обухов, Л.И. Сугакова. Основы человековедения: человек как микрокосм. М., 1999.

принадлежащие к противоборствующим, непримиримым группировкам.

Негативные черты переломных эпох прежде всего бросаются в глаза, и о них я прежде всего написал. Это вызвало недовольство моего друга – Лидии Ивановны Сугаковой. Она, работая инструктором райкома партии, курировала по партийной линии Эрмитаж и ленинградское отделение Союза писателей, поэтому прочно стояла ногами на земле. Она попросила меня выявить позитивные стороны этих эпох, что я и сделал. И теперь, излагая студентам эту тему, я не только приводил бездну отрицательного, что свойственно такой эпохе, но и положительное, что надо знать и чем надо уметь пользоваться. Ведь именно в лихие девяностые наша троица разработала и утвердила реалистическую философию. Поэтому для нашего триумvirата 90-е годы были не только лихими, но и благословенными. Никогда в жизни мы не работали так активно и с таким азартом, как на стыке XX и XXI веков.

10.2. Негативные черты переломных эпох

Какие можно выделить негативные черты, свойственные всем этим эпохам? Мы сейчас переживаем не только переход от одного века к другому, но и редчайший переход от одного тысячелетия к другому.

- разочарование в идеалах, ценностях, которые питали нацию на протяжении целого века,
- распад связи времен; ориентация (в России) на иноземные ценности, обеспечивающие, якобы, возможность выхода из кризиса,
- кризис разума, рационального научного познания,
- рост мистицизма и иррационализма,
- флюгерное состояние сознания, рост “перевертышей”, меняющих свои ценностные ориентации “как перчатки”,
- ожидание конца света,
- некрофилия, примат темы смерти над темой жизни.

Рассмотрим более подробно вышеперечисленные черты, характеризующие состояние мировоззрения эпох конца – начала века.

1. Разочарование в идеалах, ценностях, которые питали нацию на протяжении целого века.

В переломные эпохи происходит утрата былых ценностей и идеалов, жизненных ориентиров и – как следствие – прерывность традиций. В современной философской литературе справедливо отмечается, что «историко-культурные разломы, катастрофично переживаемые Россией, лишают традицию одного из главных определений – непрерывности. Монтирование традиции по

принципу "от какого наследства мы отказываемся" лишает её ещё одного важного определения – органичности».³²

Разломная эпоха – эпоха переоценки ценностей, когда старые ценности, которыми жило целое столетие, дискредитированы, а мучительные поиски новых не приносят должного результата, что воспринимается как движение в пропасть. В конце девятнадцатого столетия, в подобную переломную эпоху Эдуард Шюре написал: "Что делать в этот век, когда все стремится по наклонной плоскости в пропасть, когда в сгущающихся сумерках таится угроза, несмотря на то, что начало того же века казалось поднятием к свободным вершинам, озаренным блистающей зарей?"³³

Девальвация ценностей, рост скептицизма отмечаются практически всеми мыслителями разломных эпох. Вот что пишет об этом современник Шюре, наш соотечественник Д. И. Менделеев: "Старые боги отвергнуты, ищут новых, но ни к чему сколько-нибудь допустимому и цельному не доходят; и скептицизм узаконяется, довольствуясь афоризмами и отрицая возможность цельной общей системы... Печальнее же всего господствующий скептицизм отражается на потерявшей молодежи, так как ей самой, как она знает, зачастую приходится разбираться в явных противоречиях между тем, что она читает и слышит в разных аудиториях одного и того же факультета".³⁴

Хаотическое состояние сознания имеет свою объективную основу в кризисном состоянии общества. От того грядет хаос разрушающий и его спутники – скепсис и разочарование.

2. Разрыв связи времен, ориентация на иноземные ценности.

Разочарование, отмеченное выше, связано с разрывом связей между поколениями, внутри самой истории. Прошлое видится бессмысленным, будущее – неопределенным, пугающим – в итоге настоящее ощущается как что-то зыбкое, бесцельное. В одной из таких эпох на рубеже XVI и XVII вв. Шекспир вложил в уста Гамлета следующие, удивительно созвучные для всех таких эпох, слова:

*Распалась связь времен,
Зачем же я связать ее рожден!*

Спустя три столетия А. А. Блок так оценил свою (тоже переходную) эпоху:

Век девятнадцатый, железный,

---

³² Беренштейн Е.П. О русской культурной традиции, новых ценностях и "переходном" периоде./Культура и творчество. Сборник научных трудов. Тверь, 1995. С. 29.

³³ Шюре. Э. Великие посвященные. Калуга, 1914, с. 16.

³⁴ Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995, с. 408.

*Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!*

*Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла,
Еще чернее и огромней,
Тень Люциферова крыла.*

Распад связи времен проявляется и в распаде связей с собственной историей. В Российской истории этот факт всякий раз приводит к переориентации на Запад. Ориентация при этом может быть самая разная: на Польшу, Голландию, Германию, или, как сейчас – на Северную Америку. Происходит, по Н. Я. Данилевскому, обострение "болезни русской жизни" – европейничанье, подобострастие иноземному. "И где же можно найти настоящее обоготворение Западной Европы и западноевропейской культуры, как не в России и не у русских? – задавался вопросом Н. А. Бердяев. – Отрицание России и идолопоклонство перед Европой явление очень восточное, русское, азиатское явление. Именно крайнее русское западничество и есть явление азиатской души"³⁵.

Важно одно: до тех пор, пока не просыпается национальное самосознание и не прекращается постыдное самобичевание, до тех пор возрождение России оказывается невозможным. Упор же на чуждые для нации ценности неизбежно порождает комплекс неполноценности, вины, ведет к психическим срывам, невиданному росту самоубийств.³⁶

3. Кризис разума, рационально-научного познания.

Этот кризис особенно заметен на исходах последних веков, когда с наибольшей силой на Западе проявлялся культ разума, культ науки.

XVIII в – век Просвещения, закончился Де Садом, подвергшим уничтожающей критике все стереотипы этой эпохи. XIX в. начинался как век Разума, абсолютную мощь и силу которого детально обосновал Г. Гегель. А закончился он работами А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, О. Шпенглера, разуверившимися в силе разума, в прогрессе, ушедшими в область мистики, боготворящими Восток с его вечной ориентацией на иррациональное. Впрочем, в самой науке конец XIX – начало XX вв. характеризуется как кризис естествознания. Конец XX века не явился исключением. После лавины книг, воспевавших в 60–70 гг. научно-технический

---

³⁵ Бердяев Н.А. Судьба России, М., 1990. С. 56–57.

³⁶ Подробно об этом см.: Обухов В.Л. Идеология в отечественной духовной культуре. / Альманах Ключ. Под ред. В. Л. Обухова. Выпуск 1. СПб., 2009.

прогресс, наступило всеобщее уныние и разочарование. Во всяком случае, скепсис и более осторожное отношение к науке, человеческому разуму, породившим жуткий “букет” глобальных проблем современности, каждая из которых способна свести человечество в могилу, а все вместе – не могут этого не сделать.

4. Рост мистики и иррационализма.

Кризис научного знания, само собой, разумеется, порождает всплеск иррационализма и связанного с ним оккультизма, мистики и других видов вненаучного знания. Так было во все смутные эпохи. Это в полной мере относится и к нашему времени. И здесь в наибольшей степени проявляется то, что выражает суть эпохи мракобесия. Когда астрономия заменяется астрологией, психология – парапсихологией, медицина – знахарством, научное планирование – колдовским предсказанием, когда наиболее оплачиваемыми профессиями становятся “профессии” экстрасенсов, колдунов, магов, когда многие газеты наперебой прославляют их деяния и их сверхъестественные возможности, но не публикуют альтернативные мнения, тогда и наступает эпоха мракобесия. Мракобесие здесь понимается не в каком-то ругательном, ценностно-ориентированном, а в чисто научном смысле, если под ним понимать, как это и принято, целеустремленное внедрение в сознание людей невежества. Совсем не случайно по данным исследования ВЦИОМ, проведенного летом 2022 года, 35 % россиян убеждены, что Солнце вращается вокруг Земли. Комментируя результаты опроса руководитель ВЦИОМ Валерий Федоров сказал в интервью Радио «Комсомольская правда»: «Это говорит, во-первых, о качестве образования очень плохо. Во-вторых, это говорит о картине мира, в которой наука занимает, так сказать, место где-то там с краю».

При этом речь идет не вообще об иррациональном. Иррациональное является неотъемлемой стороной европейской культуры, еще в большей степени оно присуще духовной культуре России, и, наконец, является важнейшим компонентом так называемой “восточной мудрости”. Мракобесие же наступает тогда, когда иррациональное не пытается мирно ужиться с научно-рациональным, а напротив, пытается вытеснить, заменить его. Мракобесие – это когда практически по всем телеканалам в передаче “О чем говорят звезды” выступают только астрологи, а астрономов, которые тоже изучают звезды и которым тоже есть что сказать, туда на пушечный выстрел не подпускают, более того, астрономия вообще изымается из школьных программ; это когда прогноз на неделю делают все те же астрологи, но не экономисты, политологи; это когда практически во всех массовых изданиях

безудержно прославляются колдуны, маги, знахари, но при этом не допускается научная критика в их адрес.

Но мракобесие выступает не только в форме явного доминирования иррационального. Бывают ситуации, когда мракобесием называют все то, что не соответствует тем или иным идеологическим требованиям. Так, лет пятьдесят назад у нас принято было называть мракобесием не только все то, что относится к религии, но также генетику, кибернетику и даже аксиологию (учение о ценностях). Т.е. термин «мракобесие» может нести и чисто идеологическую нагрузку. Бывают и обратные случаи, когда явное мракобесие выступает в форме науки, как это было в нацистской Германии. Известно, что в тот период под именем науки пропагандировались положения, которые вполне могут быть квалифицированы как мракобесие: люди космического льда, фантастическая картина мира и пр.

Итак, в различные эпохи и в различных регионах мракобесие может выступать в самых разных формах: в научной, религиозной, политической, этнической и т.п. Наиболее характерной чертой всякого мракобесия является его агрессивный характер, нетерпимость к оппоненту, стремление утвердиться любой ценой.

5. Флюгерное состояние духа и разума многих людей, когда легко и часто изменяются убеждения и ориентиры.

Смутная эпоха особенно богата перевертышами. Именно в такие эпохи массовый характер имеет обращение роялиста в республиканца, патриота в предателя, революционера в контрреволюционера, а марксиста в антимарксиста. Переворачивание имеет характер эпидемии, что не может не вызвать тяжелых чувств у объективных летописцев. Вот как характеризовал, например, флюгерное состояние духа современной России А. Зиновьев: “Политическое пространство России захватили дилетанты, демагоги, тщеславные болтуны, мракобесы, невежды, перевертыши, предатели, мелочные хитрецы и интриганы, шкурники, хапуги, трусы, приспособленцы, явные дураки и просто клинические шизофреники.” (А. Зиновьев “Правда” 1.10.94). Хотя автор говорит о нашем времени, но здесь, по сути, назван весь “джентльменский набор” отрицательных образов, характерных для любой разломной эпохи. Что это действительно так, может быть проиллюстрировано на примере классической Смутной эпохи конца XVI – начала XVII веков, о которой писатель того времени Иван Тимофеев говорил: “Всяко неутверждени ни в чем, в делах же и в словесех нестоятемны, по всему вертяхуся, яко коло... Все убо первые крепости оскудехом в конец: старии в нас быша младоумии и вместо разума токмо седину едину имуще... К себе каждо нас

хребты обращаемся, овии к востоку зрят, овии же к западу. Но сия наша разность многу на ны врагом нашим предите крепость”.³⁷

Разумеется, не все люди разломной эпохи таковы, как об этом пишут эти авторы. Но данная эпоха с необходимостью требует именно таких людей и потому они оказываются на поверхности, у всех на виду. У. Липман в свое время показал, что у людей со стереотипным мышлением имеет место так называемая “инверсия стереотипа”. Такая инверсия имеет место в тех случаях, когда привычные стереотипы не вызывают ожидаемой реакции и они автоматически, на уровне подсознания заменяются на прямо противоположные.

6. *Ожидание конца света.* Разрыв связей с предыдущими поколениями, традициями, со своим собственным прошлым (“переворачивание”), а также страх перед неопределенным будущим – все это естественным образом питает психологию ожидания конца света, свойственную концу – началу каждого столетия. Наше – не исключение. Конец света в 1993 году обещало Белое Братство, в 1996 году – Аум Сенрикё. О конце света все более настойчиво заявляют Свидетели Иеговы и Адвентисты 7-го дня, предупреждающие, что грядут “последние дни”. Практически каждый из нас был свидетелем того, как на улице проходим вручают буклетики с “точной датой” скоро грядущего конца света. В 1999 году его обещали все, кому не лень, ссылаясь на предсказания Нострадамуса. В тот год газеты выходили с экзотическими заголовками, типа: «Зачем строить дачу, если всем хана». В последнее время модным было говорить о 2012 годе, как якобы обещающего большие катаклизмы и даже конец света. Это связано с тем, что в знаменитом календаре майя дата 21.12.2012 указана как последняя, и интернет был заполнен всякого рода размышлениями по поводу этой даты. Существует необъяснимая психологическая закономерность: конец каждого столетия, а тем более тысячелетия у многих ассоциируется с концом света.

7. Некрофилия, примат темы смерти над темой жизни.

Смутное состояние сознания людей смутной эпохи, потеря достойных ценностных ориентиров, ожидание скорого конца света – все это провоцирует повышенный интерес к теме смерти. Тема смерти начинает привлекать всеобщее внимание, заслоняя собой тему жизни. Когда практически в любом книжном магазине легче купить книгу о смерти, в том числе и в таких экстравагантных вариантах, как жизнь до жизни и жизнь после жизни, чем книгу о смысле жизни – это называется некрофилией. Когда в теленовостях тема катастроф, разборки, террористических актов начинает

---

³⁷ Цит. По: Пушкирев С.Г. Обзор русской истории. Ставрополь. 1993. С. 176.

занимать ведущее место (с подробным показом трупов) это тоже некрофильство. Не случайно телепередачи на криминальные темы, криминальные романы все более входят в моду. Характерный для нашей эпохи рост некрофильских тенденций был остро прочувствован и обоснован еще Э. Фроммом. При этом некрофильство (любовь к смерти) часто проявляется в предпочтении вещных ценностей перед ценностями человеческих общений, поскольку и здесь мертвое (вещь) заменяет живое (дружбу, товарищество, любовь). Хотя все признаки смутного времени полностью применимы к нашей эпохе, но определение ее только как эпохи мракобесия будет односторонним, а значит, и фактически неправильным. У этих эпох существует и светлая сторона.

Постскриптум.

Меня иногда спрашивали студенты: Если эпоху смутного времени на рубеже XIX–XX веков персонифицирует Распутин, безграмотный сибирский мужик, ненавидимый народом, но имевший иррационально могущественное влияние над властвующей элитой, то кто персонифицирует наше смутное время? Я отвечал: Анатолий Чубайс, который, не будучи семи пядей во лбу и нелюбимый народом, имел иррационально могущественное влияние над властвующей элитой страны. Это означает, что эпоха мракобесия в нашей стране закончится тогда, когда с поля страны исчезнет Чубайс. Только что он исчез из страны, посмотрим, сбудется ли прогноз.

10.3. Позитивное значение кризисных эпох

– Отсутствие догматизированности, более высокий уровень духовной свободы, расширяющий возможности самореализации личности.

– Большая насыщенность жизни, высшие проявления светлых и темных начал.

– Наилучшие условия для проникновения в наибольшие тайны бытия и человека, способствующие становлению целостного живого мировосприятия.

Рассмотрим теперь и эти – положительные черты переходных эпох – подробнее.

1. Отсутствие догматизированности, более высокий уровень духовной свободы, расширяющий возможности самореализации личности.

В переломные эпохи, как правило, отсутствует зашоренность, требование следовать общепринятым и обязательным ценностным ориентирам. Это в свою очередь создает реальные возможности для

наибольшей свободы духа, что при определенных условиях проявляется в повышенной творческой атмосфере. Отсутствие (или снижение) духовных ограничений делает исследователя более свободным и позволяет ему более глубоко проникнуть в изучаемый предмет. Именно этим периодам в большей степени, чем другим, доступно овладение тайнами бытия. В конце позапрошлого века Ф. М. Достоевский сумел проникнуть в бездну человеческого, до него никому не доступную. И наше время наиболее удобно для постижения бездны мироздания и тайны духа. Не случайно в это время возрождается реалистическая философия, способная к более глубокому освоению действительности, чем все другие философские школы.

После эпохи идеологических запретов из исторического забвения появляется масса зарубежных и отечественных имен выдающихся мыслителей, ученых, писателей и художников с их богатым многогранным культурным наследием, которое раскрывает человеку все новые и новые стороны мироощущения и миропонимания. Усвоение этого наследия способствует в обществе преодолению технократических тенденций и становлению гуманитарного сознания. В переходные периоды усиливается интерес к истории и кризисным историческим эпохам, в которых ищутся ответы на злободневные проблемы своего времени.

Переломные социальные периоды способствуют не только развитию исторических чувств и культурно-циклическому видению бытия, они, кроме того, "перетряхивают" все нравственное сознание и самосознание человека. Столкновение идей и противоборство социальных идеалов, высших и низших ценностей и норм стимулирует развитие диалектически целостного, живого мировосприятия, познание глубин человеческой природы. Обнажение низменных черт людей в кризисные фазы существования общества не только вызывает подражание у отдельных личностей, но и отторжение и протест против бесчеловечных условий и поведения окружающих.

2. Повышенная насыщенность жизни.

Разломные эпохи неминуемо порождают хаос. И обычно обращается внимание на то, что это хаос разрушающий. Но разрушающий хаос, как правило, является и хаосом созидующим. Разрушая то, что отжило, что не оправдало надежд, хаос этот способен породить новые надежды, новые ценностные ориентиры. Переломность способна пониматься как "конструктивный хаос", из которого рождается "динамичный порядок". Кризис господствующих идей, идеалов в переходный период ведёт к обновлению общества, созданию новых ориентиров дальнейшего развития. Система ценностей переходных периодов характеризуется

плюрализмом ценностей, отношения между которыми строятся по принципу координации. Культура переходных периодов отличается тем, что ведущие личностные ценности отражают активизацию свободного, творческого, индивидуального начала в человеке. Открытый характер переходной культуры делает её восприимчивой ко всему новому, способному к созиданию культурных образцов, не теряющих своего значения для последующих поколений.³⁸ Так, "фейерверком" творческой активности был озарён рубеж XIX–XX столетий в русской истории, сложное и одновременно яркое время, известное под названием "Серебряный век", или "Русский ренессанс". Таким образом, век мракобесия и серебряный век культуры оказывались одним и тем же временем. Точно так, как самая мрачная в истории человечества эпоха охоты за ведьмами имеет и другое название – эпоха Высокого Возрождения. Духовные гиганты этой эпохи как никто другой умели сочетать преданность науке с увлечением магией и оккультизмом. Они на своем опыте смогли пережить и счастье творческого полета, и все прелести эпохи мракобесия; сожжение Дж. Бруно и унизительное отлучение Г. Галилея – лишь наиболее хрестоматийные примеры этих противоречий.

3. Наилучшие условия для проникновения в наибольшие тайны бытия, расширяющие возможности самореализации личности.

Для рассматриваемого времени характерно самоуглубление человека в собственный внутренний мир сообразно с определёнными ценностями. Как отметил Н. А. Бердяев: "Культурный человек конца XIX века возжелал освободиться от натуральной необходимости, от власти социальной среды, от ложного объективизма. Индивидуум вновь обратился к своему субъективному миру, вошёл внутрь; обнажился мир внутреннего человека, придавленный ложным объектом природы и общества..."³⁹ Происходит самоуглубление общества во внутренние проблемы, причины их возникновения и варианты возможного решения. Переосмысление исторического опыта страны и пребывания человека в ней является наибольшим основанием для возрождения. А. Блок в годы социальных потрясений в России признавал, что есть как бы два времени, два пространства: одно историческое, календарное, другое нечислимое, музыкальное. Первое присутствует в цивилизационном сознании, а во втором мы живем лишь тогда, когда чувствуем свою близость к природе, когда "отдаемся музыкальной волне, исходящей из мирового оркестра".

³⁸ См. Сергейчик Е. М. Значение переходных периодов истории. / Социальная философия и философия истории. СПб, 1994, Ч. 1, С. 30.

³⁹ Бердяев Н. А. Происхождение зла и смысл истории. / Вопросы философии и психологии. М., 1908. Кн. 94 (1У). С. 294.

Ему вторит поэт П. Антакольский, утверждавший, что его коллеги в периоды социальных катаклизмов, либо накануне нового века, чувствуя ритм и музыку времени, могли выразить то, что было неподвластно поэтам других, более спокойных эпох.

Сказанное об особом значении эпох конца века для прочувствования музыки времени и пространства, применимо не только к деятелям искусства, но и науки тоже. На пороге двадцатого века француз Э. Шюре, немец А. Шопенгауэр, русский В. С. Соловьев глубоко почувствовали необходимость сочетания рационального и иррационального, в частном случае, научного и религиозного подходов в освоении мира. Вот как пишет об этом Э. Шюре: “Религия отвечает на запросы сердца, отсюда ее магическая сила, наука – на запросы ума, отсюда ее непреодолимая мощь. Но прошло уже много времени с тех пор, как эти две силы перестали понимать друг друга. Религия без доказательств и наука без надежды стоят друг против друга, недоверчиво и враждебно, бессильные победить одна другую”. Такая их глубокая раздвоенность самым пагубным образом сказывается на человеке, порождая у него уныние и пессимизм. “Отучившаяся смотреть на вечность, большая часть молодежи предалась тому, что ее новые учителя называют натурализмом, унижая этим названием прекрасное имя природы... А бедная Психея, потерявшая свои крылья, стонет и скорбно вздыхает в глубине души тех самых людей, которые ее оскорбляют и не хотят признавать ее прав”.⁴⁰

В эту же эпоху Д. И. Менделеев приходит к мысли о необходимости преодоления крайностей материализма и идеализма. Краеугольным камнем нового мировоззрения, названного им реализмом, является признание равнозначности трех вечных и все определяющих начал: материи (вещества), энергии (силы) и духа (психоза). “Признание их слияния, происхождения и разделения уже лежит вне научной области, ограничиваемой действительностью или реальностью. Утверждается лишь то, что во всяком реальном надо признать или вещество, или силу, или дух, или, как это всегда и бывает, их сочетание, потому что одинаково немислимы в реальных проявлениях ни вещество без силы, ни сила (или движение) без вещества, ни дух без плоти и крови, без сил и материи”.⁴¹

Мы привели здесь эти подробные цитаты с одной целью – показать, насколько созвучны эти идеи нашему, также разломному времени. А ведь положения эти на многие годы были отброшены, казалось, похоронены навсегда. Да и сегодня еще некоторые ученые

---

⁴⁰ Шюре Э. Великие посвященные. С. 2–3.

⁴¹ Менделеев Д.И. Заветные мысли. С. 412.

возмущаются, когда слышат о необходимости соединения научного и религиозного знания, называя последнее не иначе, как антинаучное. Почему столь важные открытия переломных эпох затем на долгие годы оказываются не востребованными? В чем причина этого?

Разломная эпоха обуславливает надломленное состояние души. В такие периоды духовные противоречия достигают высшей степени концентрации. Народ начинает мечтать о покое, порядке. И он приходит в первые десятилетия нового века, – на новых принципах, с новыми ценностными ориентациями. Мятущийся, огненный дух эпохи разлома уже пугает людей, становится непонятным, и многие достижения этой эпохи предаются забвению. Они забываются вплоть до пришествия очередного конца века, когда вдруг во весь голос становится ясной их особая бездонная глубина, их поразительные проникновения в противоречивую субстанцию мира. Установившийся порядок – и в этом особенность любого порядка – предполагает более простые решения. Невероятная сложность мира, открытая людям разломных эпох, пугает, отталкивает. Возможно, в этом заключается трагизм деятелей культуры переломных эпох. Но возможно, что люди, проживающие в постпереломные эпохи, научатся когда-нибудь понимать предлагаемые ими непростые решения непростых проблем.

Свойственное переломным эпохам разочарование в науке и рационализме имеет и свою позитивную сторону. Здесь открывается возможность трезво посмотреть на науку и адекватно оценить ее место в контексте культуры. Еще И. Кант говорил, что к науке следует относиться с уважением, но не переоценивать ее возможности. Действительно, всякая научная концепция, даже самая совершенная, связана с определенным углом зрения на действительность и тем самым является односторонней. Одностороннюю позицию по отношению к миру приобретают и люди, работающие в рамках этой теории. И преодолевать такую односторонность по мере совершенствования теории становится все труднее.

В переходные периоды обнажаются сущности всех явлений и процессов, что, бесспорно, является позитивным моментом. Связано это с тем, что в условиях спокойного развития общества обычно доминируют определенные стереотипы, установки, концепции (научные, политические, идеологические, эстетические и т.п.). Господствующее положение приобретает вполне определенное отношение к миру: природе, обществу и человеку. Все, что лежит за рамками такого видения, либо отрицается, либо просто не учитывается. Скажем, атеистическое общество мало интересуется

проблемами духа, души и т.д. Общество же религиозно ориентированное уделяет мало внимания изучению материального мира.

Переходный период характеризуется в первую очередь тем, что здесь разрушаются жесткие, устоявшиеся структуры, меняются ценностные ориентации. Здесь рождаются новые выдающиеся течения в духовной жизни разных стран: немецкая классическая философия – на рубеже XVIII–XIX веков в Германии, Серебряный век – на рубеже XIX–XX веков в России. И то, что Петербургская школа философского реализма, преобразованная в 2012 году в Российское общество реалистической философии, тоже возникла на стыке веков, вряд ли является случайностью: ведь именно на стыке веков реалисты, преодолевая существующие односторонние подходы, громче всего заявляют о себе.

Именно характер современной эпохи наилучшим образом благоприятствует более глубокому, всестороннему проникновению в исследуемый объект, позволяет постичь ту глубину, которая не под силу как предыдущей, так и последующей эпохам. И именно поэтому, повторим еще раз, определение нашей эпохи как эпохи мракобесия было бы односторонним, а значит и фактически неправильным. Тем не менее, основные признаки этой эпохи, безусловно, налицо. Но надо ли о них говорить?

Вскрытие, разъяснение объективного характера эпохи мракобесия должно выбить почву из попыток видеть здесь только чисто иррациональное начало: чью-то злую волю, козни и т. п. Наша эпоха такова, потому что она таковой должна быть. Но объективный характер ее означает, что с той же неизбежностью, с какой она *приходит*, с такой же неизбежностью она *проходит*. И это не может не породить определенный оптимизм, помогает справиться с навалившимися трудностями. Более того, обнаружение особо насыщенного характера духовной жизни данной эпохи показывает, что здесь существуют условия для интенсивного духовного самосовершенствования. Ведь реальность “второго издания” Серебряного века не в последнюю очередь определяется силой духа, пассионарностью тех, кто сейчас “только учится”.

Проделанный анализ сущности нашей эпохи потребовался для того, чтобы показать, что именно в такое разломное время обнажается бездна человеческого и бездна мироздания. И поэтому предложенные в книге решения ряда проблем будет расходиться с общепринятыми подходами, сформировавшимися в предшествующую, более спокойную, более зашоренную, мировоззренчески однонаправленную эпоху. Наша новизна порождена эпохой.

Постскриптум.

В самый разгар смутного времени ко мне после лекции подошла студентка и сказала: «Жаль, что я не слушала Вас раньше. У меня был брат, который все время говорил: Как все кругом плохо, как не хочется жить, когда все проваливается в бездну. И, в конце концов, он кончил жизнь самоубийством. Сейчас бы я ему рассказала, что такие периоды как приходят, так и уходят, надо только набраться мужества и пережить их. Еще раз спасибо Вам за Вашу лекцию».

Несколько лет спустя на семинарском занятии одна студентка призналась, что после моей лекции они с мужем долго разговаривали о ней, и пришли к выводу, что пора зачинать ребенка, что пока он созревает, эпоха мракобесия закончится и нам уже не будет страшно за нашего ребенка.

Я считаю, что филалифия, в отличии от традиционной философии, должна учить не мудрости, а правде и человечности. Задача филалифии – помочь человеку более надежным образом устроиться в этом мире, помочь реализовать надежды и мечты. Философия должна отказаться от претензии быть царицей наук, а быть равной среди равных и слиться со своими сестрами в экстазе любви к правде и человеку.

Глава 11. Образ человека в истории мировой философии и культуры

Для обозначения облика человека, характерного для той или иной культуры в целом или определенных этапов ее развития, в последнее время применяется понятие «образ человека» (реже «модель человека», «парадигма человека»). Каждый автор на своем собственном, доступном ему материале, пытается выявить наиболее характерные черты, присущие человеку той или иной эпохи, которые так или иначе были зафиксированы в продуктах материальной и дух ховной деятельности людей. Были сделаны попытки проследить эволюцию образа человека и на Западе, и на Востоке, и в России.⁴²

Понятие «образ человека» довольно многозначно, может трактоваться по-разному в зависимости от того, кто им оперирует (психолог, философ, литературовед). На наш взгляд, оно может претендовать на статус междисциплинарного, так как резюмирует итоги философской рефлексии, а также результаты самопознания человека в других областях. Понятие «образ человека» не только фиксирует представления о его природе, но может содержать и нормативные элементы, указывая на предназначение, смысл жизни

---

⁴² См.: Баткин Л.М. Итальянское Возрождение. М., 1995; Лихачев Д.С. Человек в литературе древней Руси. М., 1989.

человека, некий конкретный образец личности, достойный для подражания. В самом первом приближении можно выделить следующие основные аспекты понятия «образ человека»:

– Во-первых, это гносеологическая характеристика человека. Здесь мы используем традицию, идущую от Канта, гносеологическую характеристику предмета характеризовать как образ этого предмета. Дело в том, что мы не имеем дело с самим человеком прошлых эпох, но только с тем образом, который зафиксирован, отражен в культуре тех эпох. Поэтому научно правильно говорить не о человеке, а именно об образе человека.

– Во-вторых, понятие «образ человека», содержа в себе и вненаучную компоненту, является наиболее удачным для фиксации целостности человека, той целостности, которая доступна, прежде всего, искусству, где это понятие давно «прописано».

– В-третьих, понятие «образ человека» традиционно используется и для характеристики наиболее распространенного типа человека в данную эпоху и в данной среде (вспомним известные нам по литературе «образ маленького человека», «образ лишнего человека» и т.д.) и для соответствующего идеала, образца (не случайно слова «образ» и «образец» однокоренные).

– В-четвертых, суммируя все сказанное, можно сделать вывод, что образ человека есть проявление его сущности в специфических условиях существования. Но если сущность относится к внутреннему, то образ (явление) – к внешнему. Сущность, будучи устойчивой и однозначной для людей всех эпох и народов, проявляется в бесконечном многообразии образов человека. Иными словами, путь к познанию сущности лежит через осмысление бесконечного богатства его проявлений – образов.

Постскриптум.

Насколько мне известно, понятие образ человека в антропологии не использовался. Но без этого понятия, которое фиксирует описание человека, его явление, невозможно проникнуть и в его сущность. Впрочем, и понятие сущность человека также отсутствовало до сих пор в антропологии. Но если мы хотим не просто сделать антропологию философской наукой, а, более того, сделать ее органическим разделом самой философии (филалифии), постольку без этих понятий нам не обойтись. Вот почему они включены были уже в первое издание нашей философской антропологии.

11.1. Образ человека Востока

Восточное общество – традиционное общество, т.е. общество, в известном смысле повернутое вспять. Отсюда уважительное отношение к традициям, культ предков, неподдельное уважение к старикам, как носителям особой мудрости. На Востоке считается, что чем более древнее учение, тем больше истины оно содержит. Традиционность проявляется и в особой религиозности восточного человека. Если в европейских странах ежегодно продается около тысячи бездействующих храмов под дискотеки, общешития, спортивные залы, а религиозность населения может быть 15–20 %, то в восточных странах она приближается к 90 %. Если в западных странах религиозность зачастую носит формальный характер, то на востоке все обстоит иначе, именно там чаще всего религиозность приобретает черты фундаментализма, граничащего с религиозным экстремизмом, а иногда и переходящий в него

Восточный человек – это, прежде всего, коллективист: член семьи, клана, корпорации, религиозной организации, а уже потом человек, личность. Не случайно в восточных странах сильны идеи патернализма, когда в Японии, например, работник принимается в фирму на всю трудовую жизнь; он обязан любить свою фирму, отдавать ей все силы, но и фирма отвечает ему взаимностью.

На востоке подозрительное отношение к инновациям, к свободе. Не случайно китайцы любят повторять, что гений подобен стихийному бедствию, и что избави нас боже от гения. Одно из самых серьезных проклятий для китайца «Чтоб тебе жить во времена перемен!» Так же в восточном обществе существует подозрительное отношение к молодежи. Молодой человек должен быть в строгих рамках и неукоснительно находиться в подчинении у старших.

11.2. Образ западного человека

Про образ западного человека можно сказать, что это – то же самое, что образ человека Востока, только наоборот. В западном обществе уважительное отношение к старикам зачастую носит лицемерный характер, и в то же время там нелицемерное уважительное отношение к молодежи. Каждая партия, каждое движение в стране стремится понравиться молодежи, поскольку именно молодежь составляет будущих правителей страны и именно она является лакмусовой бумажкой подлинного авторитета той или иной политической силы в стране, ее дальнейших перспектив.

На Западе существует уважительное отношение к инновациям, а свобода традиционно почитается одной из высших ценностей человеческого бытия. На Западе уважают традиции, но только в той

мере, в какой они не мешают продвижению вперед. И это понятно – западное общество повернуто вперед, а не вспять. На Западе не культивируется коллективизм, напротив, там наиболее почитается личная инициатива, личный интерес, личная карьера.

Столкновение образов западного и восточного человека в настоящее время приводит к возникновению ряда проблем, которые еще не получили своего решения. И не случайно здесь возникают две взаимоисключающие позиции. Одна может быть охарактеризована известным афоризмом Р. Киплинга «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и они никогда не сойдутся». Другая исходит из того, что в принципе можно найти компромисс между ними, ибо они находятся в состоянии дополнительности друг к другу, порождая широкую палитру мировой культуры.

Мы придерживаемся последней точки зрения, поскольку при известной противоположности западного и восточного образа человека, сущность его в принципе везде одна и та же, что будет показано в следующей главе. И, кроме того, нельзя не учитывать встречные шаги Запада и Востока друг к другу, которые особенно характерны для нашего времени. И здесь особая роль принадлежит России, в которой, в силу ее евразийства, Запад и Восток давно и мирно уживаются. Ведь если для Запада Восток – это, прежде всего, экзотика, то для России – это часть нашего менталитета, один из ключиков к разгадке тайны русской души.

11.3. Образ человека в русской философии и культуре

Известный американский экономист русского происхождения В. Леонтьев любил приводить такое сравнение. Западного человека можно уподобить кирпичу, из которого после обжига можно строить любой дом, дворец, храм и он веками будет украшать нашу землю. Человека восточного можно сравнить с глиной, которой можно придать любую форму и после обжига она может сохраняться очень долго. Русский же человек подобен песку: что с ним не делай, но стоит только убрать форму, как он рассыпается в бесформенную кучу, из которой крайне трудно создать что-либо определенное.

Приведенное сравнение является весьма показательным. Действительно, западный человек после соответствующей «обработки» (с помощью идеологии, воспитания, образования и пр.) приобретает вполне определенную «форму» и может быть эффективно использован в различных структурах (технологических, бюрократических и т.п.). Человеку восточному и в самом деле можно придать любую, самую экзотическую «форму» и он длительное время будет сохранять ее в неизменном виде. В Японии,

Китае и др. соответствующая «форма» надолго становится образом жизни. Что касается русского человека, то ему вообще невозможно придать не соответствующую его сущности «форму» – он всегда остается самим собой.

Специфика образа человека в России определяется целым рядом факторов: географическое положение страны между Западом и Востоком, особенности исторического развития (трехсотлетнее татаро-монгольское иго, упорные попытки вестернизации начиная с Петра I), особая религиозная атмосфера (двоеверие), особенности национального характера (склонность к крайностям, широта души, мессианское отношение к истории и обществу и т.д.), ландшафта (степные просторы и пр.).

Человек в России испытывал противоположные влияния, идущие с Востока и с Запада, но интегрировать такие противоположности можно только в целостном образовании высокого порядка. И такая целостность (совмещение несовместимого) всегда представляла загадку, как для Запада, так и для Востока, ибо она никак не укладывалась ни в какие известные каноны. Но хорошо известно, что на уровне обыденного сознания все непонятное рассматривается как нечто угрожающее, опасное, враждебное, поэтому неудивительно, что образ русского человека вызывал и продолжает вызывать негативную реакцию (наряду с восторженной) во всем мире, причем по разным причинам. С одной стороны, Россию обвиняют во всех мыслимых и немыслимых грехах, пытаясь постоянно менторским тоном поучать ее, как ей надо жить. А с другой стороны, мыслящие деятели Запада испытывают благоговение перед Россией, русской культурой, российским человеком, видя в русской духовности будущее спасение всего человечества. Вот что пишет, например, немецкий философ XX века Вальтер Шубарт: «Запад подарил человечеству наиболее совершенные формы техники, государственности и связи, но он лишил его души. Задачей России является вернуть ее людям. Только Россия способна одухотворить человеческий род, погрязший в вещности и испорченный жаждой власти»⁴³.

Разобраться в причинах такого явления пытались и пытаются многие (Ф. М. Достоевский, И. А. Ильин, В. Шубарт, О. Бисмарк, Наполеон и многие другие), но убедительного ответа так и не было получено, хотя и были высказаны интересные соображения по поводу противоречивости русского человека. Мадам де Сталь так отозвалась о ней: «У этих людей такой характер, что они не боятся ни усталости, ни физических страданий; в этом народе сочетаются

---

⁴³ Величие России. Признание иностранцев в любви к нашему Отечеству. М., 2005. С.1.

терпение и живость, веселость и грусть. В них поразительно соединились противоположные черты характера, и это свидетельствует об их величии, ибо только выдающиеся личности совмещают в себе противоположности; масса же, как правило, безлика»⁴⁴.

Западная цивилизация сформировалась и длительное время развивалась в рамках рационалистических представлений и, соответственно, в образе человека там сформировались такие черты и особенности, которые ориентируют людей на поведение, поддерживающее и стабилизирующее вполне определенный тип социума: стремление к порядку, уважение к власти и закону, незыблемость частной собственности и правовых норм. Образ же человека в России ассимилировал в себе совершенно иные, а зачастую и прямо противоположные западным стандартам черты, которые закрепились в культуре (литературе, искусстве, религии, философии) и со временем превратились в черты национального характера.

Так, некоторые черты образа человека в России возникли как следствие неблагоприятных воздействий татаро-монгольского ига, а именно негативное отношение к собственности и власти, неуважение к праву и пр. Действительно, власть и собственность принадлежали либо иноземным завоевателям, либо тем из своих (князьям и пр.), которые пошли на компромисс с монголами и способствовали проведению их политики. Естественно, что в таких условиях ни о каком праве в его цивилизованном понимании не могло быть и речи. Господствовало только право сильного. И все такие черты, во многом негативные, закрепились на уровне обыденного сознания и даже проникли в подсознание, превращаясь в архетипы и способствуя формированию вполне определенного типа ментальности. Все это нашло отражение в народном эпосе и приобрело характер стереотипов, воплощенных в многочисленных пословицах, поговорках, причитаниях, сказках и т.п. Достаточно вспомнить такие пословицы, как: «Подальше от власти – меньше напасти», «Закон что дышло, куда повернул – туда и вышло», «Трудом праведным не наживешь палат каменных» и многие другие. Понятно, что при такой ситуации совмещение образов человека в России и на Западе оказалось невозможным. Поэтому всякие попытки перенести в Россию нормы и принципы, присущие западному человеку, оказались безрезультатными, на что неоднократно указывали исследователи.⁴⁵

---

⁴⁴ Там же, с.77.

⁴⁵ См.: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991; Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 1997.

На наш взгляд, важнейшими чертами, выражающими специфику образа русского человека, являются повышенная противоречивость и одновременно повышенная тяга, потребность в гармонии. Именно эти две составляющие и образуют в совокупности то, что принято называть «тайной русской души». Первая черта наиболее полно описывается в статье «Русская идея» Н. А. Бердяева, вторая наиболее ярко представлена в творчестве А. Пушкина. Попробуем изложить позиции того и другого, снабдив их комментариями.

Русский народ, – отмечает Бердяев, – в высшей степени поляризованный народ. Он есть совмещение противоположностей: всегда неожиданен, непредсказуем, очаровывает и разочаровывает, восхищает и вызывает ненависть. Любой народ противоречив, но русский – в большей мере. Близко к русским по противоречивости евреи, но и им далеко до русских. Возможно, противоречивость эта – от взаимодействия двух потоков мировой истории – Востока и Запада.

Действительно, наше евразийское происхождение всегда служило поводом для издевательств недоброжелателей. Еще Наполеон говорил: «...поскребите русского – и вы там обнаружите татарина». Гитлер, когда ему доставалось на восточном фронте, с раздражением кричал: «У, татары!». А после Сталинграда он даже вскрикнул «У, калмыки!». Недругам можно привести очень хорошие слова А. И. Герцена, заметившего когда-то, что да – мы татары, да – мы калмыки, но сверх того и прежде всего – мы славяне, мы русские!

Далее Бердяев обращает внимание на соответствие между необъятностью географической и необъятностью, безграничностью русской души. Как следствие – при огромной силе стихии сравнительно слабая форма. В Западной Европе все как раз наоборот: все детерминировано и оформлено, все более конечно. Т. е. стихия выражена меньше, но форма более совершенна, более закончена. Причем, эта большая оформленность проявляется буквально во всем: от манер поведения до возделывания полей и порядка на улицах.

Отличает русского человека от западного и расстановка акцентов. Если Запад упор делает на материальной составляющей, то Россия – на духовной. Неслучайно поэтому главный христианский праздник на Западе – Рождество, когда Иисус телом появился на земле, а главный праздник у православных – Пасха, когда Иисус к Духу Небесному вознесся. И как отмечал академик А. М. Панченко, не случайно в России плохие дороги, но зато есть Л. Толстой.

Еще одно противоречие русской души связано с двумя началами, ее питающими: языческая сила и аскетически-монашеское православие. Это противоречие, в свою очередь, определяет и массу других противоречий, уживающихся в русской натуре: деспотизм, гипертрофия государства – и анархия, вольность; жестокость, насилие – и доброта; индивидуализм, обостренное осознание личности – и коллективизм; национализм – и всечеловечность; искание Бога – и воинствующее безбожие; рабство – и бунт; смирение – и наглость.

О каждом из этих противоречий можно было бы говорить практически бесконечно, но мы остановимся на одном из них: коллективизм – индивидуализм. Россия осталась практически единственной страной, где нет полноценного закона о частной собственности на землю. Было бы наивно объяснять это только кознями коммунистов в Думе. Община, общинное землевладение сохранилось в России вплоть до XX века. Еще в XIX веке немецкие ученые, именно исходя из изучения нашей общины, сделали вывод о существовании первобытно-общинной формации. Община, сход, мир пользовались таким авторитетом, что русский народ даже придумал поговорку «На миру и смерть красна». Ведь не случайно все русские философы, как западники, так и славянофилы, как материалисты, так и идеалисты, как атеисты, так и верующие, были глубоко убеждены, что капитализм в России не пройдет, поскольку он противоречит природе коллективизма, а община сохранится на века. (Достаточно здесь назвать такие имена, как А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Бердяев и др.). Дважды в прошлом веке предпринятые отчаянные попытки фермеризовать всю страну (П. Столыпиным и А. Черниченко) закончились крахом.

Но наряду с этим – повышенное, обостренное чувство индивидуальности, восхищение незаурядной личностью. Если на Западе человек, не вписывающийся в общий шаблон, стереотип, является изгоем общества, отверженным, то в России, напротив, «чудаки украшают мир». Обостренное отношение к индивидуальности привело к тому, что Россия – это не только страна, сохранившая общинные корни, но и общепризнанная родина анархизма и нигилизма. Еще одним противоречием русского духа является противоречие между устремленностью к идеалу и глубоким осознанием невозможности его достижения. Отсюда Россия, с одной стороны, лидирует по количеству святых (практически в каждом регионе присутствует свой святой), с другой, именно в ней прописан образ И. И. Обломова – человека, у которого опускаются руки из-за осознания невозможности достигнуть идеала.

Не повышенная ли противоречивость отраженного в культуре образа русского человека обусловила его повышенную тягу к гармонии? Эта идеальная гармония нашла свое адекватное отражение в творчестве А. С. Пушкина. Именно у него высшее, самое восторженное описание дружбы («19 октября»). У него же и прекраснейший в мировой литературе гимн любви («Я помню чудное мгновенье»). А гармония человека с природой? Мог ли кто-то так воспеть осень? («Осень»). А гармония в отношениях барина и слуги («Капитанская дочка»). А гармоническое отношение воспитанника к своей няне! («К няне»). Но и это не все. Пушкин-историк идет дальше и в своих статьях и дневниковых записях находит удивительно точные слова для гармонического соотнесения западнических и славянофильских тенденций. С одной стороны, «История новейшая – есть история христианства. Горе стране, находящейся вне европейской системы!». А с другой – «Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европою. История ее требует другой мысли, другой формулы». ⁴⁶ Здесь содержится ответ одновременно и западникам, и славянофилам. Но Пушкин в утверждении гармонии идет дальше – он говорит о том, о чем до него не говорил никто – о возможной гармонии между ангелом и падшим ангелом. Напомним стихотворение «Ангел»:

*В дверях Эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.*

*Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.*

*«Прости, – он рек, – тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не все я в мире ненавидел,
Не все я в мире презирал».*

Т. е. демон, впервые увидев ангела, испытывает невольное умиление и просит у него прощения, оправдываясь тем, что он не все ненавидел и не все презирал. Не в этом ли заключена тайна всеобщей любви к Пушкину, что он как никто выразил тайну русской души? Во всяком случае, вряд ли в мире есть более доверчивый народ, чем русский (чем, кстати, не перестают пользоваться разного рода демагоги). И вряд ли есть другой народ, так способный к ассимиляции любой другой культуры, к

---

⁴⁶ Пушкин А.С. Полн. Собр. Соч. В 10 т. Т. 7. С. 100.

самопожертвованию ради людей иных наций. Из сказанного можно сделать вывод, что в современных условиях необходимо прежде всего восстановить образ русского человека, мир его ценностей. А ценности эти, известны – их навеки сохранили для нас лучшие представители отечественной культуры. Хочется закончить наши рассуждения словами одного из них: «Русский народ за свою историю отобрал, сохранил, возвел в степень уважения человеческие качества, которые не подлежат пересмотру: честность, трудолюбие, совесть, доброта... Уверуй, что все было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наше страдание – не отдай всего этого за понюх табаку»⁴⁷.

Постскриптум.

Мне пришлось в этой главе сослаться на Пушкина. Иногда меня обвиняют в неразборчивости цитирования, что я не ограничиваюсь добротными научными изданиями, а привлекаю поэтов, богословов, блогеров из интернета. Дело в том, что я, наоборот, очень разборчив в цитировании, и привлекаю тех, кто помогает мне решить поставленную проблему. Так, я твердо уверен, что без привлечения Пушкина решить проблему тайны русской души невозможно.

Рассмотрение образа западного, восточного и русского человека показывают, что у нас наличествуют черты как запада, так и востока, но мы не относимся полностью ни туда, ни сюда. Когда-то Пушкин с восторгом воскликнул – мы Европа! Я могу с таким же основанием воскликнуть – мы Азия! Когда-то во время защиты диссертации китайки Лиан Лиуй, я отметил, что нас с Китаем многое объединяет. Без даосского принципа надеяния нельзя понять нашего Емельку, который даже к невесте едет, лежа на печи. А без гипертрофированной идеи государства Конфуция нельзя до конца понять культ Иосифа Сталина. После защиты ко мне подошла Лиан и сказала, что она и не подозревала, что у нас такие родственные духовные связи.

Глава 12. Сущность человека

12.1. О трех уровнях сущности человека

Со времен Аристотеля известно, что проникновение в сущность рассматриваемых предметов и процессов является основной задачей философского исследования, и, если философия берется за изучение человека, ей не обойти вопрос о его сущности. Мы обратили внимание на это азбучное для философии положение,

---

⁴⁷ Шукшин В.М. Наказ. Барнаул, 1980. С.1.

поскольку вынуждены констатировать, что все известные нам книги по философской антропологии и человековедению не содержат раздела о сущности человека. Более того, в философской антропологии существует устойчивое мнение, что сущность человека вообще не надо познавать. Так, известный антрополог, заведующий кафедрой философской антропологии Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Б. В. Марков заявляет, что сама попытка определения сущности человека вызывает сомнение, поскольку если бы она удалась, развитию человека был бы положен предел.

Кроме того, в литературе нет единства по вопросу о том, что считать сущностью человека, хотя в то же время считается само собой разумеющимся, что сущность у него есть. Ее предлагают видеть в разуме (античная традиция), в любви (Фейербах), в мазохизме (Захер Мазох), в садизме (Де Сад), в садо-мазохизме (Достоевский), в воле к власти (Ницше), в совокупности общественных отношений (Маркс), в сексуальном порыве (Фрейд), в свободе (Бердяев), в страстях (Фурье)... Главной причиной недостатков существующих определений сущности человека является, на наш взгляд, редукционизм, т. е. экстраполяция, перенос на сущность человека наиболее значимых для той или иной философской школы идей и принципов. Чтобы избежать этой типичной ошибки, мы постараемся придерживаться интегративного, целостного, свободного от односторонности подхода.

При исследовании сущности человека мы будем исходить из следующих методологических положений:

– Сущность человека нельзя искать ни в самом человеке (либидо, воля к власти и т.п.), ни вне человека (бог, совокупность общественных отношений и пр.). Она может быть найдена на стыке того и другого, т. е. в отношении внутреннего мира человека и окружающей среды, в том числе и сотворенных им миров.

– Человек является незавершенным «недостроенным» существом, обреченным на вечные поиски, на выработку своей собственной сущности. Этим в известной мере предопределяются все взлеты и падения человека, его счастье и его трагизм.

– Человек является единственным существом, которое может жить без сущности. Такая ситуация реализуется в условиях искажения связи между конечным и бесконечным, между духовным и материальным. В условиях отчуждения человека его сущность заменяется существованием, и он не ведает, что живет не по своей сущности. Этот случай является типичным для современного общества, на что указывают экзистенциалисты (например, М. Хайдеггер, который ввел специальный термин «сфера «Man»»).

Сама по себе сущность является многоуровневым образованием, в котором могут быть обнаружены более или менее глубокие слои.

Сущностью первого порядка в отношении человека, названной нами «природность человека», будет его биосоциальная природа. Это родовый признак, характеризующий специфику человека, его природу. Человек единственный из всех известных живых существ обладает этим признаком – биосоциальностью, ибо все другие животные есть просто “био”. Именно потому, что природа человека выделяет в нем *существенные* признаки, мы и рассматриваем ее как первый уровень его *сущности*. Противоречие между биологическим и социальным в человеке и является тем сущностнообразующим противоречием, которое не только позволяет глубоко познать природу человека, но которое определяет и все другие противоречия в нем. Какие это противоречия?

Это противоречие между человеческим и божественным (при условии, когда биологическое в нем заглушено). Противоречие между человеческим и животным (при условии, когда божественная составляющая в человеке приглушена). Изучение человека на этом уровне сущности может дать очень много для его понимания. Это тот уровень сущности, который подвластен не только философскому, но и естественнонаучному осмыслению. Его всесторонне исследуют биологи, психологи, медики, физиологи и т.п. Именно исследование соотношения биологического и социального в человеке привело З. Фрейда к его гениальным открытиям, в частности, к утверждению, что социальное не отменяет и не уничтожает инстинкты, а может лишь загнать их вглубь, деформировать. Когда сегодня многие ученые утверждают, что сущность человека состоит в его двойственной, биосоциальной природе, они правы. Но это лишь сущность первого порядка.

Более высокой сущностью, сущностью второго порядка, будет рассмотрение его со стороны родовых функций. При этом среди ученых нет единства по вопросу, какую родовую функцию считать важнейшей. Одни говорят, что это человек разумный, другие – человек чувствующий, третьи – человек играющий, четвертые – человек бунтующий, пятые – человек деятельностный, шестые – человек моральный и т.п. И нет твердого понимания, в каких соотношениях находятся эти функции между собой: в отношении координации или субординации. Эту задачу еще предстоит решить науке. В предварительном плане нам представляется, что важнейших родовых функций, из которых можно вывести все остальные – три. Это: человек чувствующий, человек разумный, человек играющий. Но это еще предстоит детально обосновать. Переход от сущности первого порядка к сущности второго порядка в

этом случае аналогичен переходу от изучения предмета к изучению процесса, который прошли все науки на стадии своей зрелости. Изучение человека со стороны его родовых функций дает гораздо больше знаний о человеке, его судьбе, предназначении, чем исследование его со стороны сущности первого порядка. Но еще более глубокое знание о человеке дает переход к рассмотрению сущности третьего порядка, называемый нами пассионарным уровнем сущности.

Пассионарная сущность, хотя потенциально и заложена в каждом человеке, но актуализируется лишь у натур творческих, страстных, одаренных. Если сущность первого порядка оказывается доступной исследовательским операциям многих наук современного знания, то сущность третьего порядка оказывается доступной и подвластной только высшим формам человеческого духа: религии, искусству, философии. Здесь исследование человека выводится на качественно иной уровень – на уровень устремленности человека в бесконечность, а значит, и в вечность.

Вскрыть сущность, по Гегелю, означает вскрыть сущностнообразующее противоречие исследуемого явления. Если в сущности первого порядка основным сущностнообразующим противоречием будет противоречие между биологическим и социальным, а в сущности второго порядка – противоречие между созерцанием и преобразованием, пронизывающим каждую из родовых функций человека,⁴⁸ то сущностнообразующим противоречием на третьем, самом глубоком уровне рассмотрения сущности человека будет противоречие между бесконечностью духа и конечностью плоти.

Постскриптум.

Я здесь впервые обосновываю необходимость исследования сущности человека, и показываю основные ошибки, которые не дали возможности до сих пор разобраться в этой проблеме. В исследовании сущности человека мне очень помогла методология Гегеля, с его идеей многоуровневости сущности. Я, опять же впервые, выделяю в человеке три уровня сущности, позволяющие наиболее глубоко решить вопрос: природность человека, уровень родовых функций, пассионарный уровень сущности.

---

⁴⁸ См.: Прохоров М.М. В поисках нового мировоззрения. Н. Новгород, 1992. С. 120.

12.2. Противоречие между бесконечностью духа и конечностью тела как главное сущностнообразующее противоречие человека

На пассионарном уровне сущности, к рассмотрению которого мы переходим, основным является противоречие между бесконечностью духа и конечностью плоти. Именно это противоречие, в конечном счете, определяет все взлеты и падения человека, его биографию, его судьбу, его трагизм. То, что именно из этого противоречия надо исходить, когда мы хотим познать самые фундаментальные характеристики человека, давно указывали многие выдающиеся философы всех времен и народов: А. Августин, Н. Кузанский, Л. Паскаль, В. Соловьев, Ф. Достоевский, Н. Бердяев и др. В списке этом мы видим философов только религиозного толка. Видимо, это не случайно, поскольку их обращенность к духу дала им возможность постичь данное противоречие и осмыслить его как наиболее глубокое. Это же противоречие интуитивно постигали и многие поэты, писатели. Суть этого противоречия в том, что телесно человек ограничен: ограничен пространством, в котором он в данный момент обитает, и временем, отпущенным на его жизнь.

Дух же человеческий не имеет ни пространственных, ни временных ограничений. Пространственных, поскольку человек духовно (в мечтах) может перенестись в любое пространство, в том числе и несуществующее. Отсутствие же временных ограничений для души означает не только то, что она может постичь, а, следовательно, и пребывать в любом времени – как прошлом, так и будущем, но также и то, что смерть не властна над духом; духовно человек уже при жизни может обеспечить свое бессмертие. В поэтической форме эта мысль прекрасно выражена Г. Державиным:

*Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь – я раб – я червь – я бог!*

Из признания данного противоречия как наиболее глубинного в человеке вытекает положение о незавершенности, “недостроенности” человека. Незавершенность эта проявляется в постоянной устремленности человека к чему-то высшему, горнему, запредельному, что в принципе и означает обретение человеком своей сущности. В современной психологии эта врожденная ориентация человека на нечто, лежащее за пределами его существующего бытия, называется самотрансценденцией. Именно эта самотрансценденция обусловила появление многообразных сотворенных человеком духовных миров, в которых внутренний

мир человека сочетается с бесконечным внешним миром: мир религии, мир искусства, мир науки и пр.

В отличие от сущности первого порядка, которая замкнута на внутреннем мире человека, пассионарная сущность не может быть замкнута на его внутреннем мире, как и не может быть передана общественным отношениям. Сущность человека – в точках пересечения между его действительным актуальным бытием и никогда не утолимым голодом по иному, грядущему, по тому, что М. Цветаева определила как “тоску по чуду”. В понимании своей несамодостаточности, в необходимости постоянно искать, достраивать себя и состоит жизненная драма человека, равно как и никогда не покидающая его надежда. Несамодостаточность эта схвачена уже в учении Платона об андрогене, поскольку разделение богами андрогена, совмещающего в себе мужские и женские черты, на две половины – на мужчину и женщину – привело к тому, что и тот и другая вынуждены вечно искать свою другую половину, остро ощущая свою недостаточность. Но несамодостаточность человека также и в том, что он все время чувствует свою ущербность, недостроенность по сравнению с Богом. Кроме того, несамодостаточность, недостроенность человека проявляется также и в том, что, ощущая себя бесконечным в своих духовных устремлениях, для которых нет границ, нет преград, человек, тем не менее, многие свои надежды и мечты оставляет нереализованными – в силу конечности своего телесного существования.

Из признания рассматриваемого противоречия основополагающим следует, что сущностными характеристиками являются только те, которые направлены на разрешение данного противоречия, т. е. выполняют функцию связных мостов между духом и телом, реальным и идеальным, конечным и бесконечным, вечным и тленным. Наиболее значимы из них, на наш взгляд, страсти, свобода, творчество и красота. Указанные характеристики, взаимообуславливая друг друга, образуют определенную целостность, составляющую наиболее прочный каркас, основание перекидного моста между противоречивыми сторонами сущности человека, т. е. моста, переброшенного в бесконечность и соединяющего дух человеческий с духом природы через промежуточную ступень – культуру, являющуюся второй природой.

Постскриптум.

Когда я стал обосновывать данное противоречие, правоверные марксисты набросились на меня, утверждая, что главным сущностнообразующим противоречием человека является противоречие между биологическим и социальным. Пришлось объяснять им, что такое противоречие действительно присуще

человеку, но оно характеризует лишь внешний, наиболее очевидный уровень исследования человека. Иными словами, и в этом вопросе марксизм показал себя заурядной философией, так и не усвоившей великое множество того ценного, что накопила мировая философская мысль.

12.3. Страсти как сущностная энергетика человека

Рассмотрение сущностных черт человека логично начать со страстей, ибо они ближе всего лежат к точке контакта материального и духовного миров, рационального и иррационального, биологического и социального. Понятие “страсть” отсутствует в философских словарях и справочниках. В словарях же русского языка этимология слова “страсть” выводится из разных источников, но все они толкуют страсть как “сильно выраженное чувство”, “крайнее увлечение”, “сильную любовь с преобладанием чувственного влечения”. Все это с наречиями “очень”, “крайне”, “чрезвычайно”.

Страсть есть онтологическая данность человеческого бытия, человеческой жизни, человеческой судьбы. Страсть, с нашей точки зрения, не может рассматриваться как только внешнее выражение активного действия, как проявляемая вовне навязчивая одержимость. Это, конечно, тоже страсть. Но вселенная бытия страсти – это и сосредоточенное молчание мудреца, отказавшегося от активного делания и переделывания мира, и затворничество монаха, порвавшего связи с суетой, считающего, что он отрешился от всех страстей, и не замечающего того, что именно он является верным слугой страсти (вспомним «Отца Сергия» Л. Толстого). Главный показатель наличия страсти – это то, что здесь человек не играет, не изображает, не пытается казаться; здесь нет или почти нет дистанции между «Я» и ролью, которую «Я» играет.

В психологии страсть понимается как длительная, устойчивая эмоция. Страсти действительно вне и без эмоций не существуют. И, тем не менее, мы различаем эти два понятия. Страсть всегда есть продолженная, усиленная и, главное, интеллектуализированная эмоция. Эмоция есть состояние первичное, необработанное, она – создание природы, непосредственный результат нашей организации. Для возникновения страстей необходимы мышление, разум, фантазия.

Итак, *страсть есть сложное многодетерминированное образование, в котором слиты воедино эмоции, чувства – с одной стороны, а также воображение, интеллект, ценности и идеалы – с другой.* Страсти – это то, что, устремляя человека ввысь,

позволяют ему тем самым максимально реализовать себя. Будучи сплавом потребностей, эмоций, чувств, воображения, страсти позволяют человеку предугадать перспективы своего жизненного бытия. Как писал К. Гельвеций: «орлиный взор страстей проникает в туманную пропасть будущего, равнодушные же слепо и тупо от рождения»⁴⁹. В этом смысле страсти есть сущностные силы человека. Ничто так не индивидуализирует человека, как страсти.⁵⁰

В рационалистически ориентированной философии страсть трактуется как помеха, препятствие на пути к истинному познанию: человек обязан был преодолеть страсти, чтобы приблизиться к мудрости. Мы же рассматриваем страсти в качестве важнейшего элемента сущности человека. Это значит, что в человеке, его сущности помимо рационального присутствует и иррациональное начало. Это значит также, что человек не может быть познан только рационалистическими методами.

Таким образом, в условиях отсутствия страстей реализация сущности человека невозможна. Этот факт, кстати, уже неоднократно отмечался в истории философии. «Быть чувственным, значит быть страдающим. Поэтому человек как предметное, чувственное существо есть страдающее существо; а так как это существо ощущает свое страдание, то оно есть существо, обладающее страстью. Страсть – это энергично стремящаяся к своему предмету сущностная сила человека», – отмечал К. Маркс⁵¹. По мнению Гегеля, «Без страсти никогда не было и не может быть совершенно ничего великого. Только мертвая и весьма часто лицемерная мораль выступает против формы страсти как таковой». Эти мысли Маркса и Гегеля получили свое подтверждение в современной науке. Л. Н. Гумилев людей, обладающих повышенной активностью, назвал пассионариями (страстными), приписав им ведущую роль в творении материальных и духовных ценностей. Однако непреодолимая устремленность человека к духовным вершинам при определенных условиях может иметь и негативные последствия. Здесь может произойти нарушение механизмов приспособления человека к материальному миру, которые вырабатывались на протяжении многих миллионов лет. Гумилев, говоря о пассионариях, прямо указывал на то, что их деятельность нередко оказывается направленной против инстинкта самосохранения. Практически это означает, что такие люди

---

⁴⁹ Гельвеций К. Об уме. М., 1938. С. 178.

⁵⁰ См.: Складов В. А. Мораль в пространстве человеческой культуры, – Лики морали / Под ред. В. Л. Обухова. СПб., 1996. С. 19–20.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 632.

действуют вопреки своей собственной биологической природе, чем могут нанести вред как самим себе, так и окружающим. Мы знаем, сколько зла творилось во имя достижения великих целей и идеалов. Сказанное ни в коем случае не отменяет общеизвестную позитивную роль гениев и пассионариев. Мы обратили здесь внимание на другую сторону вопроса лишь для более целостного, объективного его понимания.

Страсть, совпадающая с социальными нормами, моралью, культурой, в которой человек живет, создает галерею позитивных проявлений в виде научного творчества, занятий искусством, трудовой деятельностью и т. п. Однако в обществе могут быть и такие социальные нормы, которые носят деструктивный характер. Наличие таких норм особенно характерно для переломных моментов истории, всякого рода кризисных ситуаций. Сегодня мы являемся свидетелями того, как страсть к наживе, обогащению, деньгам стимулирует развитие мафиозных структур буквально на всех уровнях социальной организации. Когда массовая культура захлестывает страну и выдвигает свои нормы, присущие человеку-массе, низменные страсти, такие как наркомания, проституция, алкоголизм, активизируют процессы, ведущие к деградации человеческой личности. Если в позитивных страстях выражается индивидуальность идеалиста, романтика, чьи мечты опережают время и наличное бытие, то с не меньшей силой в обществе проявляется и другая тенденция – в нем могут жить и процветать страсти деструктивные, разрушительные. И здесь вступает в силу предложенный П. Сорокиным закон социальной балансировки, связанный с искусством нейтрализации того, что может нести в себе гибельные для общества и человека тенденции⁵².

Хотя диалектика возвышенных и низменных, положительных и отрицательных страстей достаточно сложна, тем не менее, нами предложен критерий для разграничения и противопоставления отрицательных и положительных страстей. Страсть, направленная на гармонию, созидание, получила, исходя из традиций культуры, название “любовь”. Страсти же, направленные на дисгармонию, на разрушение, получили соответственно название “вражда” или “ненависть”. Любовь здесь имеется в виду в предельно широком, философском ее звучании: любовь к истине, добру, красоте, любовь к родине, к природе, к человеку. Еще в античности Эмпедокл обратил внимание на то, что любовь соединяет, а вражда разъединяет.

Все что-нибудь действительно стоящее может быть основано только на любви. М. Горький был прав, утверждая, что все самое

---

⁵² См.: Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1993.

прекрасное на земле создано из любви мужчины к женщине. Это же отнесется и к сущности человека, которая не может быть реализована без любви. Ведь только любовь делает человека подлинно богатым, только любовь высвечивает в человеке его собственную индивидуальность и неповторимость, только любовь по-настоящему гармонизирует отношения человека с миром, его окружающим. Значение любви в становлении человеческой сущности глубоко было проанализировано Э. Фроммом в его работе «Искусство любви». По его мнению, любовь – одна из немногих сфер, в которой человек способен почувствовать и пережить свою абсолютную незаменимость. Именно в этой сфере жизни индивид имеет высшую ценность. Только в любви человек может почувствовать смысл своего существования для другого и смысл существования другого для себя. Будучи высшим смыслом существования человека, любовь помогает проявиться, развиваться всему самому лучшему, ценному в нем. Любовь – одно из проявлений свободы. Никто не может заставить любить ни другого, ни самого себя. Она основа самой себя.

Но любовь выступает как созидательная сила только в рамках определенной меры, нарушение которой сопровождается разрушительными, деструктивными последствиями. Так, любовь к своему отечеству за определенными рамками обращается в национализм, а безмерная, всепоглощающая любовь к Богу может быть доведена до презрения к самому себе и окружающим. И даже половая любовь, по существу своему призванная объединять людей, зачастую может их разъединять, если человек любит свою любовь, т. е. собственный субъективный мир переживаний больше, чем того, кто вызвал эту любовь, что оборачивается практическим безразличием к его судьбе (так называемая «сентиментальная» любовь). Такая любовь приводит к трагической развязке, хотя и романтически окрашенной (вспомним произведения И. Тургенева, А. Бунина и др.)

Мы отметили, что любовь переходит в свою противоположность – в ненависть при нарушении закона меры. Но ведь любовь – страсть, а страсть не поддается измерению: ее нельзя разметить, дозировать, вставить в рамки. Значит, выходит, что любовь всегда не только созидание, но и разрушение, не только добро, но и зло? Нет, мы так не считаем. Необходимым условием перехода позитивных страстей в разрушительные, любви в ненависть является несвобода, насилие. Именно несвобода, насилие, порождает негативные, разрушительные страсти, которых приходится бояться и сдерживать (при помощи еще большего насилия). В условиях же свободного развития страсти, о чем свидетельствует наука (педагогика и психология) и искусство,

выступают в качестве созидающей, объединяющей силы. Переход любви в ненависть чаще всего обусловлен несвободой, насилием, страхом.

Здесь можно сделать и более общий вывод: когда в обществе у больших социальных групп вдруг появляются безумные, разрушительные эмоции и страсти, это является свидетельством неблагоприятного, несвободного положения этих групп, игнорирование властями их интересов. Хотя положительные и отрицательные страсти существуют всегда в единстве, но в разные эпохи и у разных людей большее значение приобретают те или другие, что связано с характером эпохи и уровнем культуры. Любовь и ненависть по-разному определяют становление сущности человека. Поскольку в отечественной педагогике упор делается на воспитание позитивной личности, постольку вполне допустимо впрямь, называя важнейшие сущностнообразующие характеристики, говорить не о страсти вообще, а о ее позитивной составляющей – любви.

Постскриптум.

В 70-е годы я учился в аспирантуре вместе с Виктором Склярком. Затем судьба разлучила нас, и мы встретились только в 90-е годы. И вот, что я узнал. Он для исследования выбрал тему страстей. Но в эпоху развитого социализма ему запрещали публикации по этой теме, поскольку страсти не входили в список категорий марксистско-ленинской философии. (Сколько талантливых людей загубили идеологи марксизма, относясь к своей философии, как к Священному Писанию). В начале перестройки он смог опубликовать несколько статей. А затем, когда из-за резкого обнищания женщины стали выходить на демонстрации с пустыми кастрюлями, а правители стали утихомиривать народ – «Поменьше эмоций!», ему опять запретили публиковаться, хотя он очень хотел объяснить властям, откуда вдруг у народа возникает столько эмоций.

Мое общение с Виктором позволило мне понять, насколько важны страсти (любовь, ненависть) для самореализации человека. Я здесь пишу любовь и ненависть через запятую, исходя из крылатой фразы Некрасова: «То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть».

12.4. Свобода и творчество как необходимые условия становления человеческой сущности

Любовь невозможна вне и без свободы хотя бы потому, что «насилно мил не будешь». Лишь в условиях свободы человек может

реализовать чувство любви. Несвобода является губительной для любви, что со времен Ромео и Джульетты знает каждый. Свобода же, в свою очередь, связана с творчеством, поскольку она полагается как созидательная, творящая сила. Но свобода и творчество не только важнейшие ценности, к которым вечно стремится человек, они еще и условия реализации его сущности. В условиях отсутствия свободы человек не может выявить, развить свою индивидуальность.

В западноевропейской философской традиции, идущей еще от Спинозы и Гегеля, свобода понимается как осознанная необходимость. Близка к этому идея общественного договора французских философов XVIII века, по которой свобода понималась как свод определенных правил, ограничивающих личную свободу каждого, чтобы дать каждому необходимый минимум свобод. В русской духовной традиции свобода понимается несколько иначе. *Свобода есть способность и возможность индивида максимально реализовать свою природу, свою сущность*, т. е. свобода здесь предполагает две составляющие: с одной стороны, это признание самим индивидом свободы в качестве высшей ценности, ради которой личность способна идти на любые жертвы, и, во-вторых, это минимум необходимых внешних условий (т.е. демократический режим), создающих “режим наибольшего благоприятствования” для самореализации индивида.

В этой паре – внешние и внутренние предпосылки – важнейшей является именно внутренняя предрасположенность к свободе, т. е. истинно свободен не тот человек, который живет в условиях демократии и гарантированных прав человека, а тот, для кого свобода составляет высшую ценность и кто ради нее способен идти в “вечный бой”. Эту закономерность бытия свободы впервые четко сформулировал И. В. Гете в следующих строках:

*Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день идет за них на бой!*

Вне страстей невозможна реализация свободы, поэтому приведенные слова Гете не просто красивая поэтическая метафора, а объективный закон, который, вполне возможно, когда-нибудь войдет в школьные программы как “закон свободы, сформулированный Гете”. Дело в том, что как бы ни были детально разработаны права и свободы человека, они не могут быть применимы ко всем, поскольку все люди обладают индивидуальностью, неповторимостью, исключаящей их подведение под всеобщую схему. Когда-то Будда предлагал своим ученикам найти в парке два одинаковых листа. Но никогда никто не мог этого сделать. Если нет в природе, даже на одном и том же

дереве, двух одинаковых листиков, то тем более следует признать, что в мире нет и не может быть двух одинаковых людей. Это значит, что самореализация индивидом своей сущности протекает у каждого специфическим образом и не может быть вмещена в жесткие рамки общепринятых правил, законов. Это значит также, что личность в процессе этой самореализации неминуемо вступает в определенный конфликт (борьбу) с устоявшимися, принятыми всеми догмами. Именно поэтому свобода реализуется через борьбу и именно поэтому формула свободы Гете действительна для всех времен и народов.

Свобода – не изобретение человечества, она задана самим миром природы, Космосом. Тот общеизвестный факт, что нет двух абсолютно одинаковых людей, вещей, процессов, состояний – есть безусловный мандат ее бытия. Вне свободы, осуществляющейся в бесконечном многообразии мира, не было бы возможным и само его существование. Достоинно внимания глубоко оригинальное суждение русского философа А. С. Хомякова, который свободу ставил выше Бога. Для свободы не может быть авторитета ни в церковной иерархии, ни в Боге – сам Бог не есть авторитет для свободы, ибо Бог, согласно Хомякову, и есть свобода и в свободе лишь может он раскрыться. Свобода тотальна, она есть краеугольный камень сущности человеческого бытия. Свобода есть не право, а обязанность человека. Не человек требует от Бога свободы, а Бог требует ее от человека. Свобода есть бремя и тягота, которую нужно нести во имя высшего достоинства и богоподобия человека. Бог принимает только свободных духом, он не принимает рабского поклонения – таков пафос рассуждений русского философа. Эта идея была поддержана и развита Н. А. Бердяевым в его понимании «*Ungrund*», в котором свобода понимается как первооснова всего сущего: “Подлинная свобода есть выражение космического (в противоположность хаотическому) состояния вселенной, ее иерархической гармонии, внутренней соединенности всех ее частей”. Через свободу человек как бы творит мир и в этом плане даже превосходит Бога, ибо мир, им созданный, начинает переделывать по образу и подобию своему. Такой подход Бердяева вызвал резко отрицательную реакцию со стороны теологов разных стран.

У Ильина эта мысль выражена еще отчетливее: “Свободен не тот человек, который предоставлен сам себе, которому нет ни в чем никаких препятствий, так что он может делать все, что ему придет в голову. Свободен тот, кто приобрел внутреннюю способность созидать свой труд на материале своих страстей и своих талантов”⁵³.

---

⁵³ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 174.

Здесь творчество и свобода оказываются теснейшим образом связанными друг с другом и со страстями. Таким образом, *творчество есть постоянный поиск нового, созидание нового, лично или общественно значимого, где человек надеется обрести свободу, т. е. в конечном счете, самого себя.* Ведь именно реализация всех заложенных в человеке потенциалов, максимальное их раскрытие и есть главная задача свободы.

Свобода и творчество, как и все сущностнообразующие характеристики, выступают не только со знаком “плюс”, но и со знаком “минус”, поскольку свобода может быть и созидающей, и разрушающей силой. Мы уже знаем, к чему приводит «творческая свободная деятельность» на таких объектах, как атомные электростанции. От творчества в сфере государственного управления неоднократно предостерегал в свое время П. Столыпин, говоря, что всякие радикальные преобразования в этой области неизбежно приведут к великим потрясениям. К сожалению, его прогнозы блестяще оправдались в «эпоху перестройки».

Постскриптум.

О свободе, как необходимой предпосылке самореализации личности писали многие мыслители, особенно русские, для которых свобода не только выше Бога (о чем писали славянофилы и Бердяев), но даже выше и счастья: «Дайте волю, волю, волю, и не надо счастья мне». (М. Ю. Лермонтов).

Суммируя многие высказывания, я в то же время показал, в каких профессиях, в каких случаях свобода может быть не только добром, но и злом.

12.5. Красота как мост между идеальным и реальным миром

Здесь дается авторское понимание сущности человека, основанное, разумеется, на усвоении человеческого опыта. Любовь как сущностная характеристика человека обосновывалась Л. Фейербахом, страсти – Ш. Фурье, свобода и творчество – Н. А. Бердяевым и экзистенциалистами. Что касается красоты, точнее прекрасного, то, насколько нам известно, никто не включал его в сущностные характеристики человека – не только философы, но и культурологи. Исключение здесь составляют лишь представители так называемого российского серебряного века, но на них – в плане философского осмысления – никто до недавнего времени не обращал серьезного внимания. Необходимость включения прекрасного в сущностные характеристики человека связана, прежде всего, с тем фактом, что красота, прекрасное органически взаимосвязано с любовью, свободой и творчеством. Связь

прекрасного с любовью лучше всего схвачена в известной формуле М. Горького, приведенной выше. Единство свободы и красоты обосновывалось Бердяевым, указавшим, что красота, как и свобода, связывает материальный мир с духовным, в известном смысле гармонизируя их. Красота неотделима и от творчества: там, где нет творчества, нет и красоты. В этом плане красота противоположна утилитарности, на что указывал И. Кант, отмечая, что эстетическое восприятие полностью исключает корысть, утилитарность. Можно, конечно, поспорить со столь категорическим утверждением, но то, что проблема здесь есть, не вызывает сомнений.

Достаточно ли указание на связь красоты с любовью, творчеством и свободой для ее включения в сущностнообразующие признаки человека? Наше убеждение вытекает из самого определения прекрасного как соответствия реального идеальному. То есть прекрасное, как и вообще сущность человека, находится на стыке внутреннего и внешнего, идеального и реального. Поскольку сущность человека находится на стыке его внутреннего и внешнего по отношению к нему мира, постольку можно утверждать, что не только сам человек, но и мир в целом не достроен, не завершен. Идеальное и есть тот рычаг и тот план, по которому свободный человек в творческом горении переделывает мир, его не устраивающий.

А коль концентрированной областью прекрасного является искусство, значит, ничем не заменима его роль как в становлении сущности человека, так и в творческом преобразовании мира по образу его. Эта задача выражена известным деятелем серебряного века Ф. Сологубом в следующих словах: “Искусство – это беспредельное устремление из мира действительности в мир мечты... Искусство должно пересоздать мир в духе и плоти. Первая ступень – создать мир в видениях искусства наперекор действительности жизни. Вторая ступень – пересоздать плоть мира, саму жизнь, – превратить действительность в восторг, уничтожить грань между должным и сущим, слить их воедино так, чтобы мир жизни был так же радостен и эстетичен, как мир искусства... Религия перестала отвечать современной душе, философия убита точными науками, и мятущейся человеческой душе остается искусство, которое возродит мир”⁵⁴.

Если человек безразличен к прекрасному, глух к нему, это значит, что перед нами отчужденный человек, отчужденный от своей собственной сущности. Но и превышение меры может так же отрицательно сказаться на сущности человека. В этом случае его эстетические качества выливаются в эстетство: гипертрофированное

---

⁵⁴ Эрос. Россия. Серебряный век / Сост. А. Щуплов. М., 1992. С. 281.

внимание к своему духовному миру при снисходительно-брезгливом отношении к миру окружающему, как несравненно более низкому. Таким образом, и в прекрасном, как и во всех других сущностнообразующих сторонах человека, крайне важна мера. Нарушение ее в ту или иную сторону приводит либо к превращению положительных характеристик в отрицательные, либо к превращению сущности в существование.

Высшие проявления человеческой сущности обычно фиксируются в виде наиболее значимых результатов в различных сферах человеческой жизнедеятельности – в виде произведений литературы и искусства, философских и научных трактатов, религиозных текстов и т.п. Почти в каждом из них мы встречаем компоненты человеческой сущности (свободу, страсти, творчество, красоту, любовь). Интегрированность сущностных характеристик человека не исключает доминирование одних над другими. Сущностные характеристики человека структурируют его внутренний мир, делая его уникальным, неповторимым.

Сущность человека не ограничивается только четырьмя указанными характеристиками, она обнаруживается более разнообразными способами (например, разумностью, моральностью, сексуальностью и т.п.). Но именно рассмотренные здесь характеристики являются важнейшими. Что это действительно так, убедительно было показано Вл. Соловьевым в книге «Жизненная драма Платона». Здесь автор пишет об особом месте Федра и Пира в творчестве Платона: если прежде центром внимания последнего были размышления о гносеологических и метафизических вопросах, то здесь – любовь. Соловьев справедливо отмечает дуалистический идеализм Платона, по которому в телесной и практической жизни нет ничего подлинного и достойного, все подлинное и достойное пребывает в своей чистой идеальности за пределами этого нашего мира. И нет моста между мирами. Но, пишет далее Соловьев, произошло нечто иррациональное: явилась третья сила, имя ей – Эрот, а должность – строить мост между небом и землей. Когда Эрот (не бог, а посредник, строитель мостов) входит в человека, он преображает его: влюбленный ощущает в себе новую силу бесконечности, он получает новый великий дар. Этот дар направлен на то, чтобы саму смертную природу сделать бессмертной. Здесь возникает соперничество двух сторон или стремлений души – высшей и низшей – какая из них в свою пользу обратит силу Эроса? Если Эрос животный, подчиняясь стихийному влечению, воспроизводит жизнь в телах, непрерывно умирающих, то человеческий Эрос имеет

целью воскрешение жизни навеки в телах, отнятых у материальных процессов⁵⁵.

Как понимать приведенные рассуждения Соловьева? Влюбленный человек ощущает в себе такой наплыв великих сил, который позволяет ему творить красоту, и красота эта, оставаясь на земле вечно, снимает противоречие между миром реальным (земным) и идеальным (потусторонним), между духом и телом (духовная красота получила телесное воплощение), между вечным и тленным, обеспечивая бессмертие человека уже при жизни (в творениях его), что означает одновременно нахождение человеком своей сущности. Итак, именно Любовь является той силой, которая посредством Свободы и Творчества создает Красоту, что одновременно означает наведение мостов между духовным и телесным, реальным и трансцендентным.

Постскриптум.

Красоту, по-моему, никто еще не выдвигал в качестве условия реализации человеком своей сущности. Пусть потомки оценят правильность его; мне кажется, что я прав. В этой связи вспоминается интересный случай. В середине 90-х гг. нас с Р. А. Зобовым пригласили в Москву для возможного написания совместно с иностранными авторами учебника человековедения для университетов мира. Мы приехали со своим макетом учебника. И, обсуждая его, американский профессор спросил меня, где это вы взяли основные черты, способствующие реализации сущности человека? – Я их придумал. – Мне они нравятся, а сможете ли Вы их обосновать? Мне они тоже нравятся, поэтому если мы начнем совместную работу, я постараюсь их обосновать. Но тогда мы не нашли общего языка. Иностранные авторы предлагали взять из нашего макета лишь несколько тем, мы же предлагали наш учебник сделать базовым для лекционного курса, а их материал, как более приземленный, использовать на семинарских занятиях. (У русских собственная гордость).

12.6. Сущность и существование

Проблема сущности всегда рассматривается в контексте существования, т. е. такого состояния, когда человек в силу ряда причин объективного и субъективного толка оказывается неспособным реализовать свою индивидуальность и живет по шаблону, стереотипу, а не по своей сущности. Потеря человеком своей сущности в этом случае называется отчуждением.

---

⁵⁵ Соловьев В.С. Жизненная драма Платона // Русский эрос или философия любви в России / Под ред. Г. И. Дзюденко. – М., 1991. С. 77–91.

Классическая философия в лице Гегеля четко обозначила проблему отчуждения, а в лице Маркса дала развернутый анализ ее в рамках социального бытия человека. Именно неприятие Марксом овеществления природы человека, утраты им своей сущности в процессе трудовой деятельности обеспечило непреходящее значение его учению. Но жизнь внесла коррективы в учение Маркса. Во-первых, обнаружилось, что ликвидация частной собственности не привела, как ожидалось, к устранению отчуждения человека от своего труда и своей сущности. Общественная собственность на поверку оказалась ничьей собственностью, что породило новые предпосылки для отчуждения, никак не меньшие, чем прежние. Во-вторых, было установлено, что проблема отчуждения не может быть решена только в рамках социально-экономического фактора: для полноты ее понимания требуется исследование и внутренних факторов. Именно на них и обратила внимание философия XX века. *Отчуждение есть имманентное, т.е. внутренне присущее, меняющее лики и одеяния состояние человеческого духа, подтверждающее вновь и вновь отмеченную выше идею незавершенности, недостроенности человека, обрекающую его на вечные мучительные поиски своей сущности.*

Исходя из предложенного разделения сущности человека на три уровня: уровень биосоциальной природы, уровень родовых функций и уровень пассионарной сущности, мы предлагаем свое возможное осмысление проблемы отчуждения. Нужен системный подход, учитывающий специфику каждого уровня сущности.

Сущность первого порядка, или биосоциальная природа человека, является неотчуждаемой в том смысле, что биосоциальная природа человека есть его родовой признак. Это есть неотъемлемая (значит, неотчуждаемая) характеристика человека любой эпохи и цивилизации. Исключения здесь могут быть сделаны только для младенцев, не обретших еще своего социального статуса, и для душевнобольных, в силу трагических событий его потерявших. При этом биологическая составляющая их сохраняется. Чисто умозрительно возможна и противоположная ситуация: социальность без биологичности (вспомним, например, говорящую голову профессора Доуэля), но это уже из области фантазий.

На втором уровне сущности, на уровне родовых функций, проблема отчуждения проявляется уже более явно. Так, мы знаем людей деятельных, но не моральных, или моральных, но не деятельных, или моральных и деятельных, но не очень разумных.

Картина еще более усложняется при переходе к рассмотрению сущности третьего порядка, являющейся главным предметом

рассмотрения данной темы. Дело в том, что при переходе от сущности одного порядка к сущности другого порядка мы поднимаемся к сущности, на порядок более высокой. На нашем уровне рассмотрения речь идет фактически об элитарной сущности, сущности, потенциально предзаложенной в каждом человеке, но реально актуализирующейся лишь у ничтожного меньшинства: гениев, пассионариев, натур увлеченных, способных, талантливых. То есть у тех, кто оказывается действительно способным прорвать узкий горизонт своего повседневного бытия, слиться с бесконечностью и в продуктах своего творчества обрести вечность. Иными словами, именно здесь проблема отчуждения имеет почти всеобщее проявление, характеризуется особой массовостью, а значит, и актуальностью.

Попробуем продемонстрировать это на примерах. Напомним, что основными характеристиками на этом уровне сущности как раз и являются те, кто “строят мост” между миром телесной ограниченности человека в пространстве и во времени и миром бесконечных возможностей и притязаний его духа, где царствуют Любовь, Свобода, Творчество и Красота. Действительно ли, что эти характеристики присутствуют в душе у каждого и каждый имеет о них представление, мечтает о них, но далеко не каждый способен их реализовать?

Мы уже писали выше о свободе, о том, что люди фактически обречены на нее, но в то же время боятся, чураются ее, поскольку она предполагает способность человека брать на себя и довольно высокий уровень ответственности. Многие не хотят этого, добровольно предпочитая конформизм. Подлинно свободный человек, т.е. человек, живущий не по стереотипу, вызывает подозрение у окружающих и должен быть готов к жизни в одиночестве. Это также пугает многих. Э. Фромм убедительно показал, что тоталитаризм, т. е. подавление независимости и “свободы воли” – результат не только террора властей, но и неспособности миллионов людей ценить и любить свободу, что и делает их, в конечном счете, соучастниками злодеяний. В не меньшей степени, чем боязнь свободы, отчуждает человека от его сущности и неумение любить. Роль любви в преодолении отчуждения довольно обстоятельно исследована Фроммом. Человек, пишет Фромм, воспринимает себя как отдельное существо, рожденное не по своей воле и вопреки своей воле умирающее. Ощущение собственного одиночества, бессилия перед силами природы и общества делает его отчужденное и разобщенное существование невыносимой тюрьмой. Человек пытается найти выход из мучающего его одиночества в алкоголизме, наркомании, сексе, конформизме. Но после алкоголя и наркотиков человек

испытывает еще большее одиночество и еще большую потребность в затуманивании. Сексуальный акт без любви никогда не может перекинуть мост над пропастью, разделяющей два человеческих существа. И только в любви как межличностном единении, слиянии моего “Я” и “Я” другого человека достигается подлинное, а не мнимое снятие отчуждения⁵⁶.

Сказанное о любви имеет непосредственное отношение и к прекрасному. Когда-то Маркс справедливо заметил, что измученный заботами человек не замечает даже самого прекрасного зрелища. Так как большинство людей считает для себя предпочтительнее конформистское существование, жизнь по шаблону, то и в области прекрасного массы довольствуются суррогатами, так называемым “массовым” искусством, часто далеким от подлинной красоты, а то и просто эстетизирующим безобразное. Отчуждено большинство людей и от творчества. Как показывают социологические исследования, проводимые Научно-исследовательским институтом комплексных социальных исследований при Санкт-Петербургском государственном университете, лишь 7 % первокурсников способны к творческой деятельности, т.е. к принятию нестандартных решений в нестандартных ситуациях⁵⁷. Причем, во-первых, способность к творчеству далеко не всегда автоматически означает ее реализацию и, во-вторых, процент способных к творчеству людей имеет тенденцию к постоянному снижению по мере взросления человека. Итак, отчуждение человека от своей сущности не относится к сущности первого порядка, к биосоциальной природе человека, имеет частичное значение применительно к сущности второго порядка, но имеет почти тотальное проявление, когда мы переходим к сущности третьего порядка. Причем все основные характеристики здесь взаимосвязаны и не творческий человек не может быть свободным, а отсутствие свободы предопределяет и невозможность подлинной любви. Каждый из нас должен знать, что существует не только тот уровень сущности, в котором человек пребывает по роду своему, но и тот, достижение которого для него не заказано. Путь его обретения – обращение к культуре человечества, являющейся коллективной, общечеловеческой душой.

Постскриптум.

Поскольку я впервые вскрываю в человеке сразу три уровня сущности, постольку и отчуждения от сущности приходится

---

⁵⁶ Фромм Э. Искусство любви. – М., 1990. С. 22.

⁵⁷ Келасьев В.Н. Интегральная концепция человека. – СПб, 1992. С. 155.

рассматривать отдельно на каждом уровне сущности. Насколько это обоснованно – судить не мне.

Глава 13. Тело и душа человека как выражение природного и духовного начал мира

13.1. Человек как микрокосм.

Философия как наука сугубо творческая, есть всегда прорыв в неизвестное. Открытия, которые мы ожидаем, связаны с задачами, которые мы ставим перед собой. Конечно, открытия на то и открытия, что их невозможно полностью прогнозировать, в них всегда присутствует элемент неожиданности, непредсказуемости, случайности. Но ведь известно, что природа, в конечном счете, отвечает именно на те вопросы, которые ставит исследователь.

Какие вопросы мы ставим перед собой в ходе данного исследования? Какова наша методология?

В методологическом плане мы будем исходить из положения древних о том, что есть две вселенных: большая Вселенная или макрокосм – весь окружающий нас мир, и малая вселенная, или микромир – сам человек. При этом большая и малая вселенные устроены аналогичным образом, и это значит, что в природе нет ничего, чего не было бы в человеке, а в человеке нет ничего, чего не было бы в природе. И зная природу, мы лучше познаем человека, а зная человека – лучше узнаем природу. Это, в свою очередь, означает, что правы философы, утверждавшие, что человек есть точка пересечения всех планов бытия (Н. А. Бердяев), что он представляет собой конспект мира (П. Флоренский). И если душа человека есть частичка, конкретное проявление мирового духа, то его тело есть концентрированное выражение всего, что содержится в природе.

В исследовании нас интересует не форма тела, как художника, и не его содержимое (кости, мышцы, сухожилия), как врача. А что же? Нас интересует, действительно ли тело человека есть самое богатое выражение всех характеристик природы; что оно взяло от природы, и что при изучении тела человека мы можем нового узнать о природе? Небо, горы, облака, океаны, леса, поляны, цветы, птицы, звери – что все они передали человеку? Что у него от всего этого?

Данная работа в известном смысле является апологией тела. Ведь традиционно сложилось представление, что в человеке есть как низменное, так и возвышенное, как тленное, так и бессмертное, как безобразное, так и прекрасное. При этом первые характеристики обычно относят к телу человека, вторые – к его душе. Но тело не может быть ничтожным, малозначащим, ибо оно

есть выражение всего великого, что содержится в природе, оно есть наиболее яркое воплощение красоты и могущества природы. Платон как-то заметил, что прекрасно звездное небо, но еще прекраснее глаза девушки, в которых это небо отражается. Но если действительно правда, что человек есть самое совершенное творение природы, то правы ли те мудрецы, включая и Платона, которые говорили о ничтожности тела человека по сравнению с душой? Может ли быть ничтожной Природа, а также самое совершенное, самое богатое творение ее?

Учение о параллелизме, известном тождестве микрокосма (малой вселенной) и макрокосма (большой Вселенной) уходит в глубокую древность. Неразрывная связь понятий Человек – Вселенная констатируется в известном тезисе Гермеса Трисмегиста «Все во всем, что наверху, то и внизу». Развернутое учение о глубоком сходстве микро- и макрокосма представлено у Пифагора. Надпись над дельфийским храмом «Познай себя самого и ты узнаешь Вселенную и богов» – исходное положение пифагорейского учения. Пифагор был убежден, что «наука чисел была наукой живых сил, божественных качеств в действии, как в мирах, так и в человеке, как в макрокосме, так и в микрокосме». Т. е. наиболее глубокие законы одинаково применимы как к человеку, так и ко всей Вселенной. Человек может познать мир постольку, «поскольку существует между ним и остальным миром гармония, единение, общее начало». Пифагор первым заметил, что малая вселенная полна бурь и несогласий, а задача состоит в том, чтобы осуществить в ней единство гармонии. «Проявленный мир – тройственен, ибо как человек состоит из 3 различных элементов, сплавленных вместе, из тела, души и духа, также и Вселенная делится на 3 концентрические сферы: мир естественный, мир человеческий и мир божественный. Т. о. закон троичности есть образующий закон вещей и истинный ключ жизни. Ключ этот раскрывает внутреннее строение Вселенной, он же указывает и на бесконечные соотношения между микрокосмом и макрокосмом».⁵⁸

Утверждение параллелизма макрокосма и микрокосма характерно для натурфилософии досократиков. У Демокрита впервые встречается сочетание «человек – это малый мир». Эта мысль получила дальнейшее развитие в платоновском «Тимее» и в концепциях стоиков о космосе как о живом организме. У А. Сенеки мы встречаем утверждение, что какое место в мире занимает Бог, такое в человеке – дух, какое место в мире – материя, такое в нас – тело. Периодически эта идея о микро- и макрокосме появляется и в греческой патристике.

---

⁵⁸ Щюре Э. Великие посвященные. Калуга. 1914. С. 253-259.

Расцвет этой проблематики имел место в период Возрождения. Соотношение микро- и макрокосма легло в основу новой антропологии Пико де ла Мирандоллы («О достоинстве человека»), а также у Д. Кардано, Т. Компанеллы, Д. Бруно. Эта линия продолжается в немецкой мистике от Эххарта до В. Вейгеля (трактат «Познай самого себя, что человек есть микрокосм». 1615). Большое значение эта проблематика получает у Агриппы и Парацельса («Микрокосм и человек – суть одно»). У Парацельса человеческий организм рассматривается как «небольшой мир» в отличие от макрокосма – большого мирового организма, т. е. всей Вселенной. Между обоими мирами предполагается существование таинственной, невыразимой рациональными средствами связи и подобия во всех частностях, что, между прочим, привело к возникновению астрологии, т. е. вере в силу и влияние космических объектов на жизнь и здоровье человека. Параллелизм микро- и макрокосма, согласно Парацельсу, создает возможность магического воздействия человека на природу.

Подход к человеку как микрокосму есть крайнее выражение антропоцентризма. Действительно, если внутри человека действуют те же фундаментальные законы, что и во всей Вселенной, то, воздействуя на них, он тем самым воздействует на Вселенную. И не случайно, что эпоха Возрождения фактически проходила под знаком магии, когда человек был убежден, что он может господствовать над миром, если постигнет свою собственную сущность и приобретет способность управлять ею⁵⁹.

Учение о человеке как микрокосме рассматривалось и сейчас рассматривается церковью как еретическое наряду с пантеизмом. Связано это с тем, что пантеизм ставит Бога на один уровень с природой, а учение о человеке как микрокосме уравнивало его с Вселенной. От понимания человека как микрокосма постепенно отказывается и наука. В XVII–XVIII веках, в период господства механицизма, проблема микро- и макрокосма уже оказалась за пределами науки. Из понимания Космоса большим механизмом, а не организмом, как раньше, из признания, что весь он может быть понят лишь на основе законов механики и математики, вытекало совершенно ничтожное место человека в мире. Но идея параллельности микро- и макрокосма была продолжена в философии, особенно в работах Г. В. Лейбница, который в своей Монадологии придал онтологический статус понятию микрокосма, ибо монада у него объективно существующее образование, в котором отражена вся Вселенная. Эта тема продолжена была в творчестве И. Гердера, И. Гете и особенно А. Шопенгауэра, а также в

---

⁵⁹ Буркгардт Я. Культура Возрождения в Италии. М., 1996.

некоторых направлениях теософии в разных странах, в том числе и России (Б. Блаватская, Н. Рерих и др.).

Сейчас особое внимание уделяется восстановлению мировоззренческого и методологического значения категории «Природа». В наше время антропо-экологических кризисов Природа как бы угрожающе напоминает о себе тем, кто забыл о ее «родительских» правах в создании мира и человека. В связи с этими тенденциями творчески переосмысливается натурфилософское учение о тождестве микрокосма и макрокосма, а иначе – Человека и Природы. В качестве примера возможного соотношения микро- и макрокосма рассмотрим позицию Н. А. Бердяева, который в своем творчестве постоянно исследовал проблему внутреннего единства макрокосма Вселенной и микрокосма человека. Он, в частности, отмечал, что Вселенная может входить в человека, им ассимилироваться, познаваться и постигаться только потому, что в человеке есть весь состав Вселенной.

Но что именно взял человек у Природы, почему, говоря словами С. Довлатова, тело женщины представляет собой самый прекрасный пейзаж на Земле – эти вопросы еще ждут своего рассмотрения. Ясно одно: подобно тому, как душа не может быть понята вне и без соотношения с Мировым Духом, частицей которого она является, так и тело человека не может быть понята вне контекста с Природой, проявлением всех основных характеристик и сил которой оно является.

Отсюда естественным образом вытекает, что те мудрецы, которые возвышали душу и одновременно унижали тело, были неправы. Так, Платон считал тело темницей души, и только смерть способна освободить душу из темницы, поэтому именно к ней должен стремиться философ. Л. Н. Толстой как художник умел великолепно изображать тело человека, от чего созданные им образы буквально зримы; как человек он постоянно ухаживал за своим телом, закаляя его упражнениями и физическим трудом, а как философ он тело ставил на заведомо низшее положение по отношению к душе и духу. Для него забота о теле есть забота об оболочке души, поскольку не тело носит душу, а душа носит тело. «Человек живет духом, а не телом... Каждый человек знает в себе две жизни: телесную и духовную. Телесная жизнь, как только дойдет до полноты, так начинает ослабевать. И все больше и больше слабеет и приходит к смерти. Духовная же жизнь, напротив, от рождения до смерти все растет и крепнет. Живи человек одной телесной жизнью, он и вся жизнь его есть жизнь человека, приговоренного к смерти. Живи же человек для души, то, в чем он

полагает свое благо, с каждым днем его жизни увеличивается и увеличивается, и смерть не страшна ему»⁶⁰.

Подобное рассуждение кажется странным, тем более, что философ неоднократно отмечал, что состояния души напрямую определяют состояние тела, и вместе со здоровьем куда-то убывает творческая сила, которая заново появляется вместе с возвращением здоровья: «Всё то же: при страданиях, в умирании невозможна деятельность мысли. Еле-еле можешь лениво молиться, проводя мысль по пробитой колее»⁶¹.

Приведенные рассуждения Платона и Толстого представляются тем более странными, что сами они постоянными упражнениями тренировали свое тело, из-за чего прожили долгую и плодотворную жизнь. Иными словами, иначе как лицемерием их позицию назвать нельзя и еще предстоит разобраться в корнях данного лицемерия. В этом вопросе нам более понятна позиция Фомы Аквинского, по мнению которого каждый человек представляет собой уникальную личность, т. е. нерасторжимое единство тела и души. Аквината называют первым ученым, который ввел в науку о человеке понятие личности. Именно потому, что тела у всех людей однозначно разные, именно поэтому материя создает человеческую индивидуальность, как и индивидуальность любого другого объекта. И как душа не может существовать прежде тела, так и тело невозможно без наличия души. Душа может познавать, радоваться, любить, творить только пока она в теле и при помощи тела. Никакой другой возможности у души проявить себя, ощущать окружающий мир нет. «Значит... мыслящей душе нужно... обладать способностью ощущения. Но ощущение возникает только при наличии телесного органа. Поэтому человеческая душа должна существовать в единстве с телом, которое имело бы соответствующие органы для ощущения» (Сумма теологии», I, 5).

Мудрецы, хулящие свое тело, впадают в парадоксальную ситуацию, – хулить его можно только при помощи телесных органов.

Постскриптум.

В этой главе, как практически во всех в этой книге, лейтмотивом проходит мысль: отрицание господства марксистско-ленинской философии способствовало обогащению нашей философии, поскольку, сбросив догматические вериги, мы стали открыты ко всем тем неисчерпаемым богатствам, которые накопила философия за свою историю. Не случайно уже первое издание нашей книги о человеке называлось: «Основы человековедения: человек как

---

⁶⁰ Толстой Л.Н. Путь жизни. М., 1993. С. 32.

⁶¹ Толстой Л.Н. Дневники // Толстой Л.Н. Полн. Собр. Соч. в 90 тт. Т.50-51. С.82.

микрокосм». Здесь обосновывается необходимость возвращения к понятию человека как микрокосма, имеющему огромное познавательное значение и много-много лет назад зряшно отвергнутое наукой.

13.2. Что такое душа и где она размещается?

Остановимся вначале на вопросе: зачем вновь вводится когда-то отвергнутое наукой понятие “душа”? Что дает это для науки, педагогики, воспитания? Кризисная ситуация в нашем обществе, связанная с крушением привычного уклада жизни, старых ценностей и идеалов, помноженная на спорность новых, чисто рыночных, ценностей и идеалов, породила у мыслящей части общества обостренное внимание к проблемам смысла жизни и связанным с ними проблемам духовности. Спрос рождает предложение, и на рынок выбрасывается огромное количество псевдонаучной литературы о духовности, о душе. Между тем, профессионально о душе могут рассуждать лишь религия и философия, ибо она традиционно является предметом их изучения, и у них наработан наиболее важный материал о душе.

И научное и вненаучное познание равно включают в себя как истину, так и заблуждения, но это не является основанием для замены научного знания псевдо- и околонуучным. А между тем, “мирное сосуществование” между ними возможно, если они признают равные права друг друга на существование. Эти права подтверждены самой жизнью, многовековым опытом человеческого познания, доказавшим необходимость всех видов и форм познания. Не случайно поэтому существование философии, которая практически всегда соединяла в себе и научное, и вненаучное знания, и когда она это делала наиболее успешно, тогда вклад философии в духовную культуру человечества был особенно ощутимым. И, наоборот, когда философия стремилась быть только научным знанием, тогда она явно хирела, многое теряя из своего бесконечно богатого опыта. Так, в частности, на какое-то время ею была потеряна душа, точнее, учение о душе.

В конце XVIII века в связи с грандиозными успехами науки, понятие «душа» было выброшено наукой из употребления. В это время Вольтер пишет большую статью для энциклопедии под названием «Душа», где утверждает, что это ничего не выражающее слово и оно должно быть заменено физиологией, которая в отличие от души представляет из себя нечто конкретное, что предполагает возможность изучать ее научными методами. Прогноз Вольтера сбылся, и двести лет в науке неприлично было произносить это

слово. И в полном соответствии с установками науки конца XIX – начала XX вв. В. И. Ленин писал: “Нельзя рассуждать о душе, не объяснив, в частности, психических процессов: прогресс тут должен состоять именно в том, чтобы бросить общие теории и философские построения о том, что такое душа, и суметь поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или другие психические процессы”.⁶²

Душа действительно была изъята из научного обихода как в психологии, так и в философии. И только религиозная философия, сохраняя верность традициям, продолжала исследование души. Здесь в качестве примера можно привести трактат С. Л. Франка “Душа человека”. Тем не менее, повинувшись неумолимой логике развития науки, западные ученые вернулись несколько десятилетий назад к философским теориям о душе. Одним из первых о необходимости для психологии реанимировать учение о душе заявил Э. Фромм: “Академическая психология, пытаясь имитировать естествознание с его лабораторными исследованиями... утратила свой главный предмет — душу; она стала заниматься “механизмами”, формированием реакций, инстинктами, но обходила наиболее специфические для человека феномены: любовь, разум, совесть, ценности. Я употребляю слово “душа”, а не “психика” или “сознание”, потому, что именно оно ассоциируется с этими высшими человеческими силами”.⁶³ Итак, психология в последнее время пытается выйти за пределы чисто опытного знания и, используя философскую методологию, вновь обратиться к исследованию души.

Подобно тому, как психология забыла душу, заменив ее психическими процессами, философия душу заменила сознанием, разумом. Традиционное в материалистической и доведенное до своего логического конца в марксистской философии противопоставление материи и сознания является правильным. Любой современный образованный человек, если он психически и умственно полноценен, не может не признать факт существования материи и сознания. Появление этих абстракций было закономерным этапом в развитии науки, но попытка всю реальность (объективную и субъективную) втиснуть в эти две категории породила односторонний взгляд на мир. Выходило, будто подлинная активность присуща лишь сознанию, которым наделен только человек, природа же практически лишалась собственного активного начала. Проблема сущности человека не может быть рассмотрена вне связи с его внутренним миром, его душой.

---

⁶² Ленин В.И. ПСС. Т.1. С. 142.

⁶³ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1990. С.147.

Трудность ее исследования состоит не только в том, что она представляет собой нематериальную субстанцию, но и в том, что в советский период правомочность рассмотрения ее наукой вообще отрицалась. Еще совсем недавно биолог Б. Сергеев писал: “Душа – чисто идеалистическое, ненаучное понятие. Представление о душе возникло на заре зарождения цивилизации и дошло до наших дней как пережиток религиозных суеверий”.⁶⁴ Ему вторит философ А. Ф. Лосев, считавший, что рассуждения о душе — из “области очень сложной и смутной проблемы, относящейся к тому же не столько к научной философии и точной логике, сколько к мифологии и вероучению”.⁶⁵

Таким образом, автору пришлось практически заново входить в эту проблему, исследуя ее особенно тщательно с учетом различных позиций (религии, философии, науки). Реабилитация понятия “дух” не только восстанавливает активное, живое начало в Мироздании, но и возвращает человеку его душу. Какое значение это имеет для науки и педагогической практики? Психология теперь сможет рассматривать высшие феномены человеческого духа, которые раньше, при чи-сто научном, основанном на эксперименте подходе, находились за пределами психологического рассмотрения. Возвращение в науку о человеке души делает сам процесс формирования человеческой личности неизмеримо более значительным и ответственным, чем прежде. Введение в научный обиход понятий “дух”, “душа” означает, что теперь практически любой подросток сможет осознать, прочувствовать то, что прежде давалось лишь мудрецам — живое начало в природе, наше глубокое родство с ней, т.е. испытать чувство благоговения перед всем сущим, которое теперь явится сердцевиной экологического воспитания.

Великий философ древности Аристотель сравнивал тело и душу человека с кораблем и кормчим. Подобно тому, как корабль без кормчего (капитана) — не корабль, а груда дерева и металла, не способная к “осмысленному” плаванию, так и капитан без корабля — не капитан. Подобным же образом и тело без души — это не человек, как и душа без тела тоже не есть человек. Именно поэтому мы считаем невозможным, непродуктивным рассмотрение души и тела в отрыве друг от друга. Подобно тому, как дух является активным началом мира, определяющим его способности к изменениям и развитию, подобно этому *душа является нематериальным активным началом человека, определяющим его характер, его судьбу.*

---

⁶⁴ Сергеев Б. Парадоксы мозга. Л., 1985. С.17.

⁶⁵ Лосев А.Ф. Вводные замечания /Платон. Соч. В 3 тт. Т.2, М., 1970. С.6.

Уже в глубокой древности у людей возникли представления о душе, связанные с такими таинственными явлениями, как сон, потеря сознания, смерть. Большинство индоевропейских народов считало, что душа обитает в грудобрюшной полости, или диафрагме: пока человек жив, у него поддерживается дыхание, следовательно, диафрагма будет совершать постоянные ритмические сокращения. Не случайно у греков словом “френикус” называется и душа, и грудобрюшная преграда, а корень “френ” используется в названии ряда психических, или как их раньше называли — “душевных” заболеваний (шизофрения, олигофрения). Индусы считали, что пупок является местом, от которого берут начало все нервы и кровеносные сосуды, а заодно также и местом нахождения души. Японцы располагали душу в желудке. По мнению китайцев местопребыванием “разумной” души считается печень, “животной” — центр груди, а “чувствующей” — сердце. Сердце — самый главный и совершенный орган. По христианскому вероучению душа располагается в крови, и когда человек истекает кровью, вместе с кровью уходит и его душа.

Древнегреческий философ и врач Алкмеон, живший в “эпоху Перикла”, привлек внимание ученых к мозгу. Он первым обнаружил нервы главнейших органов и сумел проследить их пути к головному мозгу. По Гиппократу, отцу медицины, одушевленным началом организма является “прирожденная теплота”. Причиной ее возникновения он считал пневму — тонкое эфирное вещество, которое содержится в воздухе и извлекается из него холодными легкими. В то же время он воспринял учение Алкмеона о том, что ощущения и психика связаны с мозгом. По мнению Платона, человеку присущи не одна, а три души: бессмертная, мужская и женская. Они размещены соответственно в мозгу, грудной и брюшной полостях. На том основании, что голова по форме напоминает шар, т. е. имеет совершенную форму, Платон считал ее самой важной частью человеческого тела. Споря со своим учителем, Аристотель считал, что душа никак не может располагаться в мозгу, ибо он является влажным, холодным, бескровным и бесчувственным веществом. (Мозг действительно нечувствителен к боли, ибо в нем отсутствуют окончания болевых клеток). Душу Аристотель помещает в сердце. Именно сердце дает распоряжение обо всех движениях и осуществляет их, ибо двигателем является сама теплота. И, наконец, роль сердца определяется и его центральным положением в теле. Аристотель предлагает выделять следующие души: питающую, чувствующую и разумную. Первая свойственна растениям, вторая — животным, третья — человеку. При этом на более высокой ступени низшая душа сохраняется.

Придумать что-то новое, добавить что-то еще к тому, что предложено уже античной наукой, почти невозможно. (Исключение составляет предложение Р. Декарта считать шишковидную железу головного мозга обителью души, но оно уже в эпоху Просвещения воспринималось учеными с иронией). Поэтому перед современными исследователями стоит задача выбора характеристик души из уже имеющихся и по возможности более или менее аргументировано обосновать сделанный выбор. В качестве наиболее полного, наиболее свободного от односторонности, а значит и наиболее истинного мы принимаем представление о душе Платона в образе колесницы с двумя впряженными конями белого и черного цвета и возницей, выражающими соответственно ум, чувство и волю.

То, что именно ум, чувство и воля являются наиболее глубинными духовными компонентами человека, подтверждает история как западной (Л. Фейербах), так и отечественной (начиная со славянофилов и Данилевского) философской мысли. Наиболее основательно это обосновано П. А. Флоренским: «Что бы ни говорили психологи против теории трех психических способностей или трех сил, бесспорным остается тот факт, что всеми усматривается существенная разница между умом, волею и чувством и не сводимость их друг к другу. Наиболее подходящим будет их понимание, как трех координат процессов психики».⁶⁶ Мы видим, что ученый признает коренную тройкость самого устройства человеческой психики. И действительно, в каком бы этносе человек ни родился, в каком бы регионе планеты ни жил, он всегда будет как-то и чувствовать, и мыслить, и действовать, поэтому мы считаем наиболее адекватным определение человека как живого существа одновременно чувствующего, мыслящего и деятельного.

С известной долей условности разум может коррелировать с социальным в человеке, чувство — с биологическим, а воля — с психологическим. То есть душа объемлет собой всю биопсихосоциальную природу человека. Но, в таком случае, по-новому определяется и местоположение души. Если рациональное, сознание может коррелировать с мозгом (и патология мозга неминуемо приводит к патологии в сознании, социальном статусе индивида), биологическое — с сердцем (“сердцем чувствую”, “сердце готово выпрыгнуть от счастья”), то областью психического является весь человек, каждый его орган, любая его клетка, ибо практически ко всем ним подходят нервные окончания. Поэтому-то человек, например, может чувствовать музыку не только ушами, но и кончиками пальцев. Это значит, что у человека нет бездуховных

---

⁶⁶ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т.1. Ч.2. М., 1990. С.596–597.

органов. Хорошо о духовности человеческой кожи сказал поэт А. Вознесенский в стихотворении “Тишины!”:

*Кожа тоже ведь человек,
С впечатленьями, голосами.
Для нее музыкально касанье,
Как для слуха поет соловей...*

Все учения, отмечавшие важность того или иного органа тела человека для его душевного состояния, были правы. Действительно, состояние любого органа человеческого тела и даже любой клетки способно оказывать специфическое воздействие на мир душевных переживаний. Но только всесторонний, свободный от односторонностей подход поднимается до утверждения определенного тождества души и тела, до признания отсутствия в теле “бездуховных” частей. А это неминуемо делает учение о душе самым сложным, самым богатым из всех имеющихся. Отмеченный факт заставляет более внимательно относиться при изучении души ко всем органам человеческого тела, не отбрасывая ничего из добытого как западной, так и восточной мудростью. Ведь еще древнекитайская медицина установила, что огорчения разрушают сердце, чрезмерный гнев разрушает печень, страх — почки, мрачные размышления, избыток беспокойства разрушают селезенку и поджелудочную железу. В то же время радость придает гармоничную эластичность энергопотокам и продлевает жизнь.

Поскольку душа и тело образуют противоречивое единство, постольку, во-первых, они относительно, т. е. до определенного предела, независимы друг от друга и, во-вторых, речь должна идти не только о воздействии состояний тела на душу, но и об обратном воздействии, т. е. взаимодействии, когда определенные душевные переживания, например, могут сопровождаться инфарктом. Единство души и тела не означает их абсолютного тождества. Хотя душа действительно присутствует во всем теле, в каждой его клеточке, но она может выходить и за пределы его. То есть своя правда существует и в рассуждениях Гиппократов о разлитости души во всей Вселенной. Каждый из нас хорошо знает, что, когда тело спит, душа может летать над горами и долами. Так же у женщины, только что родившей ребенка, душа зачастую пребывает не в ней самой, а в ее ребенке.

Постскриптум.

Я горжусь тем, что в конце XX века вернул понятие «душа» в научный обиход, двести лет спустя после его изгнания. Поскольку меня не устраивало ни научное, ни религиозное определение, постольку пришлось давать свое, используя ранее данное определение духа. Кстати, тема «душа» до сих пор отсутствует и в

философии, и в психологии, но такое положение недолго протянется.

Помню, во время проведения семинарского занятия по антропологии на юридическом факультете, одна студентка встала и, гордо подбоченясь, заявила: – У меня нет души, я в душу не верю. – Вы что, безумная? – Как Вы смеете, я все законы знаю, я Вас призыву. – Да подождите меня пугать, Вы не были на лекции, где я объяснял, что душа – это ум, чувство и воля. Если у Вас нет души или она очень больна, следовательно, Вы безумная, бесчувственная и безвольная. Вы с этим согласны? В ответ – красноречивое молчание.

13.3. Нематериальность души: за и против

Когда мы обращаемся к душе, естественно предположить, что она так же нематериальна, как и дух. Но это предположение труднее всего дается людям: уж очень сильны традиции сведения реального к материальному.

Еще первобытный человек, смутно угадав наличие духа в природе, персонифицировал его в образах духов, управляющих отдельными стихиями, элементами природы: дух гор, дух леса, дух морей, дух огня и т. п. Здесь духовное отождествлялось с материальным, ибо каждый дух имел свою плоть, свое обличье, свое имя, свой характер. Осознание нематериального, идеального характера духа было еще не под силу первобытному человеку. Многочисленные современные исследователи души недалеко ушли от первобытных представлений о мире духа, также считая ее материальной. Они показывают нам фотографии души, отделяющейся от тела во время смерти, определяют ее вес, измеряют ее магнитное поле. Верхом подобных откровений является утверждение, будто привидения (от слова “привиделось”) – это не плод фантазии, а реально существующие материальные слуги умерших душ. Почему так живучи древние представления?

Во-первых, потому, что первобытный способ мировосприятия является простым, доступным и потому кажущимся самым очевидным. Человек может воспринимать, чувствовать, трогать только материальные объекты, и когда он начинает догадываться о существовании нематериальных сторон мира, он, для наглядности, большего понимания, доверия представляет и их в материализованных объектах: боги, духи, приведения, магнитные или электрические поля.

Во-вторых, в отождествлении материального и духовного начал “виновато” их действительное нерасторжимое единство. Духовное

не может существовать вне материального, ибо оно и есть не что иное, как способ, форма самоорганизации его. Так, хотя законы механики сами по себе нематериальны, но невозможно представить себе наличие этих законов в мире, лишенном механического перемещения.

В-третьих, нынешние, почти повальные попытки представить дух, душу как непременно что-то материальное обусловлены и спецификой, характером нашего времени, когда, в силу известного кризиса науки, “правят бал” непрофессионалы, разного рода дилетанты, столь милые сердцу широкой публики, ибо все их рассуждения основаны на той же эклектике, смеси из научных и псевдонаучных идей и представлений, каковая присуща обыденному сознанию.

Какие аргументы можно привести в пользу нематериального характера души? Во-первых, таким аргументом является история философии, в которой традиционно душа мыслится как нематериальное образование. Во-вторых, за нематериальный статус души свидетельствует и такой факт, как отсутствие единого мнения о ее природе и “месте жительства”. Если, например, почки являются материальными образованиями, то спор об их существовании или не существовании просто немыслим: их можно показать любому “Фоме”. В-третьих, наличие в природе нематериального начала в виде духа, определяющего способ самоорганизации бытия, закономерности его изменения и функционирования, предполагает наличие такого же начала и в человеке, являющемся частью природы. По аналогии с духом природы это начало принято называть душой человека.

Итак, душа есть нематериальная составляющая человека, это, прежде всего, его ум, чувство и воля. Душа может подчинить себе тело, его функционирование. Раненый в наступающей армии выздоравливает быстрее, чем раненый в армии отступающей. Этот факт, зафиксированный хирургом Н. И. Пироговым, — лучшее свидетельство влияния состояния духа, души на состояние тела. Но и тело, любой его орган может оказывать обратное влияние на душу, ее состояние. И опытный врач по состоянию духа пациента может определить заболевший орган. Тем не менее, несмотря на нерасторжимую связь души и тела, они относятся к разным субстанциям, точнее — к разным ее ликам: к материальной — тело, к идеальной — душа. Таким образом, тело и душа человека представляют собой конкретное воплощение природного и духовного начал мира, и поэтому правы философы, утверждавшие, что человек представляет собой конспект, по которому можно изучать Мироздание.

Постскриптум.

В этом фрагменте я присоединяюсь к философам, богословам, поэтам, считающим душу нематериальной, и привожу те аргументы, которые смог найти, как у других авторов, так и в своей собственной душе.

13.4. Смертна или бессмертна душа?

По вопросу о смертности души в истории философии имеются два диаметрально противоположных убеждения, четко сформулированных еще в античную эпоху: душа бессмертна (Платон), душа смертна (Аристотель). В концентрированном виде доказательства бессмертия души приводятся Платоном в “Федоне” устами Сократа, беседующего с учениками в день казни. Многие из этих аргументов в дальнейшем повторяются во всей истории философии, поэтому есть смысл на них остановиться. Первое обоснование — онтологическое. Мир по своей природе полон противоречий. Одним из них является противоречие между жизнью и смертью. Жизнь и смерть противоположны, но в то же время они друг без друга не существуют, переходят друг в друга: жизнь существует благодаря смерти, а смерть — благодаря жизни. Если смерть (умирание) связана с отделением души от тела (на нашем языке это зафиксировано в выражении “испустил дух”), то естественно предположить, что противоположный процесс — оживание — связан с соединением души и тела. Третьим противоречием, обеспечивающим порядок в космосе, активное, живое начало в нем, является противоречие между смертью и бессмертием. Поскольку тело и душа противоположны по отношению друг к другу (как материальное и идеальное, или, по терминологии Платона, зримое и безвидное) и поскольку тело смертно, в чем способен убедиться каждый человек, постольку душа бессмертна. Ее бестелесный характер не оставляет ей возможности разлагаться, тлеть.

Хотя эти рассуждения и представляются логичными, но это не означает, что они верны. Борясь с софистами, с помощью логики доказывающими что угодно, Платон сам не избежал софизмов. Например, раз видимая часть луны безжизненна и мертва, значит противоположная, невидимая часть должна быть полна жизни. Или: раз на Северном полюсе всегда холодно, значит на противоположном ему, Южном полюсе, должна быть необыкновенная жара. Удивление вызывает не столько наивность аргументации Платона, особенно если вспомнить, когда он жил, сколько тот факт, что аргументация эта до сих пор способна удовлетворить большинство человечества, которое именно так и рассуждает: раз душа противоположна телу, а тело смертно, значит,

душа бессмертна. Между тем как из смертности тела вытекает только смертность тела, а если угодно доказывать бессмертие души, это надо делать специально, не приводя в качестве аргументации столь шаткую логическую конструкцию. И все-таки философ здесь не только наивен. Поставленная им проблема соотношения смерти и бессмертия действительно очень важна, и ее не обойти.

В приведенной аргументации Платоном допущены две важные ошибки. Первая: то, что правильно в логике, логично, не обязательно должно быть правильно и в жизни, онтологично. Дело в том, что в жизни существует не одна, а много логик, поэтому она не только логична, но и алогична (ярчайшие примеры чего в изобилии даются сейчас российской действительностью). Вторая: противоположность двух предметов по какому-либо одному признаку ни в коем случае не означает их противоположность и по всем другим признакам. Безжизненность на видимой стороне луны ни в коем случае не означает наличия жизни на невидимой ее стороне. Точно так же, как из признания факта смертности тела можно сделать один и только один вывод: тело смертно.

Важнейший аргумент в доказательстве бессмертия души состоит в утверждении ее независимости от тела. Вот как Платон устами Сократа обосновывает этот аргумент: “Я говорю вот о чем: если, например, у тебя жар и жажда, душа влечет тебя в другую сторону и не велит пить, если ты голоден — не велит есть, и в тысяче других случаев мы видим, как она действует вопреки телу. Так или не так?”⁶⁷ Разумеется, ученики полностью одобряют слова учителя. Но даже то, что Платон здесь прибегает к авторитету Сократа, не заставляет принять сказанное за мудрость. Довольно часто в литературе высмеивается образ человека, поступающего всегда наоборот. Действительно, такой человек, ничего, кроме насмешек и сожалений, не заслуживает. Ведь Платон, следуя своей логике автономности души, должен был пойти еще дальше: почему душа должна потакать прихотям, желаниям, потребностям тела на сон или на дыхание? Почему бы и их также не отменить? Тогда всем еще яснее станет независимость духа от тела. Человек духовно действительно свободен. Его свобода состоит, в том числе, и в способности отказаться от некоторых влечений, потребностей тела. Но слишком частые и долгие эти игнорирования неизбежно приведут либо к патологии в психике и поведении, либо к смерти. Здесь Платон действительную относительную независимость души от тела без всяких на то оснований возвел в абсолют. В решении этого вопроса Гегель был на голову выше, ибо прекрасно сознавал, что длительное игнорирование душой запросов тела приводит в

---

⁶⁷ Платон. Федон. // Соч. В 3 т. Т.2. М., 1970. С. 63.

итоге душу в рабское положение по отношению к ослабевшему и нуждающемуся в вечном присмотре телу.

Еще один аргумент в пользу бессмертия души связан со столь любимым у Платона разделением мира на мир вещей и мир идей. Ставится вопрос: что может подвергаться рассеиванию, распаду? Ответ для Платона самоочевиден: то, что является составным, сложным по природе, т. е. то, что все время неодинаково и постоянно изменяется. Избежать разложения могут только вещи несоставные, неизменные и одинаковые в разное время, т. е. самотождественные. К первым относятся чувственно воспринимаемые вещи, которые можно ощупать, увидеть, например, прекрасные люди, прекрасные плащи, прекрасные кони. Эти вещи постоянно изменяются и по отношению к себе, и по отношению друг к другу, и они подлежат разложению (гибели). Ко второй группе относятся идеи (эйдосы) вещей. Идея прекрасного, сама по себе, не может претерпевать никаких перемен, она единообразна, неизменна и одинакова. В силу этого рассеивание ей не грозит. Итак, устанавливаются два рода вещей: чувственно воспринимаемые, или зримые, и неизменные сущности, постигаемые лишь с помощью размышления, или безвидные. Поскольку тело чувственно воспринимаемо, а душа нет, первое относится к зримому, а значит к уничтожаемому, а вторая — к безвидному, т. е. бессмертному.

Платоном здесь, по нашему мнению, допущены две важные гносеологические ошибки. Во-первых, он путает душу и дух, не разделяет их. Во-вторых, он четко не разделяет общее и отдельное в содержании души. На том методологическом уровне, на котором находилась наука в его время, решить поставленную проблему научным способом было невозможно, и все аргументы Платона с точки зрения науки несостоятельны. Но величие философа в том, что он так четко, предельно ясно поставил проблему соединения смерти и жизни, тела и души, смерти и бессмертия. Теперь эстафета этих проблем дошла до науки нашего времени, и нам предстоит решать их уже на новом методологическом уровне.

Если идея бессмертия души доказывается с помощью противопоставления души и тела, независимости, автономности души от тела, то смертность души доказывается прямо противоположным образом — через доказательство нерасторжимого единства души и тела, что и было проделано Аристотелем в трактате, который называется “О душе”. В чем суть его аргументации? В большинстве случаев душа ничего не испытывает без тела и не действует без него: при гневe, отваге, желании, вообще при ощущениях. По-видимому, лишь мышление присуще одной только душе. Но если мышление не может

происходить без представления, то и оно не может быть без тела. По-видимому, все состояния души связаны с телом: негодование, кротость, страх, сострадание, отвага, а также радость, любовь и отвращение. Вместе с этими состояниями души нечто испытывает и тело. Поскольку состояния души имеют свою основу в материи, постольку они должны изучаться не только философией (психологией), но и естествознанием. При этом каждая из наук по-разному определяла бы и саму душу, и ее различные состояния. Диалектик определил бы гнев как стремление отомстить за оскорбление, а естествоиспытатель — как кипение крови около сердца. То есть первый приводит в объяснение форму и сущность, а второй — материю.

Философы, — продолжает Аристотель, — обычно стараются указать, какова душа, о теле же, которое должно ее принять, они не дают никаких объяснений, словно любая душа может проникнуть в любое тело, как говорится в пифагорейских мифах. Между тем каждое тело имеет присущую лишь ему форму, или образ. Утверждать иначе — все равно, что доказывать, что строительное искусство может проникнуть во флейту. В действительности же необходимо, чтобы каждое искусство пользовалось своими орудиями, а каждая душа — своим телом. Далее Аристотель рассуждает следующим образом. — Материя есть возможность, форма же — энтелехия, понимается как фактическая данность или осуществленность чего-либо. Тело не есть нечто принадлежащее субстрату, а, скорее, само есть субстрат и материя. Душа есть форма естественного тела, обладающего в возможности жизнью. Сущность же, как форма, есть энтелехия, стало быть, душа есть энтелехия такого тела. Поэтому не следует спрашивать, есть ли душа или тело нечто единое, как не следует спрашивать относительно любой материи и того, материя чего она есть. Итак,

— “то, благодаря чему мы живем, ощущаем и размышляем, — это душа, так она есть некий смысл и форма, а не материя или субстрат... Материя есть возможность, форма — энтелехия. Так как одушевленное существо состоит из материи и формы, то не тело есть энтелехия души, а душа есть энтелехия некоторого тела. Поэтому правы те, кто полагает, что душа не может существовать без тела и не есть какое-либо тело”.⁶⁸

И здесь Аристотель делает следующую оговорку: при общей неотделимости души от тела отдельные части души отделимы от тела. Это относится к уму и способности к умозрению, поскольку, кажется, только эти способности могут существовать отдельно, как вечное отдельно от преходящего. И действительно, ум Аристотеля,

---

⁶⁸ Аристотель. О душе. // Соч. В 4 т. Т.1. М., 1976. С. 398-399.

отраженный в его книгах, жив и поныне – он, можно сказать, бессмертен.

Мы воспроизвели здесь почти буквально рассуждения Аристотеля, касающиеся невозможности отдельного существования души от тела. Как видим, эти рассуждения обращены, прежде всего, к здравому смыслу, житейскому опыту человека. Что касается чисто философских аргументов, то их здесь два: неразрывность формы и содержания и активность формы по отношению к содержанию. Первый аргумент, о неразрывности формы и содержания, является общепризнанным, не нуждающимся в доказательстве, и если бы Аристотелю действительно удалось доказать, что тело относится к содержанию, а душа – к форме, вся его дальнейшая аргументация была бы безукоризненной. Но на том уровне, на котором находилась наука в то время, научные доказательства представить было невозможно, поэтому Аристотель и ограничивается, как правило, умозрительными выкладками или ссылками на житейский опыт.

Второй аргумент, об активности формы, также не доказан философом. Учение Аристотеля об активности формы и, следовательно, о ведущей роли души по отношению к телу, которая при всей важности тела является определяющей для формирования характера, поведения человека, – это учение находится в противоречии с марксистской философской традицией, утверждающей примат содержания над формой, считающей форму производной, пассивной. Позиция Аристотеля в этом вопросе выглядит предпочтительнее. Ведь если, следуя гегелевскому пониманию закона как развернутой формы, признать, что именно законы природы, прежде всего, определяют возможные изменения в ней, а материя лишь представляет для этого материал, то все встает на свои места. Подобно тому, как дух (т. е., в конечном счете, закономерности природы) является определяющим по отношению к происходящим в природе изменениям, душа человека является определяющим началом по отношению к чувствам, эмоциям, всему поведению человека. И в том, и в другом случае обратное воздействие, т. е. взаимодействие, никак не отвергается. Поэтому со старением тела ослабевает и душа человека

Новым в новое время явилось то, что была реализована возможность доказывать сразу и то, и другое, т. е. что душа смертна и что душа бессмертна. В этой связи особый интерес представляет трактат А. Н. Радищева “О человеке, о его смертности и бессмертии”, в котором доказываются два основополагающих варианта решения проблемы души, т. е. решение, утверждающее ее смертность, и решение, утверждающее бессмертие. Радищева трижды приговаривали к смертной казни, и, находясь в вечной ссылке, он

решает для себя важнейший вопрос: может ли он когда-нибудь надеяться на встречу с родными и близкими, смертна или бессмертна его душа. И как ученый он реализовал возможность доказать сразу и то, и другое, т. е. что душа смертна и душа бессмертна.

Радищев определяет душу как единство жизни, чувственности и мысли. При доказательстве ее смертности он начинает с указания на нерасторжимое единство души и тела: “Что мыслит родившийся. Что чувствует он? Мысли совсем не причастен, чувственность весьма слабая. Но тело начинает приращаться, и с ним чувственность и мысль. Не лучшее ли время для мысли и чувственности есть то, когда тело, получив полное свое приращение и укрепившись всеми силами своими, находится в полном и цветущем здравии? Но болезни объемлют тело, скорь мозжит его и сверлит. Силы его ослабевают, с ними и душевные. Посмотри на совершившееся течение жизни: какая ступень осталась в нем чувственности и мысли? Одна изгладилась, другая равняется младенчеству. Почто рыдаешь? Се одр твой, се покой тела твоего! Все начала состава его притупилися и рушиться им должно”.⁶⁹ Итак, с наступлением старческого возраста притупляется ум, ослабевают память, некоторые же вообще впадают в неменяемое состояние. То есть если уже при жизни многое из того, что принято называть душой, погибает в человеке, то как можно утверждать, что душа его после смерти жить будет? Далее

Радищев приводит такой аргумент. Человек слышит при помощи ушей, видит при помощи глаз, осязает всем телом, мыслит мозгом. Но это все телесные органы, и после смерти человека они подвергаются разрушению. Сторонники вечности души забывают об этом факте, им представляется, что и после смерти тела душа будет жить как в теле. Но без органов чувств она будет бесчувственной, без мозга — беспамятна, т. е. это будет мертвая душа. Ведь без чувственности и мышления нет души. “Итак, о, смертный! Оставь пустую мечту, что ты есть удел божества! Ты был нужное для земли явление вследствие законов предвечных. Кончина твоя приспела, нить дней твоих прервалась. Скончалось для тебя время и настала вечность!”⁷⁰ Последняя фраза связана с убеждением Радищева, что смерти не существует в природе в силу закона сохранения материи и движения, а существует только преобразование.

После приведения самых убедительных аргументов в пользу смертности души Радищев столь же решительно и последовательно

---

⁶⁹ Радищев А.Н. Избранные философские и общественно-политические произведения. М., 1952.С.353.

⁷⁰ Там же. С.360.

пытается доказать обратное. Его довод основан на законе сохранения в природе вещества и силы (материи и энергии). Если душа есть духовная сила, и она явно вбирает в себя все силы, существующие в природе, и, кроме того, силу, от всех естественных сил отличающуюся, и если в природе никакая сила не исчезает, то как может исчезнуть мысленность, превосходящая все естественные силы? Такое предств- вить невозможно. Второй род доводов исходит из того положения, что, хотя душа все свои понятия получает от чувств, но она может творить и то, что превосходит данные чувств, — здесь он ссылается на творения гениев. И хотя власть тела над душой общеизвестна, но власть души над телом ее гораздо превышает: духовная слабость может заставить тело зачахнуть и, напротив, духовная сила может превозмочь в человеке телесные заболевания: “Верьте, то ведаю из опыта моего, что напряжения духовныя силы может подкрепить расслабленное тело и до известныя степени дать ему новую жизнь... сама болезнь, если она не превышает меры, бежит от продолжающегося отпорствующия ей души терпения. Я своего примера дать по толиких не дерзаю, но то истинно, когда мысль отторгает, так сказать, мысленность от телесности, тогда, забывая все чувствуемое, все зримое, забывая сам себя, человек несется в страну мысленную; время и пространство исчезают перед ним; он сокрушает все пределы, и занесшему ногу в вечность вселенная уже тесна”.⁷¹ Приведя равно убедительные аргументы в пользу смерти и бессмертия души, Радищев доказал, что проблема эта не может иметь одного решения. Смерть и бессмертие существуют в неразрывной связи друг с другом и именно потому в равной степени можно доказать как смертность, так и бессмертие души. Но он оставил без ответа вопрос, в чем именно состоит смертность души и в чем ее бессмертие. Современный уровень науки, обогащенный новыми категориями и более четким содержанием старых, позволяет корректнее решить эту проблему.

Следует еще раз отметить, что автору приходится не только излагать общеизвестное, но и, в тех случаях, когда это “общеизвестное” неизвестно, давать по необходимости собственную интерпретацию рассматриваемых проблем. Это в полной мере относится к проблеме души, которая никогда не имела, не имеет и сейчас единого, общепринятого решения. На наш взгляд, спор о душе возникает из-за неодинакового содержания, вкладываемого в понятие “душа”, а также из-за ходячих заблуждений, стереотипов, внушаемых с детства в сознание каждого человека. Идея безусловной смертности тела при безусловном бессмертии души —

---

⁷¹ Радищев А.Н. Избр. филос. и общественно-полит. произведения. М., 1952. С.396.

одно из них. Иными словами, правильно решить проблему смертности и бессмертия души можно только в контексте проблемы смертности и бессмертия тела.

Постскриптум.

Еще Кант, исследуя неразрешимые противоречия (антиномии), показал, что равно убедительно можно доказать, что душа смертна и что она бессмертна. И это на огромном материале блестяще подтвердил А. Радищев. Душа действительно в чем-то смертна, а в чем-то нет.

Глава 14. Закон сохранения духа

14.1. Предсказание Д. И. Менделеева о будущем открытии закона сохранения духа

Д. И. Менделеев, очевидно, был первым из великих ученых, кто предсказал необходимость открытия закона сохранения духа.

Ниже приведены воспоминания родственника Д. И. Менделеева – И. Д. Кузнецова – о встрече, состоявшейся на похоронах сестры Менделеева – Екатерины Ивановны – в 1901 г. на Волковском кладбище в Санкт-Петербурге. К этому времени там уже были похоронены мать Дмитрия Ивановича, которой он был многим обязан и которой посвятил трогательную надпись на одном из самых крупных и значительных в истории химии произведений “Исследование растворов по удельному весу”, а также любимый и рано умерший сын его Володя – талантливый морской офицер. “Стояла поздняя осень. Элегическая обстановка осени и все описанное выше вдруг точно преобразило Дмитрия Ивановича. Он встал, выпрямился и бодрым, свежим голосом, который знаком был мне по университетским лекциям начала 80-х годов, заговорил на тему о будущей жизни. Вот что услышал я из уст великого ученого:

“Недавно я получил письмо одного американца, лично мне незнакомого. Он писал в нем, что по литературе он давно знает, уважает меня, хотя и не имел возможности встретиться со мною. Те чувства, которые он питает ко мне, позволяют ему обратиться со следующим вопросом, на который он просил совершенно откровенно ответить. У этого американца умер самый близкий его друг, и вот он, потеряв своего товарища, спрашивал у меня, как я думаю: может ли он рассчитывать встретиться со своим другом после смерти, там – в загробной жизни. Письмо было так искренне, что я не мог не ответить. И знаете, что я написал ему? Написал в тот же день, а на следующий дал уже перевести и отправил. Я написал так: “Воспитанный в духе православия я хорошо знаю, что говорит

христианская церковь о загробном существовании. Но Вам я отвечу не так, как меня учили, скажу свое откровенное мнение по этому предмету. Все явления, совершающиеся в окружающем нас мире, можно отнести к одной из следующих трех категорий: явления соотношений материи, энергии или силы и – духа. Сколько ни пытались подвести явления последней категории к явлениям хорошо известным нам соотношений материи и силы, это не удавалось, а потому мы должны выделить особо явления духовные.

Те позитивные науки, в области которых я вращался в течение всей своей сознательной жизни, убеждают меня – твердо и непоколебимо – в том, что ни материя, ни силы не пропадают; они вечны, хотя и подвержены постоянным изменениям. Основываясь на простой аналогии, мы необходимо должны признать, что и явления духа также вечны. Вот мое откровенное мнение по Вашему вопросу, – писал я своему неизвестному корреспонденту; судить о том, встретитесь ли Вы с Вашим другом за гробом, я не берусь; предоставляю решение этого вопроса Вашему собственному усмотрению”.

Далее И. Кузнецов написал, что таких рассуждений не слышали от профессора слушатели его университетских курсов. Поэтому, поразившись глубиной и новизной мысли, он задал Дмитрию Ивановичу несколько вопросов, смысл ответов на которые сводился к следующему: “Наблюдения над “вечностью” материи и силы показывают, что они не исчезают, а подвергаются бесконечным превращениям и преобразованиям. То же самое, надо думать, применимо и к явлениям духа. Если христианство говорит об индивидуальном бессмертии, то подобное учение, по мнению Дмитрия Ивановича, надо отнести к тому “самообольщению”, которое все еще живет в человечестве со времен классической древности и которое воспитывает в нас ненавистный для него “классицизм”.

По словам Дмитрия Ивановича, представители образованного западноевропейского духовенства ясно сознают, что христианство, наравне со всей вселенной, подвергается эволюции, и нельзя допустить, чтобы учение церкви с развитием человечества оставалось на одной и той же точке, как того желают мало просвещенные духовные лица.

Подтверждение сказанному Дмитрий Иванович вынес из бесед с одним английским епископом на юбилее Кембриджского университета, а также с некоторыми из выдающихся русских священников... О, если бы кому-нибудь удалось, хотя отчасти,

выяснить связи и соотношение между явлениями материи и духа! Тогда бы мы всё поняли и познали!⁷²

Как в этих воспоминаниях, так и в упомянутом в них письме Менделеева американскому офицеру, хранящемуся ныне в музее Д. И. Менделеева в Санкт-Петербурге, великий русский ученый не только уверенно заявляет о будущем открытии закона сохранения духа, но и указывает пути, ведущие к его открытию. Из неразрывного единства материи, энергии и духа, а также из того факта, что уже открыты, сформулированы законы сохранения материи и энергии, неумолимо следует, что будет также открыт и закон сохранения духа. Кроме того, Менделеев отмечает, что человек, сумевший открыть закон сохранения духа, буквально перевернет наши представления о мире и человеке, иными словами, говоря современным языком, такое открытие приведет к новой парадигме, которая заставит нас изменить свои представления буквально обо всех областях действительности, свои знания буквально во всех науках. Стоит только поражаться, что эти мысли Менделеева так и остались невостребованными наукой, хотя многие подтверждения им мы находим в философии и религии. Так, С. Л. Франк, отмечая пространственную независимость души от тела, подчеркивает слишком видную временную ее связь с телом.

На наш взгляд правильно решить проблему смерти и бессмертия души возможно лишь во взаимодействии с вопросом смерти и бессмертия тела, к рассмотрению которого мы и переходим.

Постскриптум.

Дмитрий Иванович, будучи гениальным ученым, смог предсказать будущее открытие закона сохранения духа. Стоит только удивляться, что никто не подхватил это предсказание и не пошел по пути, указанному Менделеевым. Я, как мог, попытался обосновать этот закон, используя предложенную Менделеевым методику – через законы сохранения материи и энергии. Надеюсь, кого-то заинтересует этот закон, и будущие авторы разовьют предложенные здесь сильные аргументы.

Ведь Дмитрий Иванович Менделеев очень хорошо сказал: тот, кому удастся аргументировать этот закон, тот перевернет наши представления об окружающем мире и сделает их, наконец, истинными.

---

⁷² “Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди Д. И. Менделеева. Воспоминания о Д. И. Менделееве его племянницы Н. Я. Капустиной”. – СПб., 1908. С.234–237.

14.2. Смерть и бессмертие души и тела

Когда-то Бердяев обратил внимание на гармоническое единство, взаимопроникновение материального и духовного в человеке: «Тело принадлежит образу человека. Старый дуализм духа и тела, идущий от Декарта, совершенно ложен и устарел... Душевная жизнь проникает всю жизнь тела, как и телесная жизнь воздействует на жизнь души. Есть витальное единство души и тела в человеке... Форма человеческого тела есть уже победа духа над природным хаосом... Персонализм должен признать и достоинство человеческого тела.»⁷³

Д. И. Менделеев пошел еще дальше в понимании взаимоотношения между тремя ликами единой субстанции. Исходя из слиянности-неслиянности этих трех родов бытия, можно сделать предположение, что подобно тому, как сформулированы законы сохранения и превращения материи и энергии, в будущем, может даже отдаленном будущем, науке удастся сформулировать закон сохранения и превращения духа. И тогда проблема бессмертия души получит, наконец, свое научное обоснование.

Мы вынуждены констатировать, что Менделеев оказался прав, и ныне, спустя более ста лет после этого его предположения, наука так и не сформулировала указанный закон. Тем не менее, определенные подходы к нему уже могут быть сделаны. Ведь если удастся доказать нерасторжимое единство (слиянность-неслиянность) природы и духа (тела и души), то это будет серьезный шаг в научном решении вопроса бессмертия души. Смертно или бессмертно тело человека? В соответствии с законом сохранения и превращения материи, тело человека, точнее, вещество, его образующее, вечно. Это значит, что ни одна частица тела человека, ни один атом и ни одна молекула не исчезают, а, видоизменяясь, продолжают вечное существование. Именно на основании признания факта, что все атомы, оставшиеся от умерших предков, продолжают вечное существование и несут информацию обо всей их жизни, русский философ Н. Ф. Федоров разработал философию общего дела, как дела оживления предков с помощью науки.

Библейское изречение «Из праха пришел, в прах и обратился» очень метко выражает положение человеческого тела в природе: из природных элементов оно слагалось, на природные элементы оно и разлагается. Это хорошо сказано древнеримским философом Сенекой в трагедии «Троянки»:

Ты хочешь знать то, где будешь по кончине?

---

⁷³ Бердяев Н. О рабстве и свободе человека. М., 2006. С. 33-35.

Там будешь ты, где был ты до рожденья.

По существующей в науке гипотезе, первоначальным составом звезд является водород. По мере сжигания его в процессе термоядерного синтеза возникают элементы первой половины таблицы Менделеева. И, наконец, при взрыве звезды, образовании так называемой сверхновой звезды, возникают и более сложные химические элементы. Разлетаясь в разные стороны, они миллионы, миллиарды лет путешествуют в космическом пространстве, пока не образуют в каком-либо месте туманность, дающую начало системе звезда — планеты (в том числе солнечной системы).

Как известно, атомы практически вечны, они лишь претерпевают определенные модификации, вступая в разного рода реакции. При потреблении пищи, вначале беременной матерью, а затем и самим родившимся ребенком, пищи как растительной и животной, так и собственно природной: вода, соль, кислород и т. п. — в человека проникают и в нем остаются частицы умерших миллиарды лет назад звезд. Причем частицы эти несут определенную информацию о своем прошлом, которая не всегда считывается человеком, но порождает какие-то смутные ощущения и состояния, известные каждому, кто любит смотреть на звездное небо. Видимо, не случайно души человеческие Платон помещал на звезды, и столько на земле человеческих душ, сколько на небе звезд. Не случайно также и существующее до сих пор народное поверье, что падающая звезда означает смерть еще одного человека.

В этом отношении известное определение человека как малого микрокосма не есть просто красивая метафора: человек в самом деле слагается из большого числа космических образований (звезд, лучей, пылевых облаков). Таким образом, человек состоит из частиц, которые до него жили многие миллионы, миллиарды лет. В ином составе, в ином качестве, но жили. Это же относится и к посмертному существованию тела человека. Ни одна его частица не исчезает, но, видоизменяясь, продолжает существовать в почве, микроорганизмах, растениях, а также животных, их поедающих. Поэтому учение индусов о переселении человеческих душ в растения и животных не так уж наивно. Осваивая частицы человеческого тела, они, безусловно, включают в себя и ту информацию, которую эти частицы несут.

Итак, любой конкретный человек, безусловно, смертен. Но тело его как определенное материальное образование, подчиняясь закону сохранения материи, продолжает жить вечно, во всех своих частях совершая бесконечный цикл превращений, насыщая при

этом соединения, с которыми они вступают в связь, определенной информацией.

Таким образом, здесь налицо предсказанный Менделеевым закон сохранения духа, неизбежно связанный, вытекающий из закона сохранения и превращения материи и энергии. Тело умершего человека с точки зрения биологии является мертвым телом, но с точки зрения философии оно есть биологический объект, живое вещество. Ведь если живым веществом, является почва, если живым суперорганизмом является сама наша Земля, то правильным будет считать живым веществом и тело умершего человека.

Когда-то российские ученые, а после них и иностранные, устанавливая приборы над свежими могилами, фиксировали четкую вспышку возбуждения на 9-й и 40-й день. Этот факт может иметь только одно объяснение: клетки тела человека и после его кончины продолжают сохранять память (информацию), которая соответствующим образом сохраняет себя проявляет. Это предположение выглядит тем более обоснованным, что информация, т. е. сохранение и воспроизведение ее носителем упорядоченного состояния, является всеобщим свойством материи. Если данное свойство является универсальным, соотносимым с отражением, то нет никаких оснований не применять его по отношению к человеческому телу.

Существует множество подтверждений того факта, что жизнь клеток продолжается и после жизни их владельца. Не так давно весь мир облетело сенсационное сообщение американских врачей, что они берутся в пятилетний срок “возродить” Э. Пресли из его бородавки, четыре десятилетия сохраняющейся в заспиртованном виде в одной из клиник США. Чисто теоретически это является вполне возможным, ведь для воспроизведения (клонирования) человека вполне достаточно одной клетки, и даже только ее ядра. Так что мысль русского философа Н. Ф. Федорова о возможности детям “ро-дить”, т. е. воссоздать из праха их умерших родителей, основанная на законе сохранения материи, выглядит не такой уж утопичной.

То, что мертвые сохраняют какие-то признаки живого, говорит множество фактов, приводимых в печати. Так, газета «Невероятный мир» поведала об эксперименте, проведенном в Петербургском крематории, когда на голову покойника, приготовленного к сожжению, прикрепляли датчики энцефалографа, с помощью которого у живых людей измеряются импульсы, исходящие из головного мозга. Естественно, что никаких сигналов прибор не фиксировал. Но как только гроб подвозили к топке, перо начинало чертить на ленте такие же сигналы, как и у крайне испуганного

живого человека. Здесь можно также вспомнить и утверждение многих ученых о том, что на людей, проживающих в центральной части Петербурга до сих пор влияет то, что при постройке города Петром I умерли от непосильного труда многие десятки тысяч людей и город в буквальном смысле слова стоит на их костях. Т. е. мертвые каким-то образом продолжают оказывать влияние на живых. Во всяком случае, практически все самое мистическое и ужасное, что есть в русской литературе, связано с городом Петра (вспомним, например, «Медного всадника» Пушкина, «Петербургские повести» Гоголя, романы Достоевского).

Итак, современные представления об активности человеческого тела как биологического объекта, после физической смерти несущего в каждой клетке свою информацию окружающему миру, вечно сохраняемую этим миром и вечно подвергаемую качественным изменениям, — все эти представления разрушают хрестоматийное противопоставление тела и души как смертного и бессмертного.

Обычно при решении вопроса о смерти и бессмертии души исследователи рассматривают ее как некое аморфное целое. Но душа есть системное образование, каждый элемент которой находится в разных отношениях к смерти и бессмертию. Еще к Пифагору восходит разделение человеческой души на душу минеральную, растительную, животную и чисто человеческую. По учению Пифагора, душа человеческая — это частица великой мировой Души, бессмертная Монада. Ее таинственное рождение относится к началам организованной материи. Чтобы достичь своего состояния, она должна пройти через все царства природы, подняться по всем ступеням лестницы существования, постепенно развиваясь путем бесчисленных сущностей. В минералах “душа слепая и смутная, более индивидуализированная в растениях, чувствительная и интенсивная у животных. Душа стремится к сознательной Монаде”.⁷⁴

Можно ли говорить о наличии души у неодушевленных предметов, само название которых прямо указывает на ее отсутствие? Действительно, и в быденной и в научной речи давно установилось разделение всех предметов на одушевленные (растения, животные, человек) и неодушевленные (мир физики, химии, геологии). Но это разделение, что отмечалось выше, уже не соответствует нынешнему уровню развития науки, когда дух как способ самоорганизации, изменения и функционирования мира признается присущим всей природе, как живой, так и “неживой”.

---

⁷⁴ Шюре Э. Великие посвященные: Репринтное воспроизведение. Казань, 1914. М., 1994. С.268.

Если понимать душу как часть духа, как его конкретное воплощение, то правильным будет выделять душу физико-химико-геологическую (“минеральную”), растительную (“питающую”), животную (“чувствующую”) и собственно человеческую (т. е. разумную, как наиболее ярко выражающую специфику человека, и в то же время как синтезирующую все предшествующие уровни). Какова посмертная судьба разных элементов души человека, ее слагаемых?

Физические компоненты тела человека — кальций, фосфор, сера, магний и др. — продолжают вечное существование после его смерти, вступая в бесконечного рода соединения и преобразовываясь в них. Что касается тела человека как биологического вещества, то, согласно В. И. Вернадскому, живое не происходит из неживого и масса живого на земле неизменна. Из этого положения — а оно пока никем не опровергнуто — следует, что биологическое вещество вечно и это, безусловно, относится к биологическому веществу тела человека. Разлагаясь после смерти, оно питает почву (сложное образование из совокупности живого и неживого), микроорганизмы, растения, а через них и животных, совершая вечный круговорот жизни. Каждый, кто проезжал по проселочным дорогам, мог издали определить местонахождение сельского кладбища — по мощным и высоким деревьям, растущим там. В деревьях гнездятся птицы, растения поедаются животными. Как говорила героиня Л.Н. Толстого, Наташа Ростова: “всюду живая жизнь”. Да, это уже другая жизнь, не того человека, который скончался, но жизнь ведь!

Что касается наиболее сложной, чисто человеческой, социальной составляющей души человека, то вопрос о ее смерти и бессмертии выглядит более сложно. Этот вопрос можно решить только в контексте философских категорий “единичное — общее”. Общим, питающим все индивидуальные души и имеющим независимое от них существование, является природа, социум и культура. Культура есть трансцендентная, т. е. потусторонняя для каждого отдельного индивида, особым образом материализованная, вечная общечеловеческая душа. Воплощенная в разных материалах (камне, слове, звуке) и разных формах (искусство, религия, философия), веками создаваемая как народом (язык, народное творчество), так и гениями-одиночками, она питает, творит душу любого человека и после его смерти остается в сохраненном виде. Культура как мировая душа и есть, прежде всего, реальное, а не иллюзорное бессмертие человеческого духа.

Природа, общество и культура (“вторая природа”). Что помнит человек: заход солнца, капли росы на розе, свою школу, родных и близких, музыку Бетховена, фрески Дионисия. Но это все останется

и тогда, когда его не будет. То есть все содержание культуры, вечно развивающееся, будет без конца передаваться от поколения к поколению, а значит, навечно сохранит свою жизнь.

В душе любого нормального человека есть не только общее, т. е. в известном смысле вечное, бессмертное в пределах той вечности и бессмертия, которые отпущены природе, обществу и культуре. В душе его обязательно есть и единичное, индивидуальное, интимное, его собственное, т. е. никому, кроме него, не принадлежащее. И потому никем от него не отчуждаемое, умирающее вместе с ним. Для этой составляющей души нами предложено название “моя душа”.

Все тоталитарные идеологии, желающие полностью, до предела подчинить себе человеческую личность, отказывают человеку в праве существования “моей души”. Это делается разными способами: либо через прямое отрицание человеческой души, низведение ее до комплекса психических реакций (марксизм), либо через безраздельное право бога забирать человеческую душу после смерти человека и распоряжаться ею по своему усмотрению. У тоталитаризма есть много лиц, много атрибутов. Безраздельное право на “мою душу” — одно из них. Русский религиозный философ В. С. Соловьев справедливо критиковал религию за то, что, признавая общее в человеке — его божественное начало, она не признавала его индивидуальности, неповторимости, “самости”. “Моя душа” и есть то специфически личностное, наиболее интимное, неотчуждаемое никем начало в человеке, которое принадлежит только ему и никому больше и гибнет навсегда вместе с ним.

Вот почему смерть человека есть горе, трагедия или, как принято говорить, невосполнимая утрата. Поэтому вопрос смертности души решается следующим образом: общее содержание души бессмертно; индивидуальное, — “моя душа”, — смертно, ибо это полностью “мое Я”.

Но это лишь самое приближенное, первое решение проблемы. В действительности же она более сложна и сложность эта состоит в следующем. Индивидуальность, неповторимость человеческой личности также в известном смысле бессмертна. После смерти человека он долго еще продолжает жить в душах близких людей, которым именно его индивидуальность была дороже всего. Человек продолжает жить в поставленном им доме, посаженном саде, собранной библиотечке, в которых нашла отражение его индивидуальность. Не случайно в народе говорят, что человек жив до тех пор, пока живы люди, его помнящие. Что касается гениев, то их индивидуальность, став необходимой составляющей общечеловеческой культуры, приобрела подлинно бессмертное

выражение. И нас сегодня интересуют все подробности жизни Пушкина и Шопена, поскольку они в нашей душе, с нами, часть наших душ. Тем не менее, большинство простых людей уже через два-три поколения после их смерти всеми забываются. Проводимые в школах анкетные опросы показывают, что большинство школьников ничего не знает про своих прабабушек и прадедушек. Итак, проблема бессмертия души правильно может быть решена только при системном подходе: бессмертны физическая и биологическая составляющая души. Бессмертна и ее чисто человеческая часть в той мере, в какой она есть принадлежность природы и культуры. Что касается “моей души”, т. е. собственной индивидуальной неповторимости, то она у большинства людей навсегда уходит из мира с их уходом из жизни. И, может, осознание этого научит нас более бережно, более гуманно относиться к человеку, его индивидуальности, которая единственна и неповторима и которая так нужна миру, обогащая его бесконечным разнообразием.

Постскриптум.

В этом параграфе я впервые предлагаю вопрос смерти и бессмертия души решать только в связке с вопросом смерти и бессмертия тела. Это, на мой взгляд, единственный строго научный и правильный подход, позволяющий нам максимально приблизиться к решению вечной проблемы.

14.3. Сближение позиций науки и религии в понимании души

Душа является самой тонкой, самой трудноразрешимой проблемой науки, не имеющей поэтому единого, общепринятого решения. И все-таки: насколько обоснованно утверждение, что душа так же смертна, как тело, и так же бессмертна, как тело? На первый взгляд, оно противоречит общепринятому мнению, относящему бессмертие только к душе. Но это только на первый взгляд, точнее, это взгляд, типичный для обыденного, а не научного познания.

В серьезной науке смерть и бессмертие рассматривались в неразрывном единстве по отношению как к душе, так и телу. Даже Платон, доведший до крайнего предела дуализм (разрыв, противопоставление) души и тела, в качестве одного их аргументов бессмертия души приводит факт определенного бессмертия тела, специально рассматривая эту проблему в “Федоне”:

– “Когда человек умирает, видимая его часть — тело, принадлежащая к видимому миру, или труп, как мы его называем, которому свойственно разрушаться, распадаться, развеиваться,

подвергается этой участи не вдруг, не сразу, но сохраняется довольно долгое время, если смерть застигнет тело в удачном состоянии и в удачное время года. К тому же тело, усохшее и набальзамированное, как бальзамируют в Египте, может сохраняться чуть ли не без конца. Но если даже тело и сгниет, некоторые его части — кости, сухожилия и прочие им подобные, можно сказать бессмертны”. Так неужели, восклицает далее Платон, душа, превосходящая тело, должна иметь другую судьбу и рассеяться и погибнет, как о том думает большинство людей?⁷⁵ (Из этого замечания вытекает, что большинство древних греков не верило в бессмертие души).

С другой стороны, Аристотель, признавая безусловную смертность души, как имманентной (внутренне присущей) формы тела, отмечал, тем не менее, что отдельные элементы души, в частности, разум, бессмертен, ибо он не есть форма данного тела. Здесь наверняка заключена догадка Аристотеля, что в душе человека присутствует содержание культуры (научные знания, например), являющейся внешней по отношению к душе и потому вечной.

Метаморфозы, подобные платоновским, в отношении к душе и телу проявляются и в религии. С одной стороны, христианство, как и Платон, развело человека на божественную душу и смертное тело. Но, с другой стороны, открывается, что и тело очень важно. Первое исключение было сделано еще в Ветхом Завете для двух пророков — Ильи и Моисею, затем в Новом Завете — для Христа, который воскрес телесно и телесно перешел в мир иной. Затем православная ветвь христианства, более гармонично понимающая отношение души и тела, заявила, что и мать Иисуса, Мария также телесно ушла к Богу. В 1952 г. римский папа Пий XII после чудесного видения объявил и в католичестве новый догмат — о телесном воскрешении Марии. И, наконец, второе пришествие Христа будет означать, по христианской догматике, что разверзнутся могилы, души вновь вернутся в тела умерших и люди телесно будут жить на земле вечной жизнью. Иными словами, нынешний рай и ад — это лишь банк, временное хранилище душ, откуда они неминуемо должны будут вернуться в тела. То есть существование души вне тела — это не самое лучшее и лишь временное состояние.

Величайшей заслугой религии является то, что она сохранила понятия “дух”, “душа” как наиважнейшие человеческие ценности, в то время как философия иногда, а наука довольно часто от них отказывались. Религия вечно отстаивала идею, что, помимо человека как субъекта, существует еще субъект вне человека, вне

---

⁷⁵ Платон. Соч. в 3 тт. Т.2. М., 1970. С.45.

общества, являющийся абсолютным субъектом. Ценным является не только разделение понятий "дух" и "душа", но и разделение в самой душе духовного и душевного, т. е. вечного и тленного, высшего и низшего. Архиепископ Лука пишет, что дух и душа человека нераздельно соединены при жизни в единую сущность, и при этом душа человека несравненно выше, чем души животных, ибо она обладает дарами духа. В то же время есть люди, души которых составляет совокупность органических и чувственных восприятий, следов воспоминаний, мыслей, чувств, волевых актов, но без участия в этом комплексе проявлений духа. Такие души в этом случае напоминают души животных, — они смертны.⁷⁶

Христианская идея троичности несет в себе очень важный для науки рациональный смысл, хотя и высказанный в своеобразной, иносказательной манере, соответствующей языку религии. Бог-отец может быть осмыслен (этому дают основание первоисточники) как законодательное начало, иными словами, как законы природы. Дух Святой — как животворящее начало. Бог-сын — как синтез материи (тела) и духа (души).

Здесь намечено только первичное осмысление религиозного знания в контексте научных понятий. Науке еще предстоит длительная работа над религиозными текстами. Впрочем, здесь очень много наработано религиозными философами, которые давно уже осуществили синтез религиозного и философского знания, но синтез этот долгое время был невостребованным. Разумеется, что при таком синтезе религиозное знание входит в научное не прямо, а в превращенном, преобразованном виде. Точно так же, как и сама форма научного знания должна будет измениться: наряду с рационально-логическим в нем все большую роль будут играть интуитивная, чувственно-образная, нравственная составляющие.

Об активном встречном движении богословского и научно-философского знания говорят многочисленные совместные симпозиумы и встречи научной, философской общественности и духовенства. Как отмечает Н. П. Бехтерева, "если ранее наука противопоставлялась религии, то сейчас наука вошла в ту фазу, когда она скорее под-тверигии, то сейчас наука вошла в ту фазу, когда она скорее подтверждает прямо или косвенно, по крайней мере, ряд положений религии".⁷⁷

---

⁷⁶ Архиепископ Лука (В. Ф. Войно-Ясенецкий). Дух, душа, тело. СПб., 1995. С. 56—57.

⁷⁷ Бехтерева Н.П. Есть ли Зазеркалье? // Терминатор. 1995. № 1. С. 6—7.

Возрождение нами понятий ”дух”, ”душа”, постепенное введение их в школьные и вузовские программы — несомненное следствие указанного сближения.

Выводы:

— Проблема души не может быть решена вне признания духа как нематериальной составляющей природы, означающей ее способность к самоорганизации, движению, развитию.

— Вопрос смерти и бессмертия души не может быть решен вне контекста проблемы смерти и бессмертия тела. Эта взаимосвязанность означает, что, помимо законов сохранения материи и энергии, науке придется открыть и сформулировать закон сохранения духа.

— Вопрос бессмертия души решается только при выявлении общего и специфического начала в ней. Если брать чисто человеческую составляющую души, то она бессмертна в той мере, в какой бессмертна культура, являющаяся единой, постоянно развивающейся общечеловеческой душой.

А как связана душа с духом не по происхождению, не генетически и не после кончины человека, а при его жизни? Оказывается, решение этого вопроса позволяет на новом уровне решить извечную проблему духовности.

Постскриптум.

Проблемы духа и души наиболее благодатны для сближений позиций науки и религии. Нам долго внушали мысль о неразрешимом противоречии науки и религии, поэтому все, что напоминало религию, из науки тщательно изгонялось. Наладить диалог между ними – сверхтрудная задача. Полторы тысячи лет безраздельного господства религии и пятьсот лет господства науки, вражда и взаимные обиды привели их к полному отчуждению друг от друга. Тем не менее, диалог этот сейчас наметился, при сохранении за наукой, философией и религией своего собственного языка, методологий, своих собственных аргументов. В этих дебрях очень важно увидеть рациональные зерна и уметь их применить для достижения истины.

14.4. Дух, душа, духовность

Духовность издревле понимается как единство истины, добра и красоты. Такое понимание намечено было еще Платоном, но в четкой форме выражено итальянскими гуманистами, которые отмечали, что человечно то, что соответствует истине, добру и красоте, а бесчеловечно то, что им противоречит. При этом человечность и духовность отождествлялись. Как высшие ценности человеческого духа истину, добро и красоту признавали и признают

до сих пор величайшие умы человечества (в том числе В. Соловьев, Н. Бердяев, Д. Менделеев). Высшими же продуктами духовности, начиная с Гегеля, признаются искусство, религия и философия. Между ними имеется определенная корреляция: искусство коррелирует с красотой, религия — с добром, а философия — с истиной. Это традиционный, устоявшийся взгляд на духовность.

Когда в преподавательской среде в очередной раз поднимается проблема духовности, то проблема эта давно уже решена: духовность означает единство истины, добра и красоты, а приобщение к ним учащихся означает, что школа должна не только давать сумму научных знаний, но приобщать новое поколение к добру и красоте, без которых духовность не состоится.

Возрождение понятий "дух" и "душа" позволяют по-новому ставить и решать проблему духовности, которая не отменяет традиционного ее понимания, но указывает на еще один, более глубокий пласт проблемы. *Духовность теперь может пониматься как слиянность души с духом, как такое состояние, при котором преодолевается ограниченность и противопоставленность субъектно-объектных отношений. Это такое состояние, когда человек забывает себя и, сливаясь с духом природы, уходит в некие иные миры, чувствуя себя частицей бесконечного и вечного мира.* Это состояние мы испытываем, слушая любимую музыку, при бессловесной молитве (исихия), в минуты высшего духовного подъема.

Состояние это прекрасно отражено Ж. Санд в романе "Индиана": "Бывают в жизни такие мгновения, полные экстаза и вдохновенного восторга, когда наши мысли очищаются, становятся возвышенными и отрываются от земли. Эти редкие мгновения поднимают нас на такую высоту, уносят так далеко, что, спустившись на землю, мы не в силах вновь вызвать только что испытанный нами душевный восторг и не умеем отдать себе в нем отчет. Кто может понять таинственные видения отшельника? Кто может рассказать о мечтах поэта, прежде чем тот, очнувшись от экстаза, переложит их на бумагу? Кто может поведать о чудесах, открывающихся душе праведника в час, когда небо готово принять его?"⁷⁸

Поскольку человек является составляющей природы, притом такой ее составляющей, в которой по необходимости сходятся все ее силовые линии, постольку он потенциально наделен способностью возвыситься до ощущения бесконечного духа. И возвышение это осуществляется с помощью души. В обычном состоянии человек существует в сфере субъектно-объектных отношений. Но бывают

---

⁷⁸ Санд Ж. Собр. Соч. В 10 т. Т.1. М., 1993. С.218.

такие состояния, в которых у человека преодолевается раздробленность, разобщенность субъекта и объекта. Слиянность души с духом, преодоление оппозиции субъектно-объектного отношения в этом случае воспринимается как духовность. *Духовность в высшем, идеальном своем проявлении есть такое состояние, при котором уже нет ни субъекта, ни объекта, ни человека, ни природы, а есть пребывание человека в некотором новом (третьем?) мире, возвышающем его до подлинной бесконечности духа над ограниченным телесно-природным, привычным для него миром.*

Любой человек хотя бы раз в жизни испытал такое состояние, но, вернувшись из него, он мало что может сообщить, кроме того, что испытал что-то необычное. И это понятно, поскольку в этом состоянии человек не способен ощущать сам себя, а, следовательно, и ощущать свои ощущения. Только гениям дано запечатлеть такие состояния. А приобщение к бесконечному, фиксация ими бесконечного делает их творения вечными. Душа человека разрастается, охватывая творческими побегами личностно-значимой сопричастности весь земной шар со всеми его проблемами. Эти духовные побеги ветвятся, оплетают Землю и тянутся в Космос. Душа становится органом глобального синтеза духа Земли.⁷⁹ А сможет ли она также стать органом вселенского синтеза? Сможет ли человек своими духовными побегами не только сравняться с Мирозданием, но стать в нем своим? Во всяком случае, человек пытается

*Так жить, чтобы, в конце концов,
Привлечь в себе любовь Пространства,
Услышать будущего зов.*

(Б. Л. Пастернак).

Постскриптум.

Здесь дается авторское понимание духовности как слиянности духа и души, а также показано соотношение его с традиционным пониманием духовности, восходящим к Платону и итальянским гуманистам. Тут еще не все до конца ясно, но, если мы примем предложенное понимание духовности, нам откроется тайна ясновидения и дальновидения, наличие которых все более подтверждается современной наукой, и которые как раз и объясняются способностью души человека слиться с духом

---

⁷⁹ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. М., 1987.

Природы. При этом приоткрывается завеса и с восточной мудрости, традиционно тяготеющей к иррациональному.

Глава 15. Смысл жизни

15.1. Поиски смысла жизни

Мыслители всех времен и народов пытались понять загадку жизни. Да и не только мыслители. Каждый думающий человек рано или поздно ставит перед собой эти вопросы, пытаюсь уяснить для себя смысл своей жизни, смысл смерти. И неудивительно, что исчерпать эту тему вряд ли когда-нибудь удастся, как не удастся и найти абсолютную истину в ней. В различные времена для различных людей и ответы будут неоднозначными. А потому человеку вряд ли суждено когда-нибудь расставить все точки. Слишком много в понимании, а еще конкретнее, в осознании смысла жизни зависит от нашего “я”, моего чувствования и личного переживания. Как человек, как личность, каждый из нас уникален, неповторим, живет своей жизнью, которую в принципе невозможно повторить. В этой связи мир природы, культуры, ценностей видится под углом зрения каждого отдельного человека по-своему. А отсюда и проблема смысла жизни является глубоко личностной, хотя и имеющей различные аспекты. Осмысливая конкретное содержание и самосознание своей жизни, человек ищет ответ не только на вопрос об объективном содержании своего бытия, но и о его субъективном смысле: в чем мое предназначение? что такое счастье? зачем я живу? и пр. И как многообразны проявления человеческой сущности, так бесконечны и представления о самой жизни и ее смысле.

Философские подходы к решению вопроса о смысле жизни можно условно разделить на два вида: одни отрицают смысл жизни, другие, напротив, его признают.

Первую точку зрения разделяют философы, которые считают, что не может иметь смысл то, что так бессмысленно – смертью – заканчиваются. К ним, в частности, относятся экзистенциалисты, для которых единственной реальностью, к которой все мы ежесекундно и неумолимо приближаемся, является смерть, В контексте этой реальности жизнь представляется абсурдом, «Сизифовым трудом» и основным вопросом философии отсюда (А. Камю) признается вопрос, стоит ли жизнь труда, чтобы жить. Экзистенциальные мотивы порой могут посетить любого человека, в том числе и мудреца, не примыкающего к этому философскому направлению. Вот, например, что писал Л. Н. Толстой, мыслитель в целом далекий от экзистенциальной философской традиции: «Ну, хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов

лошадей, а потом? И я совершенно опешил и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: «Зачем?» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «А мне что за дело?» Или, думая о той славе, которую приобретут мои сочинения, я говорил себе: «Ну, хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, — ну что ж!» И я ничего не мог ответить... Мысль о самоубийстве пришла так же естественно, как прежде приходили мысли об улучшении жизни»⁸⁰.

Философы, признающие смысл жизни, в свою очередь, также делятся на два вида: одни видят смысл жизни в самой жизни человека, другие — вне жизни. Первые в философии получили название имманентных, вторые — трансцендентных.

Имманентные теории разрабатывались в рамках таких философских течений, как гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм.

Гедонизм (греч. наслаждение) связывает высшее благо, сущность морали и смысл жизни со всем тем, что приносит наслаждение и избавляет от страданий. Наслаждение является главным движущим началом в человеке, заложенным в него природой и определяющим все действия человека. Представители *эвдемонизма* (от греч. блаженство, счастье) считают, что смысл человеческого бытия заключается в стремлении к счастью — личному (индивидуалистический) или общественному (социальный эвдемонизм). *Утилитаризм* (отдача, польза) критерием нравственности поступка признает его полезность. Впервые теория утилитаризма начинает развиваться софистами, а в дальнейшем ее принципы были взяты на вооружение другими философскими течениями.

Имманентные теории смысла жизни утвердили оптимистическое отношение к ценности жизни, они пытались связать смысл жизни с реальным бытием человека, его потребностями, интересами, целями и идеалами.

Трансцендентные теории предполагают выявление некоей внешней для человека самоценной сущности, приобщение к которой трактуется как смысл его существования. Эти теории присущи, прежде всего, теологическим философским учениям, обосновывающим существование высшего разума (логоса, бога, дао и т. д.), который определяет основу мира и к познанию которого должен стремиться человек. К трансцендентальным теориям, рассматривающим смысл жизни вне конкретного человека, относится и марксистская философия. И хотя призвание всякого человека — всесторонне развивать все свои способности, марксизм

---

⁸⁰ Толстой Л.Н. Исповедь. В чем моя вера? Л 1991. С 45—46.

провозглашает жизнь не для себя, не для бога, а во имя социального прогресса, во имя освобождения людей от всех видов социального антагонизма. Только в борьбе за революционное преобразование мира, в которой происходит самопознание и самоизменение человека, человек выявляет меру значимости своей исторической миссии.

В решении проблемы особый интерес представляет философско-литературное эссе В. В. Вересаева “Живая жизнь”, в котором он сопоставляет имманентный (Л. Н. Толстой) и трансцендентный (Ф. М. Достоевский) подходы к проблеме смысла жизни. Для Достоевского жизнь сама по себе лишена всякого смысла, но этот смысл может быть обретен мистическим, потусторонним образом — через страдания. Все у Достоевского пронизано страданием. И даже любовь. Страдание очищает и просветляет жизнь, делает человека прекрасным и благородным и, в конечном счете, дает ему счастье. Не случайно Достоевский обрекает своих героев на страдания — за правду, за веру, за ближнего своего. И поскольку в итоге не очень ясно, что же герой обретает в ходе своих страданий, постольку эти страдания из средства обретения смысла жизни становятся самим смыслом.

Другое содержание в смысл жизни вкладывает Л. Толстой. Каждое состояние природы, любое состояние души человеческой и его тела наполнены у Толстого огромным смыслом, ибо все это грани единой «живой жизни». Последние слова, произнесенные Наташей Ростовою, и были взяты Вересаевым в качестве названия статьи. По мнению Вересаева, именно у Толстого в его романе “Анна Каренина” дано было самое поэтическое, самое возвышенное в мировой литературе описание состояния беременной женщины. И Вересаев даже выразил сожаление, что Толстой не описал половой акт, ибо это было бы самое чистое, самое идеальное в мире описание его.

Герои Толстого живут в гармонии с окружающей средой, с природой, им нет необходимости проходить через страдания, чтобы познать смысл жизни. Тайна жизни, тайна бытия открывается им в любом цветке, любой росинке, тучке, запахе. Подчинение жизни разуму, способному через согласие и единство людей, через их нравственное совершенство привести к блаженной и бесконечной жизни, основанной на “нерассуждающей” любви к человеку. В этом и состоит суть так называемого толстовства, для которого смысл жизни — в вершине, до которой человеку предстоит добраться.

Я согласен с точкой зрения Вересаева — Толстого: смысл жизни заключен не за ее пределами, а в самой жизни. Поиски смысла жизни вне и за пределами жизни, на наш взгляд, есть поиски суррогата, замены жизни.

Рассуждая о понимании смысла жизни Толстым, Вересаев упустил одну очень важную деталь из жизни великого писателя. Условно его жизнь можно разделить на два периода: до написания романа “Воскресение”, когда писателя, прежде всего, интересовала жизнь во всех ее проявлениях, и после романа, когда его стала интересовать не жизнь как таковая, а проблема смысла жизни. Возможно, не случайно само словосочетание “смысл жизни” рождено было Л. Толстым, хотя данная проблема интересовала человечество с глубокой древности. Так вот, после романа “Воскресение” писатель прожил еще двадцать лет, но он не создал уже ни одного большого произведения: в контексте заинтересовавшей его проблемы смысла жизни смысл творчества практически утратил всякое значение. Произошедшее с Л. Толстым напоминает притчу о сороконожке, у которой как-то спросили, как это она переступает сорока ножками, не задевая одной другую. Сороконожка задумалась над этим вопросом, и с тех пор она утратила прежнюю способность передвигаться — ножки стали задевать одна другую.

Человек живет полно, насыщенно тогда, когда он не задумывается над проблемой смысла жизни. Сама жизнь с ее радостями, страданием, падениями, взлетами, болезнями, выздоровлениями, ударами судьбы, удачами не дает времени и сил на размышления о смысле жизни. Жизнь коротка, и в любых условиях, по мысли Вольтера, надо “возделывать свой сад”.

Постскриптум. Когда я читаю антропологию, я всегда привожу этот пример из жизни Толстого: когда слишком большая заинтересованность проблемой смысла жизни, привела к ослаблению связи с самой жизнью, снижению творческого потенциала. Надо уметь радоваться каждому новому дню, каждой новой встрече с друзьями, с природой, с музыкой, с хорошей книгой. Гордиться своими новыми свершениями, которые позволяют реализовать свою сущность.

16.2. Счастье как ощущение полноты бытия

Смысл жизни и счастье тесно связаны, они взаимообуславливают друг друга. Смысл жизни – это те цели, которые мы перед собой ставим. А счастье есть достижение поставленных целей. Поэтому бесцельная жизнь (по принципу: день и ночь – сутки прочь) это, как правило, и лишенная счастья жизнь. Что же такое счастье? Какова его содержательная характеристика? Какие факторы, источники обеспечивают счастье?

Рассуждение о счастье следует начать, прежде всего, с указания на его многозначность и многоаспектность. *Под счастьем понимается ощущение полноты бытия, связанное с самоутверждением индивида.* Иными словами, счастье есть субъективное переживание некоего объективного факта. Из двойственной, объективно-субъективной природы счастья вытекает возможность несовпадения объективной и субъективной компоненты. Известна восточная притча. Один поэт так воспевал в стихах свою возлюбленную, что это дошло до ушей правителя и он велел привести к нему этого поэта. И сказал повелитель поэту, что его приближенные уверяют его, что в его гареме находятся самые красивые девушки, но ни об одной он не может сказать того, что пишет поэт о своей возлюбленной. И повелел повелитель показать ему эту девушку. Но когда он увидел возлюбленную поэта, он самодовольно рассмеялся: «Да! В моем гареме нет таких «красавиц»». На это поэт ответил ему: «О, повелитель! Чтобы видеть ее так, как вижу ее я, надо смотреть на нее моими глазами».

Именно из-за многоаспектности счастья, основанием его понимается — и удовлетворенность жизнью, и здоровье, и удача, и исполнение желаний, и любимая работа, и любовь, и состояние блаженства и радости, и обладание благами. *Под благом понимаются материальные и духовные ценности, приобретение или приобщение к которым доставляют нам высшую радость, наслаждение.*

Проблема счастья позволяет подойти по-новому к решению проблемы отцов и детей. То счастье, которое является таковым для старшего поколения, не является и не может являться счастьем для поколения младшего, ибо оно в его становлении не участвовало. Для нового поколения существующие условия лишь нулевой цикл, точка отсчета для своего продвижения к счастью. «Счастье, — писал А. Ф. Писемский, — не дается в готовом виде из рук благодетеля. Счастье надо завоевать. И самая трудная часть состоит в том, чтобы составить себе представление о счастье и отыскать ту дорогу, которая к нему ведет».

Что же приводит к счастью: какие способы, пути, средства? Ответы могут быть самыми разнообразными. Для счастья нужна добродетель, считают одни (Сократ), другие исходят из того, что нужно жить по правде (Чехов), третьи полагают, что счастье — в любви (У. Шекспир), для четвертых счастье состоит в том, чтобы делать счастливыми других людей (Л. Н. Толстой), счастье — в борьбе, заявляет К. Маркс, оно — в покое, считает Платон, высшее счастье приносит дружба (Аристотель). Можно до бесконечности продолжать выявление различных взглядов на счастье. Но и приведенных достаточно, чтобы понять трудность и сложность

данного феномена, играющего огромную роль в жизни человека. “Человек рожден для счастья, как птица для полета”, — утверждал В. Г. Короленко. “Пока есть жизнь, есть и счастье”, — писал Л. Н. Толстой.

Ясно одно – нравственно красивые люди – это счастливые люди.

Постскриптум. Однажды мне пришлось выступать с лекцией о счастье перед учителями города. Один из них, мужчина лет тридцати пяти, настороженно смотрел на меня, а после лекции подошел с возмущением: зачем нам такая лекция, мы не девчонки семнадцатилетние, мы должны долг выполнять, а не к счастью стремиться. Моя попытка доказать, что несчастливые педагоги, работающие только из чувства долга, напоминают высохшую воблу, тогда как только счастливые учителя, будучи распахнутыми к жизни, наиболее адекватны психике ребенка, а, значит, и наиболее полезны ему, его не убедили. Несколько педагогов нас окружили и пытались привести сердитому свои аргументы. Но он никого не хотел воспринимать, и спор продолжался минут сорок. Наконец, мне пришлось расстаться: Вы хронически больны, и я не смогу Вам помочь. Оставляю Вас с Вашим несчастным сознанием, и ухожу со своим счастливым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Как системный характер филалифии позволяет решать сложные проблемы?

То, что сложнейшие события нашей истории могут быть адекватно показаны только с позиции реалистической философии с привлечением всех основных познавательных средств, я впервые попытался показать на примере освещения Блокады Ленинграда. У нас обычно как изображается та страница истории? Авторы концентрируют свои внимание либо на героической стороне обороны, либо на мученической стороне защитников Ленинграда, либо вообще настаивают на том, что город лучше было бы сдать врагу, чтобы избежать стольких жертв. То есть господствует односторонний подход к сложнейшему периоду нашей истории. И моя задача была не только в том, чтобы собрать воедино все стороны, все аспекты той эпохи, но и выявить основной нерв, который обычно авторы просто не видят, но который очень многое

объясняет, ставит на свои места. Именно поэтому мною был выбран сложный жанр повествования, который в аннотации определялся как мемуарно-художественно-публицистический.

Прежде, чем показать эффективность методологического действия филологии, следует выяснить, действительно ли все ее слагаемые приняли участие при написании книги.

Начнем с искусства. В чем именно обнаруживается его проявление в этой книге? Во-первых, сам жанр написания книги – художественная литература: – *«Книга показала, что Вы состоявшийся писатель. У Вас очень крепкое, меткое слово. Вы смогли написать о Блокаде не только правдиво, но и красиво. При чтении книги от нее веет музыкой».* (Т. А. Рущина, ответственный секретарь Санкт-Петербургского философского Общества).

Во-вторых, подробно показана роль искусства в совершении беспримерного подвига Ленинграда: – *«В моей библиотеке много книг про Блокаду, но эта отличается от них – в ней показано, как культура и искусство, подпитывая души ленинградцев, помогли им вынести невыносимые условия существования».* (Л. Н. Захаров, директор ХИМИЗДАТа, редактор книги).

Наука. В книге использовано большое число статистических данных, свидетельских показаний, как ленинградцев, так и оккупантов. Дается строго научная их аргументация: *«У вас писательский талант. Я плакала от переполненных чувств, читая Вашу главу об общении с природой в блокадном Ленинграде. Вы привели такие мощные аргументы в пользу того, что город нельзя было сдавать врагу, что я думаю, их уже никто не сможет опровергнуть. Книга подкупает своей правдивостью».* (С. Бланк, писатель, Нью-Йорк, США).

– *«С большим интересом прочла Вашу книгу. Признаться честно, у меня тоже возникали сомнения: “А оправданы ли те жертвы, которые несло мирное население Ленинграда?” После прочтения Вашей книги сомнений нет – Ленинград должен был выстоять, и он выстоял! Очень понравился мне стиль написания книги. Четко, конкретно, с достоверными фактами, местами хлестко и одновременно душевно с любовью к родным и в целом к городу и его жителям (никто так не любит свой город, как ленинградцы)».* (О. П. Стружкова, госслужащая, Вологодская область)

Философия. Способность философии за явлениями увидеть сущность, в полной мере была использована при

написании книги. Автор приходит к выводу, что такой подвиг мог быть совершен только в Ленинграде, в городе с большими революционными традициями («гнездо большевизма», за что его так ненавидел Гитлер), в городе, в котором творили (и умирали) величайшие гении земли русской (начиная от Пушкина и кончая Чайковским). Культурную столицу страны никак невозможно было сдать врагу на поругание, что ленинградцы хорошо понимали уже с первых дней войны.

– *«Полифония разновидения наилучшим образом отражает симфонию единодушия народных глубин, поднимающихся в годы трагических испытаний. Автор, будучи известным ученым, возродившим реалистическую философию, утверждающую единство материи и духа, сумел показать одновременно и трагические условия бытия в Блокаду, и светлые, вдохновенные отношения к человеку, природе, искусству, к своему Отечеству. Именно всесторонне и с душой описанная блокадная пора определяют уникальность книги и вызывают к ней симпатии читателей».* (Л. И. Сугакова, житель блокадного Ленинграда).

Обыденное сознание. Живя в особом городе, ленинградцы оказались особой породой людей, которая не может не восхищать. Прав был главный педиатр блокадного города, профессор Тур, что у ленинградцев было много дефицита, но не было дефицита совести. – *С большим глубоким восторгом прочитал на одном дыхании Вашу чудесную книгу! Как она сегодня нужна нашему народу, особенно — нашей обучаемой молодежи! Вы дали потрясающие факты мужества ленинградцев и такую же оценку им. И замечательный прицельный огонь по "либералам"!* **В.И. Табаков**, доктор философских наук, Н. Новгород.

Религия. Религия менее других слагаемых филалифии отражена в книге, но и она там есть. И не только в воспоминании автора о вере в Бога и о тех чувствах, которые испытывают верующие люди, молящиеся перед иконой. Даже отойдя впоследствии от ортодоксальной веры, автор, спустя многие десятилетия частично возвращается к истокам, признавая существование мирового абсолюта, или духа, как чего-то трансцендентального, что, безусловно, связывает науку с религией. Чего стоит только восстановление понятий дух и душа, чтимых как важнейшие в религии. – *Книга захватила мое внимание сразу. Но первое чтение было ознакомительным. По-настоящему ее*

глубину ощущаешь лишь при повторном чтении. Рекомендую каждому прочесть ее дважды.

В. Н. Номоконов, член правления петербургского отделения Церкви Бахаи, житель блокадного Ленинграда.

Такой системный подход не только дал наиболее адекватную, «живую» картину того периода, но и привел к краху множества стереотипов, успевших войти в плоть и кровь нашего современника.

– «Книга читается на одном дыхании. Автор отошел от обычных штампов (вода из проруби, саночки с трупами, «мертвые» трамваи и т. п.), представив оптимистическую сторону блокадной жизни, в которой была и музыка, и стихи, и любовь... И это, конечно, правда, иначе не было бы Победы ленинградцев!» (**П. П. Царенко**, профессор СПбГАУ)

– «Валерий Леонидович пишет о блокаде совсем с новой для меня точки зрения... Сказать, что он открыл мне глаза на эту страшную страничку — это ничего не сказать. **Книга у меня, настоятельно рекомендую взять её у меня для чтения.** Ополченцы брали с собой в окопы — вон как затёрли. Все пришли не в восторг, а что ли в надежду, гордость, — люди мои дорогие! Надежда, вера, жизнь — это великая магия! **Нас не победить, пока мы живём здесь, внутри, а не умираем!** **Ольга**, юрист. Донецк, ДНР.

Итак, читатели отмечают, что книга открыла им глаза, показала действительную правду, истину о блокадной эпопее Ленинграда. А эта истина, эта настоящая правда явилась следствием того нового подхода, который здесь был осуществлен. Таким образом, наш новый подход, примененный практически, полностью доказал свою действенность, свою способность дать по-настоящему правдивую картину бытия. Некоторые читатели прямо отмечают, что уникальность книги напрямую связана с тем фактом, что она написана с позиции философского реализма: – «Ваша книга уникальна. Уникальна тем, что является рассказом очевидца о Жизни, оказавшейся в экстремальных условиях, – является свидетельством того, что Жизнь вопреки всему, несмотря на все усилия подавить её, берёт своё и побеждает. В книге четко проявляется реалистическая философия, дающая целостное мировидение». (**Ростислав Дижур**, писатель, Нью-Йорк, США).

«Валерий Леонидович! Ещё раз внимательно и с удовольствием прочитал Вашу книгу. Действует как хорошее лекарство. Хотя тема мрачная — Блокада — но сколько

позитив. И вот ведь что интересно — книга относится скорее к жанру публицистики, а не художественной литературы... А, впрочем, нет, это как раз то, что Вы так любите — это СИНТЕЗ. Тут и мемуары, и публицистика, и глубокий философский анализ. А читается как хорошая повесть». — **Л. Н. Захаров**, директор Химиздата, член Союза писателей России.

Тема блокадного Ленинграда довольно широко освещена в художественных и документальных фильмах, в художественной и документальной литературе, в многочисленных мемуарных книгах и статьях, написанных жителями блокадного Ленинграда. И то, что во многих отзывах на мою книгу говорится об ее уникальности, что она читателям открыла глаза на ту эпоху — это дорогого стоит. Уникальность бессмертного подвига Ленинграда может быть адекватно отображено только с помощью уникального примененного метода — филалифии, единственно способного на целостное мировидение и целостное отображение сложных явлений жизни.

В данной книге говорится не только о господствующем положении в будущем реалистической философии, но и замене ее в более отдаленном будущем филалифией. Реалистическая философия будет выступать прихожей в чертогах филалифии. Надо постепенно приспосабливаться к ее приходу в нашу жизнь: учиться писать раскованно, красиво, привлекая не только строго научные источники, но и вненаучные, если они прошли проверку житейским опытом. И тогда наша философская палитра будет намного богаче.

ПРИЛОЖЕНИЕ: ДВА МАНИФЕСТА

В 1991 году мы с Романом Алексеевичем Зобовым и Лидией Ивановной Сугаковой договорились разрабатывать новую философию. К 2004 году был опубликован ряд книг с учетом нового направления — реалистической философии.

Настало время во всеулышании заявить о себе, о реалистической философии, которую мы к тому времени уже детально разработали и обосновали. Нашим триумvirатом было принято решение о написании Манифеста. Для скорейшей работы первые, чисто теоретические главы, писал я, а третью и четвертую, имеющие прикладной характер и показывающие применимость реалистической философии к объяснению социально-политических

процессов, происходящих в мире и нашем обществе, писали мои друзья. Здесь опубликованы в сокращенном варианте две первые главы. Хотя я и писал их один, но идеи эти были рождены в итоге наших постоянных творческих контактов, поэтому можно с полным основанием считать их детищем всей нашей троицы.

Санкт-Петербургский государственный университет в лице Юрия Никифоровича Солонина, декана философского факультета, взял на себя его публикацию. К сожалению, выход в свет нашего Манифеста не имел того эффекта, который мы ожидали. По этому поводу вспоминаются провидческие слова моего друга Вадима Николаевича Номоконова, который сказал мне тогда: Валерий, не повтори ошибку Пушкина. – А что это за ошибка? – Он, критикуя свет, хотел быть своим в нем. Помни, философская элита тебя никогда не признает. Ты – белая ворона, но белая ворона ближе к белым лебедям, чем черная ворона.

На словах Вадима Николаевича «не повтори ошибку Пушкина» хотелось бы остановиться подробнее. Я ни в коем случае не сравниваю себя с Пушкиным, которого по-настоящему люблю, но удивительные аналогии в наших жизнях явно проглядываются.

– Пушкин явился создателем литературного направления, которое называется реализм, я явился воссоздателем философского направления, которое также называется реализм. За общностью названия кроется и глубинное сходство содержания. Подобно тому, как в реалистической литературе гений и злодейство оказываются совместимыми, подобно этому в реалистической философии совместимыми, более того, нерасторжимыми оказываются материя и дух. В этом случае под материей понимается вся окружающая нас природа, включая и человека, а под духом – не сами элементы природы, а способ их взаимосвязи, законы их функционирования. Иными словами, материя является содержанием мира, а дух – его формой, и они также неотделимы, как неотделимы форма и содержание. И только тривиальная философия может заявлять, что в мире нет ничего, кроме движущейся материи. Из указанного общего сходства вытекают и сходства в некоторых частных моментах.

– До Пушкина считалось, что гений и злодейство не совместимы, и в пьесах их играли разные персонажи. Пушкин в русской литературе первым показал на примере Сальери, что гений и злодейство совместимы. Урок Пушкина не пошел впрок для жителей нашей страны, половина населения которой считает Сталина только гением, а другая половина – только злодеем. Понимание того, что тираны, применявшие насилие и террор против своего народа, могли сделать для страны и что-то положительное – такое понимание оказывается запредельные для

абсолютного большинства жителей нашей родины. Подобное положение мы наблюдаем и в отношении к реалистической философии, когда большинству населения оказывается «не по зубам» идея нерасторжимого единства материи и духа.

– Сходны и наши эволюции. Пушкин в молодости восхищался Петром I, и посвящал ему романтические стихи. Но в зрелом возрасте, работая несколько лет над историей Петра I, он пересмотрел свой взгляд, и стал относиться к нему гораздо более критично. Не случайно он так и не издал свою работу, более того, даже не стал ее заканчивать, понимая, что цензура ее не пропустит. Сходная картина была и в моей жизни. В восьмом классе в день смерти вождя я купил его портрет и повесил дома в рамку под стекло, но в зрелом возрасте, работая несколько лет над книгой «Грозные правители России», вынужден был существенно пересмотреть свое отношение к нему. И так же как Пушкин, я уверен, что моя книга о грозных правителях России государством не будет издана, по крайней мере до тех пор, пока философия реализма не завоеует господствующих позиций.

Несмотря на многолетнюю творческую деятельность философов-реалистов, они так и не признаны официальной философией. Взламывая догматизм, философский реализм дает совершенно новое понимание окружающего мира и процессов в нем происходящих. Это догматики нам и не могут простить. Приведу только 2 последним примера неприятия философского реализма со стороны «общепринятой» философии.

Первый случай произошел в мае 2016 года во время переизбрания Романа Алексеевича Зобова на должность профессора Санкт-Петербургского государственного университета. Заслушав его открытую лекцию, комиссия вынесла решение отказать ему в переизбрании по конкурсу, поскольку он является сторонником «нетрадиционной» философии. И это было грустно, поскольку Роман Алексеевич отдал жизнь философии и не мыслил себя вне ее.

Второй случай произошел летом 2016 г., когда мне по интернету пришел «Манифест постматериалистической науки» американских ученых. Я обратился к главному редактору «Вопросов философии» с предложением опубликовать выдержки из двух (нашего и американского) Манифестов, обратив внимание философской общественности на интересный процесс, параллельно происходящий в России и Америке. Ознакомившись с присланными материалами, главный редактор журнала Вопросы философии, профессор Пружинин Борис Исаевич заявил, что он не может принять к печати непрофессиональную работу. На мое возражение, что я, являясь доктором философских наук, почетным профессором Санкт-Петербургского государственного аграрного университета,

после окончания философского факультета Ленинградского государственного университета все 50 лет преподаю философию, этику, эстетику, антропологию, историю мировых цивилизаций, историю религии, историю и философию науки и другие философские науки, и никто ни разу не упрекнул меня в непрофессионализме, и потому прошу объяснить, что он понимает под профессионализмом. Борис Исаевич ответил:

– Вот если бы Вы взяли какое-нибудь понятие у Канта и показали, как его понимают 15 разных ученых, не затрагивая при этом понятия «материализм» и «идеализм» - это было бы профессионально, и это я бы опубликовал. Я ответил главному редактору, что его предложение в высшей степени унижительно для меня, что это уровень магистерского реферата, но не профессорской работы и напомнил ему слова из нашего Манифеста: Философы делятся на философов по профессии, которые пишут, кто что сказал, и философов по призванию, которые пишут, что они сами сказали. И на этом наш контакт закончился. Прав был француз-философ Э. Жильсон, утверждая следующее: «На смену эпохе философов, занимавшихся философией, пришли профессора философии, занимающиеся философами».

Поскольку американские ученые пришли к выводам, подобным нашим, постольку, очевидно, будет разумно нам объединиться и действовать сообща. Я через Софию Бланк послал им в английском переводе сокращенный вариант (опубликованный здесь) нашего Манифеста и предложение к сотрудничеству. Но... – ни ответа, ни привета.

Итак, оглядываясь на всю мировую историю философии и науки от древнейших времен до наших дней, убеждаемся, что нас много. С нами величайшие умы человечества! Реализм будет центральным философским мировоззрением! Развивать и продвигать Реалистическую философию – долг каждого честного философа, каждого мыслящего, ищущего истину человека – наш долг!!!

И «на закуску» привожу оба манифеста.

МАНИФЕСТ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

*Манифест (от лат. manifestare) –
делать явным, показывать*

Мы хотим сделать явным тот факт, что реалистическая философия есть самое древнее и самое молодое ее направление, что она является осевой линией развития мировой философской мысли, проходящей через самые выдающиеся имена.

Мы хотим сделать явным тот факт, что и материализм и идеализм являются односторонними, крайними моментами

развития мировой философской мысли, которые в силу этого дают лишь абстрактные, оторванные от реальности картины мира.

Мы хотим сделать явным тот факт, что материализм и идеализм являются прошедшими направлениями философской мысли. И хотя они были крайне необходимы в развитии мировой философской мысли, но это детство философии, которое невозможно уже ни вернуть, ни продолжать.

1. Материализм - идеализм - реализм.

Реализм нами понимается как философское направление, признающее равнозначность материальной и духовной составляющих мира. Он возникает вместе с появлением философии, вплоть до разделения и противопоставления ее на материализм и идеализм. В качестве диалектического синтеза (а не механического соединения, как в дуализме) односторонних, крайних философских направлений - материализма и идеализма - реализм восстанавливается в Германии начиная с И. Г. Гердера, Г. В. Лейбница, И. Канта и Ф. Шеллинга, в России - с А. И. Герцена. Реализм - это идеал-материализм, это философия глобального синтеза материи и духа, материализма и идеализма. Ведь интереснейшая вещь - никто из физиков не спорит, что было вначале - притяжение или отталкивание, никто из химиков не спорит, что было вначале - ассоциация или диссоциация, никто не спорит из биологов, что было вначале - наследственность или изменчивость, и математики обычно не задумываются над вопросом: что было раньше - сложение или вычитание. И только есть одна ситуация, которая называется «Курица или яйцо» и которая высмеивает глупость. И этой глупостью занимаются только философы. И те, и те позиции неизбежно логичны, но такие же абсурдные, как проблема курицы и яйца. В чем наше отличие? Дело в то, что реалисты - это люди, которые с большим уважением относятся к материалистам и идеалистам. Понимая, что и те, и другие правы, они отмечают важнейшие два элемента окружающего нас мира: природу (материю) и дух (идею).

Если природа в ее предельном значении понимается как мир в целом, определяемый физикой как материя, то с духом дела обстоят сложнее. Понятие «дух» длительное время отсутствовало в научном обиходе. В лучшем случае оно понималось как синоним мыслящему разуму, но в последнее десятилетие это понятие было восстановлено и оно сейчас понимается в следующих трех значениях: индивидуальный дух, общественный дух и объективированный дух. Исходя из традиции, идущей еще от античности, но и учитывая современный опыт науки и философии, мы предлагаем следующее, четвертое понимание термина «дух» в его универсальном, всеобщем значении. *Дух - это не сами*

элементы природы, а способ их взаимосвязи, закон их функционирования, это нематериальное начало мира, определяющее его активность, его способность к самоорганизации, гармонии, симметрии, порядку. Дух – это то, что древние греки называли мировым разумом и что действует на основе свободы и необходимости. Дух – это прежде всего законы природы.

В чем наша принципиальная особенность? Если материалисты обращены, прежде всего, к материи, то идеалисты - к духу. Такому разделению есть и определенные физиологические предпосылки. Дело в том, что неслучайно существуют два полушария у человека, левое - чисто рациональное, ориентированное, прежде всего, на материю, логическое познание мира, и правое, иррациональное, обращенное к духу, прежде всего. Почему они равноправны? Потому что есть два слагаемых мира: природа и дух, и два полушария у человека, предназначенные для восприятия этих слагаемых. Левополушарные люди - это материалисты и рационалисты, у них хорошо работает левое полушарие, основанное на науке. Честь и хвала им. Правополушарные люди — это идеалисты и иррационалисты, основанные на религии и искусстве и, в этом плане, честь и хвала им. Ну а те немногие люди, у которых нормально работают оба полушария, являются реалистами. То же самое касается и философии. Конечно, мы не будем судить материалистов и идеалистов. Они необходимый этап, мы с очень большим уважением относимся к ним, потому что они видели важнейшие стороны мира, но просто мы не хотим на этом пути останавливаться, потому что понимаем, что есть более высокие уровни.

Если перед нами чисто профессиональный философ, для которого философия является профессией, то он обязательно будет или материалистом, или идеалистом. Внутри философии возможен только этот подход. Если же для него это не профессия, а призвание, и он с помощью философии пытается открыть мир, если у него помимо скрупулезного знания философских источников, рационального подхода к объяснению мира есть восторг, любовь, восхищение, радость перед бытием, он будет обязательно реалистом. Кстати все реалисты любят искусство, любят природу, они открыты к миру в целом, любят этот мир. Все самые жизнелюбивые люди в мире, самые счастливые люди в мире, - реалисты, потому что их направление обращено к миру в целом, они видят мир стереоскопически, не моноскопически: одним глазом, одним полушарием, а стереоскопически, какой он есть на самом деле. Им дано открыть мир и человека. И поэтому у нас на равных стоит научное знание и знание вненаучное. Наука по определению

имеет дело с материей, с явлениями, свойствами, процессами, которые происходят в материальном мире. А вненаучное знание (имеется в виду религия, искусство, обыденный опыт, и т. д.) обращено, прежде всего, к духу. Когда мы делаем попытку соединить все ценное, что есть в религии, искусстве и науке - это реализм. Когда мы вслед за Кантом считаем, что только рационально познать мир нельзя, необходим еще восторг перед миром, творческое вдохновение, то это тоже реализм.

В эпоху античности верховным арбитром, непререкаемым авторитетом по всем вопросам была философия. В Средние века ее место заняла религия. В эпоху Возрождения высшим авторитетом пользовалась художественная культура. В Новое время на авансцену выходит наука со своим непререкаемым авторитетом. Пятьсот лет безраздельного господства обернулись научным чванством, признанием только за собой права познавать и оценивать мир, И не все ученые обратили внимание на тот факт, что авторитет и философии, и религии, и художественной культуры, и науки в равной мере оказался подорванным, поскольку претензии каждой из них дать целостное знание так и не оправдалось, ибо ни одна из них не смогла дать адекватную реальности, полную картину мира. Это значит, что для подлинно целостного знания сейчас надо использовать достижения всех отраслей духовного «производства», только такое знание освободит нас от односторонностей, которые имели место до сих пор. Это, в свою очередь, значит, что на смену одностороннему, отрывочному, абстрактному знанию должно прийти живознание, о котором мечтали и писали философы-сливянофилы и которое мы называем филалифией.

2. Критика реализма и критика критиков реализма

Про всех реалистов пишут одно и то же (про нас, кстати, тоже). То им вменяют в вину, что они вечно металиси между двумя полосами - материализмом и идеализмом, не могли занять четких, логически грамотных позиций, то насмехались, как они барахтаются в реке и не могут пристать ни к правому, ни к левому берегу. Рассмотрим эти аргументы противников реализма на примерах двух выдающихся реалистов прошлого: Аристотеля и Канта. Поскольку они были реалистами, постольку, естественно, все дружно отмечали их непоследовательность, нелогичность позиций. Положение о том, что Аристотель занимал промежуточную позицию в борьбе материализма и идеализма, что он колебался между материализмом и идеализмом, поддержано большинством отечественных философов. Точно так же поддержана и идея о непоследовательности Канта, что, когда Кант говорит о вещи в себе - он материалист, а когда объявляет ее трансцендентной - он идеалист. Не случайно поэтому мыслители, занимающие более

последовательные, чем Кант, позиции, постоянно критиковали его «слева» (материалисты) и «справа» (скептики и идеалисты).

Обвинять философа в непоследовательности, путаности можно только в случае непонимания сути философии, сути философа. Возможно, непоследовательными могли быть второ- и третьестепенные философы, у которых в голове сложилась бессистемная каша из положений разных философских школ. Но такое ни в коем случае нельзя говорить об известном, а тем более знаменитом философе. Настоящий философ — это Мыслитель с большой буквы, притом, наделенный даром слова в не меньшей степени, чем поэты и писатели. Учение настоящего философа есть всегда целостная, логически связанная система представлений о мире. Здесь уместно привести следующее рассуждение Аристотеля. Бог создал мир, философ поднялся над миром, чтобы его оценить, т.е. в чем-то сравняться или даже превзойти бога.

Может ли философ после такой заявки опозориться и дать бессистемное, хаотичное, внутренне противоречивое знание? Может ли Аристотель - Создатель Логики - быть нелогичным? Почему-то никто не задается этим вопросом. Но это же относится и к Канту. Хотя отцом диалектической логики считается Гегель, но основы ее были заложены именно Кантом под названием трансцендентальной логики. Кант блестяще доказал, что бессистемное, хаотичное, разорванное знание не является научным. Так неужели он мог дать бессистемное, плохо связанное друг с другом знание?

Дело совсем в другом. Реалистов меряют по мерке материалистов и идеалистов и получается, что они не такие, т.е. неправильные. Подобная ситуация прекрасно описана Г. Х. Андерсеном, когда с точки зрения уток молодой лебедь может быть признан только гадким утенком. Но если мы признаем, что Аристотель и Кант были реалистами, что их учение надо мерить по мерке реалистической логики, реалистической диалектики, то все встает на свои места, - их логика оказывается в высшей мере безупречной. И то, что воспринимается обыденным философом как метания, в действительности оказывается прорывом в новый уровень философии. Не метания, а четкое осознание известной правоты двух линий, двух направлений мировой философии, здесь мы имеем. Налицо бережное, уважительное отношение и к линии материализма и к линии идеализма.

В свое время Платон отметил, что добро есть единство меры, красоты и правды. Затем итальянские гуманисты вывели формулу, согласно которой наиболее человеческим в человеке, его высшими духовными ценностями являются истина, добро и красота. Все что истинно, добро и красиво - все человечно, что неистинно, недобро и некрасиво - бесчеловечно. При этом истинное, как правило,

одновременно и доброе, а доброе - красивое. Почему-то никто из философов до сих пор не обратил внимания на тот факт, что испекающая ненависть, которой пропитаны материализм и идеализм, является важнейшим аргументом в пользу неистинности их учений. Реализм есть единственно толерантное направление развития философской мысли, у которого нет неприятия ни к одному из существовавших и существующих направления развития мировой философской мысли - и это важнейший показатель истинности их позиции, поскольку, как известно, истина, добро и красота неразделимы.

Следующим критерием, позволяющим безошибочно узнать философа реалистического направления, является его убежденность в необходимости и важности чувственного познания. О важности чувственного познания писал философ-реалист Аристотель в своей работе «О чувственном восприятии». Еще более решительно отстаивал важность чувственного познания реалист Кант, у которого в его «Антропологии» даже есть параграф «Апология чувственности». Решительно отстаивал необходимость и важность чувственного познания реалист Фейербах. Да и практически во всей русской философии красной нитью проходит убеждение, что мир адекватно может быть воспринят только с помощью как разума, так и сердца. Это и понятно. Признание неделимости природы и духа, а также признание того, что материальная сторона бытия исследуется, прежде всего, с помощью разума, а духовная – чувства, это признание породило уверенность в их равной необходимости. При этом, поскольку материя и дух признаются реалистами нерасторжимыми, постольку, как справедливо отмечают философы-реалисты (Гердер, Гете, Фейербах и др.), речь идет не о рациональном плюс чувственном познании, а о неделимом рационально-чувственном познании.

В философии очень давно сложилась патовая ситуация, на которую почему-то известные философы не хотят обращать внимания. Если в шахматах игроки трижды повторяют одни и те же ходы, судья останавливает игру, объявляет ничью и просит противников, как равноправным сторонам, пожать друг другу руки. В философии уже третье тысячелетие повторяются одни и те же ходы, в ходе которых материалисты называют идеалистов недоумками (Г. В. Плеханов), а идеалисты материалистов – ничтожествами (Платон), не имеющими даже право называться философиями. Но здесь нет судьи, который предложил бы противоборствующим сторонам пожать друг другу руки и осознать свою одинаковую правоту и значимость. «Материалист, ты прав, - должен был бы сказать судья, - материя существует и все твои аргументы безукоризненны. Спасибо тебе. Идеалист, и ты прав, дух

как нематериальная стороны мира действительно имеет место быть. И спасибо тебе огромное за то, что ты эту идею отстаивал до конца. Поэтому то вы и не можете перебороть друг друга, что вы равно правы и равно сильны». Но нет такого судьи в философии, а сами философы, ослепленные борьбой, причем «борьбой до последнего конца», не желают видеть той патовой ситуации, в которой они давным-давно оказались. Ведь признать правоту другого, значит признать свою неправоту, свою односторонность. И, используя наработки своих великих предшественников из «линии материализма» и «линии идеализма», наработки, которые у их адептов вызывают полный восторг и абсолютное признание, философы продолжают свой сизифов труд.

3. Исторические вехи реализма.

Реалистов, насколько нам известно, никогда не выделяли в качестве одного из ведущих направлений мировой философской мысли, кроме книги В. Вундта «Введение в философию», где он выделяет направления реализма в качестве однопорядкового с материализмом и идеализмом, и более того, как наиболее перспективного из всех существующих философских направлений.

Приведем высказывания некоторых современных ученых, разделяющих реалистическое мировоззрение: "Я не только материалист, но и панпсихист, признающий чувствительность всей вселенной. Это свойство я считаю неотделимым от материи." **К.Э. Циолковский.**

«Как может ученый, если он честен, объяснить случайностью столь сложное устройство окружающей нас живой природы, когда вероятность такой случайности практически равна нулю. Поступать так, сознательно пренебрегая фактами, значит грубо нарушать профессиональную этику». **Дж. Баумгарднер**, геофизик.

«Мир гораздо сложнее того, что можно объяснить научно; понять это могу только через сверхъестественное». **А. Сандж**, астроном.

«Надо сказать, что базирование нашей биологии на примитивном материализме привело к тому, что мы, по существу, в рамках коридора, ограниченного невидимой, но очень колючей проволокой... В рамках ограничений действительно механистического материализма всё, что непознаваемо сейчас и трудновоспроизводимо не существует. Просто не существует, и всё! Гипноз и внушение, хоть и не известно, что это такое, - особенно внушение без слов – существуют, они воспроизводимы... Верю и надеюсь, что задача изучения основы так называемого идеального должна быть поставлена». **Н.П. Бехтерева**, физиолог.

Реалисты существовали всегда. Далеко не все философы ослеплены пылом борьбы за одностороннюю правду, поскольку на

протяжении всей истории философии постоянно делались попытки синтеза рассматриваемых односторонностей, попытки целостного освоения мира. Назовем только некоторые из наиболее известных попыток такого рода.

- Гилозоизм, утверждающий наличие живого начала во всем мире, в том числе и в так называемой «неживой природе».

- Пантеизм, признающий принадлежность божественного духа всей природе, обожествление ее.

- Дуализм, признающий бытие как состоящее из двух равных, независимых друг от друга субстанций: духовной и материальной.

- Деизм, признающий мир, действующий самостоятельно, но первоначально созданный богом, как неким безличным началом, сообщившим миру его законы, гармоничность и целесообразность

- Антропологизм, признающий единство духовного и материального в идее единства человеческой сущности и этим самым преодолевающий противопоставление духа и материи.

- Панлогизм, признающий присущность логического начала не только человеку, но и всему миру, притом, даже первичность этого начала по отношению к миру.

- Панпсихизм, исходящий из признания универсальности психики, распространение ее на весь окружающий мир.

- Нью-эйдж (новый век) — современное общекультурное направление, исходящее из союза научного, религиозного подходов, а также здравого смысла. Это направление, как и предыдущие, исходит из признания двойственного, материально-духовного основания мира.

То, что названные течения в истории философской мысли существуют постоянно, на протяжении всей ее истории, не может быть объяснено случайностью, прихотью отдельных философов. Необходимо признать, что здесь более серьезное основание, что мир действительно двуединый и невозможно разорвать и противопоставить духовную и материальную компоненты мира.

Мы хотим показать, что высшими этапами развития материализма и идеализма является реалистическая философия. Материализм и идеализм находятся в постоянной борьбе и непримиримости только на низших и средних уровнях развития мировой философии. На высшем же уровне ее развития они находятся в отношении взаимодополнительности, гармонического единства. Еще древние греки утверждали, что противоречие является не только условием борьбы, но и условием высшей гармонии. Это положение на многие века оказалось забытым, не востребованным, мы же хотим на примере реализма показать его истинность. Никто так не любит материю, так не служит ей и так ее не воспевают, как реалист. Ключевое понятие для материализма —

материя – было введено в философский обиход не материалистом, а реалистом Аристотелем. А ведь именно это понятие дало название для всей материалистической философии. Еще пример. До Канта все ученые и все философы были уверены, что без воли Бога объяснить происхождение Вселенной невозможно. Но именно реалист Кант в своей космогонической теории навсегда отстранил Бога от творения мира. Мы убеждены, и возможно когда-нибудь это попытаемся доказать, что именно реалисты дали начало наибольшему количеству наук, именно они сделали больше всего научных открытий при изучении материальной компоненты мира. В предварительном плане достаточно только вспомнить имена Аристотеля, Бруно, Декарта, Спинозы, Лейбница, Канта...

4. Что такое «философский бог»?

Философский бог - это не Яхве и не Иегова, а то удивительное гармоническое начало, та красота и то совершенство, которые не могут не покорить, не привести в трепетный восторг мыслящего человека. Приведем по этому поводу только несколько высказываний великих мира сего.

Дж. Бруно: «Мы иным образом, нежели негодяи и глупцы, определяем волю Бога... Мы ищем его в непреодолимом и нерушимом законе природы, в благочестии души, усвоившей этот закон, в сиянии солнца, в красоте вещей».

И. Ньютон: «Чудесное устройство космоса и гармония в нем могут быть объяснены лишь тем, что космос был создан по плану всеведущего и всемогущего существа. Вот - мое первое и последнее слово».

А. Вольтер: «Я смотрю на истинных философов как на апостолов божества. Такие апостолы нужны для разного рода людей. Приходский учитель катехизиса говорит детям, что Бог есть; Ньютон доказывает это мудрецам».

А. Эйнштейн: «Среди лучших умов научного мира редко встретишь того, кто не испытывал бы определенных религиозных чувств... Эта религиозность состоит в восторженном преклонении перед гармонией природы, - гармонией, свидетельствующей о таком разуме, перед которым меркнут все достижения научной мысли».

А. Д. Сахаров: «Я не знаю, в глубине души, какова моя позиция на самом деле, я не верю ни в какие догматы, мне не нравятся официальные церкви... В то же самое время я не могу представить себе Вселенную и человеческую жизнь без какого-то осмысленного начала, без источника духовной «теплоты», лежащего вне материи и ее законов. Вероятно, такое чувство можно назвать религиозным».

Приведенные слова Эйнштейна и Сахарова полностью подтверждают современные статистические данные, приведенные П. Тиволье в книге «Спутник искателя правды» (Брюссель, 1992, с.

51), по которым из трехсот наиболее известных ученых трех последних веков 20 было неверующих, 38 не высказывали своих отношений к религии, а 242 в той или иной степени проявляли свою религиозность.

Итак, с начала своего возникновения и на многие века философия связывает себя с задачей осмысления этого божественного мироустройства. Философию можно было сравнить со священным сосудом, в котором хранилась тайна мироздания. Объявленная на исходе XIX века смерть бога своим следствием имела еще множество других смертей, о которых философы заявили уже в веке XX: умер человек, умерла культура, умерла философия. Смерть бога, смерть человека, смерть культуры неминуемым следствием имели смерть философии. Разумеется, философия не умерла совсем, но она полностью утратила свой прежний самостоятельный статус, превратившись в ремесло по обслуживанию конкретных, частных задач, никак не претендующих на освоение мира в целом: философия жизни, философия существования, философия практики, философия науки, философия техники, философия языка, философия культуры, философия религии, философия свободы... Философию все более активно начинает третировать общественное мнение, доходящее даже до сомнения в необходимости ее существования.

Завершившийся к началу XX столетия бракоразводный процесс между наукой и религией имел и еще одно, самое страшное последствие - две мировые войны, унесшие десятки миллионов жизней. Осознание этого трагического факта привело к тому, что с середины XX века во всем мире, включая Россию, наблюдается определенный ренессанс религиозных ценностей, определенное сближение, взаимоотяготение, взаимодополнительность науки и религии.

Философ-реалист воспринимает и перерабатывает знание, даваемое науками (естественными и гуманитарными), религией (различными ее конфессиями), философией (разными школами и направлениями), искусством (разными видами) и здравым смыслом, которым обычно пренебрегают другие направления познания, но без которого подлинно реалистическое познание мира невозможно. Таким образом, реализм, - это не только философия, не только идеал-материализм, о чем говорилось выше, но это особое прочувствование мира, особое мировосприятие и мироосмысление. Эта сумма, сплав, синтез основных форм познания мира в итоге дает принципиально новое знание, адекватное существующей реальности. Это новое знание мы и называем филалифией, как тем новым способом усвоения мира, который на наших глазах приходит на смену привычным пяти видам познания. Это знание изменит

наши устоявшиеся представления о мире, оно поднимет человечество на новый уровень, позволит ему решить многие нерешенные проблемы. Это знание будет добываться не одно столетие, мы лишь в начале этого пути, и о неизбежности этого пути заявляет реалистическая философия. Реализм является той самой «бритвой Оккамы», которая единственная способна дать адекватное отражение мира во всей его реальности и полноте. Ведь только реализму под силу осуществить синтез односторонних философских направлений, ибо он с этой целью и создавался. Только реализм способен осуществить синтез рационального и иррационального, поскольку, наряду с научно-рациональными подходами, дающими знание о материальной составляющей мира, он способен на творческое воображение, сказочное мировосприятие, восторг, столь необходимые для освоения духовной составляющей мира. И поэтому только утверждение реалистического мировоззрения будет способствовать возрождению философии как высшего проявления человеческого духа.

Поскольку это целостное знание, в котором наиболее нуждается современный мир, постольку нельзя переоценить то значение, которое будет иметь его утверждение для политики, экономики, науки, всей дальнейшей жизни всего человечества. Реалистическая традиция проходит через всю мировую историю. Будучи детищем философии, реалистическое мировоззрение во все большей мере распространяется на науку, искусство, политику, религию, обыденный опыт – на все сферы жизни. Наша эпоха и индивидуальное развитие человека все настоятельнее требуют целостного подхода к природе, обществу и человеку. Такой подход способна дать именно реалистическая философия. Утверждение реалистического мировоззрения в умах все большего числа людей поможет преодолеть извечную конфронтацию между различными направлениями философии, а также между философией и религией, философией и наукой, философией и искусством, философией и обыденным опытом. Итак, реалистическое мировоззрение, как адекватное окружающему миру и человеку, в наибольшей мере обращено в будущее.

Авторы Манифеста

Обухов Валерий Леонидович, доктор философских наук,
Президент российского общества реалистической философии.

Зобов Роман Алексеевич, доктор философских наук, профессор,
Сугакова Лидия Ивановна, старший научный сотрудник.

С.-Петербург, 2004 г.

МАНИФЕСТ ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ниже представлен перевод с английского «Манифеста постматериалистической науки», выполненный редактором журнала «Эрос и Космос» Александром Малаховым. Манифест постматериалистической науки опубликован в Журнале «Эрос и Космос».

"Мы — группа ученых, известных по всему миру и принадлежащих к различным областям науки (биология, нейронаука, психология, медицина, психиатрия), участвовавших в саммите о постматериалистической науке, духовности и обществе.

Саммит был организован Гари Шварцем, PhD, Марио Борегаром, PhD (Университет Аризоны) и Лизой Миллер, PhD (Колумбийский университет). Саммит состоялся в Canyon Ranch в Тусоне, Аризона, 7–9 февраля 2014. Нашей целью было обсудить влияние материалистической идеологии на науку и возникновение постматериалистической парадигмы науки, духовности и общества.

Мы пришли к следующим выводам:

1. Современное научное мировоззрение основывается, главным образом, на допущениях, связанных с классической физикой. Материализм (идея, что материя есть единственная реальность) является одним из таких допущений. С ним связано ещё одно допущение — редукционизм как концепция, утверждающая, что сложные вещи могут быть поняты, будучи сведенными ко взаимодействию их частей, или же к более простым и более фундаментальным вещам, наподобие мельчайших материальных частиц.

2. В течение девятнадцатого века эти допущения прошли процесс затвердевания, превратившись в догмы, и слились в систему взглядов — идеологию, — ставшую известной как «научный материализм». Эта система взглядов утверждает, что сознание есть не что иное, как физическая активность мозга, и что наши мысли не могут оказывать какого-либо влияния на наш мозг и тело, наши действия и физический мир.

3. В двадцатом веке идеология научного материализма стала доминировать в академическом сообществе. Доминировать настолько, что большинство ученых поверили, будто она основана на твердых эмпирических доказательствах и представляет собой единственное рациональное мировоззрение.

4. Научные методы, базирующие на материалистической философии, оказались чрезвычайно успешны не только в углублении нашего понимания природы, но и в получении больших возможностей и большей свободы, благодаря научно-техническому прогрессу.

5. Однако почти абсолютное господство материализма в академическом мире существенно сузило науку и стало препятствовать научному изучению сознания и духовности. Восприятие этой идеологии в качестве единственно возможных концептуальных рамок заставило ученых игнорировать субъективный аспект человеческого опыта.

6. Наука — это, в первую очередь, свободный от догм и предубеждений метод получения знаний о природе через наблюдения, экспериментальные исследования и теоретическое объяснение феноменов. Ее методология не является синонимом материализма и не должна быть привязана к каким-либо конкретным убеждениям, догмам и идеологиям.

7. В конце девятнадцатого века физики открыли эмпирические феномены, которые не могли быть объяснены классической физикой. Это привело к развитию в течение 1920-х и начале 1930-х революционно нового направления физики, названного квантовой механикой (КМ).

КМ поставила под вопрос материальные основания мира, показав, что атомы и субатомные частицы в действительности не твердые объекты, — они даже не существуют постоянно в определенных точках пространства и времени. Что самое важное, КМ непосредственно ввела сознание в ее базовую концептуальную структуру, поскольку было установлено, что наблюдаемые частицы, наблюдатель-физик и метод, используемый для наблюдения, связаны между собой. Согласно одной из интерпретаций КМ, этот феномен означает, что сознание наблюдателя необходимо для существования наблюдаемых физических событий и, стало быть, психические события могут воздействовать на физический мир. Результаты недавних экспериментов поддерживают данную интерпретацию. Имеющиеся результаты подводят к выводу, что физический мир более не является основным или единственным компонентом реальности, и что он не может быть полностью понят без учета сознания.

8. Психологические исследования показали, что сознательная психическая активность способна причинно влиять на поведение, и что агентические факторы (такие как убеждения, цели, желания и ожидания) имеют очень высокое прогностическое и объяснительное значение. Более того, исследования в области психонейроиммунологии указывают, что наши мысли и эмоции

способны существенно влиять на деятельность физиологических систем (например, иммунной, эндокринной, сердечно-сосудистой), соединенных с мозгом. Также, нейровизуальные исследования саморегуляции, психотерапии и эффекта плацебо демонстрируют, что психические события могут оказывать существенное влияние на деятельность мозга. Мы способны, не прибегая к обычным чувствам, получать информацию теми способами, которые выходят за рамки привычных пространственных и временных ограничений

9. Исследования так называемых «пси-феноменов» показывают, что порой мы способны, не прибегая к обычным чувствам, получать значимую информацию теми способами, которые выходят за рамки привычных пространственных и временных ограничений. Кроме этого, пси-исследования демонстрируют, что мы можем психически влиять — на расстоянии — на физические приборы и живые организмы (включая других людей). Пси-исследования также показывают, что сознания, находящиеся на расстоянии, способны нелокально коррелировать, — то есть корреляции между удаленными друг от друга сознаниями, предположительно, ничем не опосредованы (не связаны с любым известным энергетическим сигналом), постоянны (не уменьшаются с увеличением расстояния) и мгновенны (они, по-видимому, происходят без каких-либо задержек). Эти события настолько часты, что они не могут рассматриваться ни как аномалии, ни как исключения из естественных законов, но как указание на необходимость разработки более широких концептуальных рамок, которые не должны основываться только на материализме.

10. Сознательная психическая активность может быть испытана в состоянии клинической смерти во время остановки сердца (это называется «околосмертным опытом», ОСО). Некоторые люди, прошедшие через околосмертный опыт, сообщили о достоверных внетелесных переживаниях (то есть таких переживаниях, которые могут быть проверены на предмет соответствия действительности), имевших место во время остановки сердца. Они также рассказывали о глубоком духовном опыте, полученном в ходе ОСО, вызванном остановкой сердца. Необходимо отметить, что электрическая активность мозга прекращается через несколько секунд после остановки сердца.

11. Контролируемые лабораторные эксперименты зафиксировали, что опытные медиумы (люди, утверждающие, что они способны общаться с сознанием физически умерших людей) в некоторых случаях могут получать очень точную информацию о скончавшихся. Это еще раз подтверждает вывод, что сознание может существовать отдельно от мозга.

Результаты, которые не вписываются в господствующие теории и набор убеждений, не могут быть априорно отвергнуты. Подобное отвержение принадлежит сфере идеологии, а не науки

12. Некоторые материалистические настроенные ученые и философы отказываются признать эти феномены, поскольку они противоречат их концепции мира. Отказы от постматериалистического изучения природы или отказы в публикации сильных научных результатов, поддерживающих постматериалистические установки, противоречат истинному духу научного исследования, требующему непредвзятого рассмотрения любых эмпирических данных. Результаты, которые не вписываются в господствующие теории и набор убеждений, не могут быть априорно отвергнуты. Подобное отвержение принадлежит сфере идеологии, а не науки.

13. Необходимо понимать, что пси-феномены, околосмертный опыт во время остановки сердца и достоверные результаты, полученные в исследованиях опытных медиумов, являются аномальными, только если смотреть на них через призму материализма.

14. К тому же материалистические теории не способны объяснить, как мозг генерирует сознание, и они не способны объяснить эмпирические результаты, которые были упомянуты в этом манифесте. Этот провал говорит нам, что настало время освободиться от оков и шор старой материалистической идеологии, дабы расширить наше представление о естественном мире и принять постматериалистическую парадигму.

Настало время освободиться от оков и шор старой материалистической идеологии, дабы расширить наше представление о естественном мире

15. В соответствии с постматериалистической парадигмой:

а) Сознание является аспектом реальности столь же первичным, как и физический мир. Сознание фундаментально во вселенной, то есть оно не может быть выведено из материи или сведено к чему-то более глубокому.

б) Существует глубокая взаимосвязь между сознанием и физическим миром.

в) Сознание (воля/намерение) способно влиять на состояние физического мира и действовать нелокальным образом. Иными словами, оно не ограничивается отдельными точками ни в пространстве — будь то в мозгу или теле, ни во времени — например, настоящим. Поскольку сознание способно нелокально влиять на физический мир, то намерения, эмоции и желания экспериментатора не могут быть полностью изолированы от

результатов эксперимента, даже при использовании контролируемых и слепых методов.

d) Отдельные сознания, по всей видимости, неограничены и могут каким-то образом сливаться, образуя Единое Сознание, включающее в себя все индивидуальные сознания.

e) Околосмертный опыт в ситуациях остановки сердца подтверждает, что мозг работает как передатчик психической активности; иными словами сознание работает через мозг, но мозг не создает его. Околосмертный опыт, вместе с подтвержденными результатами исследований медиумов, позволяет предположить, что сознание выживает после телесной смерти и что существуют другие уровни реальности, не являющиеся физическими.

f) Ученые не должны бояться исследовать духовность и духовный опыт, поскольку они представляют собой центральный аспект человеческого бытия.

16. Постматериалистическая наука не отвергает эмпирические наблюдения и огромную ценность научных достижений, сделанных до сих пор. Она стремится расширить человеческие возможности для лучшего понимания чудес природы, а в ходе этого заново открыть важность сознания и духа как части первичной ткани вселенной. Постматериализм включает и материю, которая рассматривается как базовая составляющая вселенной.

17. Постматериалистическая парадигма имеет далеко идущие последствия. Она в корне меняет то, как мы рассматриваем себя, возвращая нам достоинство и силу — как людям и как ученым. Эта парадигма поддерживает такие позитивные ценности, как сострадание, уважение и мир. Делая акцент на глубокой связи между нами и природой в целом, постматериалистическая парадигма также ведет к экологической сознательности и сохранению нашей биосферы. Кроме этого (что не ново и было забыто только четыреста лет назад) опыт трансматериального может стать основой здоровья и благополучия человека, как он культивируется и сохраняется в древних практиках ума, тела и духа, религиозных традициях и созерцательных подходах.

18. Переход от материалистической науки к постматериалистической может иметь жизненно важное значение для эволюции человеческой цивилизации. Это может стать даже более важным поворотным моментом, чем переход от геоцентризма к гелиоцентризму.

Ученые мира! Мы приглашаем вас ознакомиться с «Манифестом постматериалистической науки» и подписать его, если вы хотите оказать свою поддержку (см. <http://opensciences.org/>).

* «Манифест постматериалистической науки» был составлен Марио Борегаром, PhD (Университет Аризоны), Гарри Э. Шварцем, PhD (Университет Аризоны) и Лизой Миллер, PhD (Колумбийский университет) в сотрудничестве с Ларри Досси, MD, Александром Морейра-Алмейда, MD, Мэрилин Шлиц, PhD, Рупертом Шелдрейком, PhD, и Чарльзом Тартом, PhD.

** Для дальнейшей информации, пожалуйста свяжитесь с доктором Марио Борегаром из Лаборатории перспективных исследований сознания и здоровья, Департамент психологии, Университет Аризоны, Тусон, США.
Email: mariobeaugard@email.arizona.edu.

*** Мы рассмотрели два способа сослаться на возникающую парадигму в этом манифесте: с дефисом (post-materialism) и без дефиса (postmaterialism). Форма с дефисом была выбрана для большей ясности, как для ученых, так и для простых людей. (На русском языке в любом случае пишется «постматериализм». — Прим. ред.)

**** Итоговый отчет международного саммита о постматериалистической науке, духовности и обществе может быть загружен здесь: International Summit on Post-Materialist Science: Summary Report (английский язык, PDF).

Чтобы подписаться под этим манифестом, пожалуйста, отправьте письмо доктору Марио Борегару с указанием вашего имени, ученой степени, области исследований, должности и учреждения.

Авторы манифеста

Марио Борегар (Mario Beauregard), PhD, нейронаука сознания. Лаборатория перспективных исследований сознания и здоровья, Департамент психологии, Университет Аризоны, США. Автор книг «Духовный мозг» (The Spiritual Brain) и «Войны за мозг» (Brain Wars).

Ларри Досси (Larry Dossey), MD, медицина внутренних болезней.

Независимый ученый и исполнительный редактор журнала «Explore», США. Автор «Восстановления души» (Recovering the Soul).

Лиза Джейн Миллер (Lisa Jane Miller), PhD, клиническая психология. Профессор, директор Института духовности и сознания-тела, Колумбийский университет, США. Редактор «Оксфордского руководства по психологии и духовности» (Oxford Handbook of Psychology & Spirituality), главный редактор журнала «Духовность в клинической практике» (Spirituality in Clinical Practice).

Александр Морейра-Алмейда (Alexander Moreira-Almeida), MD, PhD, психиатрия. Ассоциированный профессор, Федеральный университет Жуис-ди-Фора. Основатель и директор Исследовательского центра духовности и здоровья, Бразилия.

Мэрилин Шлиц (Marilyn Schlitz), PhD, социальная антропология.

Основатель и генеральный директор «Worldview Enterprises». Почетный президент и старший научный сотрудник Института нозических наук, США.

Гари Шварц (Gary Schwartz), PhD, психология, нейрология, психиатрия, хирургия. Профессор, директор Лаборатории перспективных исследований сознания и здоровья, Университет Аризоны, США.

Руперт Шелдрейк (Rupert Sheldrake), PhD, биохимия, биология развития, исследования сознания. Научный сотрудник Института нозических наук. Сотрудник Шумахер Колледжа, Великобритания. Автор «Новой науки о жизни» (A New Science of Life).

Чарльз Т. Тарт (Charles T. Tart), PhD, трансперсональная психология. Постоянный сотрудник, Университет София. Заслуженный профессор психологии, Университет Калифорнии, США.

Александр Малахов (Alexander Malakhov)

Интегральный исследователь, специализирующийся на вопросах религии, сознания, целостного здоровья и социальных изменений. Проживает на Дальнем Востоке России. Основатель интегральной лаборатории «Квадранты» quadrants.link. <http://eroskosmos.org/author/alexmalakhov/>, <http://quadrants.link/>, <http://quadrants.link/integral-studies-russia/#more-83>. <http://eroskosmos.org/manifesto-of-post-materialistic-science/>

СЛОВО К УЧЕНИКАМ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ

Реалистическая философия существовала всегда. Более того, она неоднократно занимала лидирующие позиции среди всех философских течений: в античной Греции, в итальянском Возрождении, в XVIII – в Германии, в XIX веке – в России, в XX веке – в Англии и США. И наконец, в конце XX столетия она вновь

переселяется в Россию, и Россия становится мировым центром реалистической философии. Отвергнув вздорные идеи, будто материю можно вывести из духа или дух вывести из материи, реалисты утверждают их вечное единство, составляющее в совокупности то, что мы называем бытием. Понимая материю как содержание мира, а дух – как его форму, как способ связи элементов содержания, как законы функционирования, реалисты доказывают, что они так же неотделимы друг от друга, как неотделима форма от содержания.

В этом нам, в частности, помог абсолютный метод познания, сформулированный Георгом Фридрихом Вильгельмом Гегелем: На смену тезису – материалистическая философия и антитезису – идеалистическая философия, неизбежно приходит плодотворный синтез – реалистическая философия, которая все расставляет на свои места. (Это в случае, если путь познание правильный).

Не мы первые в списке сторонников реалистического мировоззрения. Тогда в чем состоит наша роль? Мы не просто провозгласили себя философами-реалистами, а мы первые детально обосновали неизбежность развития мировой философской мысли в сторону философского реализма, единственного течения, способного дать полностью адекватное, целостное описание объективной реальности. При этом дали развернутую критику тех, кто критикует реалистическое мировоззрение.

Займет ли теперь реалистическая философия господствующие позиции? Трудно сказать. В условиях возросших конфликтов, вражды между народами, народ жаждет простых, т.е. односторонних, примитивных решений, еще более усиливающих накал враждебности в мире. А это, в конечном счете, чревато самоубийством. В этих условиях именно реалистическое мировоззрение способно спасти человечество от скатывания к трагическому финалу. Напомню еще раз великие слова великого ученого и великого реалиста – Дмитрия Ивановича Менделеева:

– «Истинный идеализм и истинный материализм представляют продукты древности, реализм же дело новое сравнительно с длиною исторических эпох. Так, например, как идеализму, так и материализму свойственно стремление к наступательным войнам, определяемым или просто материальными побуждениями и нуждами, или идеальными стремлениями народов, а реализм всегда идет против всяких наступательных войн и стремится уладить противоречия исходя из действительных обстоятельств, в государственной же жизни – из истории. Идеалисты и

материалисты видят возможность перемен лишь в революциях, а реализм признает, что действительные перемены совершаются только постепенно, путем эволюционным»⁸¹.

Вполне возможно, что обострившаяся ситуация в мире приведет к тому, что философский реализм вновь будет отброшен на неопределенное время. В этих условиях важно сохранить веру в познавательные возможности реалистической философии, которая на голову выше любой другой философской школы. Ведь чем больше нас, философских реалистов будет, тем более надежными будут позиции этого философского направления, не случайно названное реалистическим.

* * *

Я начитался своего любимого Дмитрия Ивановича и хочу тоже сделать предсказание. При всей моей любви к философии, прежде всего, к реалистической философии, она долго не проживет. Вернее, она останется, но не как самостоятельная наука, а как составная часть сверх могучего познавательного органа – филалифии. Философии придется, смиренно опустив глаза, найти свою нишу в общем хоре, равной среди равных своих сестер. Любовь к мудрости останется за греками и их последователями. На смену ей с неизбежностью приходит любовь к правде.

Мне иногда бывает смешно, когда я читаю книги под названием «В мире мудрых мыслей». Погоня за мудростью зачастую оборачивается в них пустозвонством. Примеры:

Платон: *«Всякий имеющий разум, не осмелится выразить словами то, что явилось плодом его размышления, и особенно в такой негибкой форме, как письменные знаки».*

Комментарий. Положение о том, что нельзя мудрую мысль адекватно отобразить в письменном слове, Платон отображает с помощью письменного слова. Мне представляется, что здесь он выступает в роли унтер офицерской вдовы, которая сама себя высекала. Хочется воскликнуть: Платон, ты не прав! Ведь именно потому на века и тысячелетия сохранились твои мудрые мысли, что ты нашел для них нужные слова и они были отображены в печатном слове.

Монтень: *«Если жить в нужде плохо, то нет никакой нужды жить в нужде».*

Комментарий. Приведенная мысль настолько же звонкая и афористичная, насколько и пустая. Люди живут в бедности не потому, что они хотят этого, или не знают, что это плохо, а потому,

---

⁸¹ Менделеев Д.И. Заветные мысли. М., 1995. С.5.

что существующая система хозяйствования обрекает многие миллионы людей, особенно в бедных странах, на жизнь в нужде.

Спиноза: «Чтобы я знал, что я знаю, я должен по необходимости сначала знать».

Комментарий. При всем моем глубококом уважении к Спинозе, я не понимаю, что он тут хотел сказать. Действительно, для того, чтобы я знал, что сегодня понедельник, я должен знать, что сегодня понедельник. И все? Эту цитату я прочитал в книге «В мире мудрых мыслей», но так и не нашел в ней мудрости.

Гольбах: «Случайность есть лишенное смысла слово».

Комментарий. Науке дорого стоило это заблуждение, выдаваемое за мудрость. Лишь синергетика окончательно доказала, что случайность в природе столь же необходима, как и необходимость, и учет ее делает наши знания о мире гораздо более глубокими и богатыми.

Не любовь к мудрости, а любовь к истине, правде должны быть нашим ориентиром. Правда наиболее тесно связана с человеком, и любовь к правде есть, в конечном счете, любовь к человеку. Именно при таком понимании филалифии, в нее неотъемлемой стороной войдет человековедение, что и было проделано в этой книге.

– В отличии от прежней философии, говорившей на искусственном, «птичьем» языке, мало понятным для большинства людей, филалифия разговаривает на живом, человеческом языке.

– В отличии от прежней философии, обслуживающей, прежде всего, интересы партократии (имеется в виду любая партия) филалифия нацелена на то, чтобы максимально помочь человеку наиболее гармонично вписаться в окружающий мир и максимально раскрыть заложенные в нем таланты. Для этого придется использовать все важнейшие достижения культуры, выработанные человечеством за свою историю. Иными словами, в филалифии заложен величайший гуманистический потенциал, который будет привлекать к ней все большее число мыслящих и благородных людей. Не случайно все философы-реалисты так любят человека!

Оглавление

1. ЧТО ТАКОЕ ФИЛАЛИФИЯ?	3
2. МОЙ ПУТЬ В ФИЛОСОФИЮ	12
КТО ТАКИЕ ФИЛОСОФЫ?	12

ОТКРЫТИЕ МИРА В ДЕТСАДОВСКИЙ ПЕРИОД	15
ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ В ШКОЛЬНЫЙ ПЕРИОД ...	17
АРМЕЙСКАЯ СЛУЖБА	19
УЧЕБА НА ФИЛОСОФСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ	20
РАЗДЕЛ I. РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ	24
Глава 1. Смысл и назначение философии	24
1.1. Предмет и основные вопросы философии	24
1.2. Место философии в душе человека	29
ГЛАВА 2. РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ	31
2.1. Материализм – идеализм – реализм	31
2.2. Исторические вехи реализма	36
Глава 3. Бытие, природа, дух	44
3.1. Природа и дух как основные слагаемые бытия	46
3.2. Историческое обоснование всеобщности духа	50
3.3. Теоретическое обоснование нематериальности духа	52
3.4. Атрибуты духа	55
3.5. Души как конкретное воплощение духа.	60
3.6. Русские поэты и космисты о жизнесущности Мироздания	66
Глава 4. Диалектика и ее структура	72
4.1. Что такое реалистическая диалектика?	72
4.2. Диалектика как система	77
4.3. Что такое развитие?	81
Глава 5. Философия ненасилия	87
5.1. Основные этапы развития учения о ненасилии	87
5.2. Сможет ли ненасилие одолеть насилие?	95
Глава 6. Сознание как онтологическая категория	99
РАЗДЕЛ II. РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ	101
Глава 7. Основные понятия гносеологии	101
7.1. Познание: структура и виды	101
Глава 8. Вненаучное познание	106
8.1. Научное и вненаучное познание: от конфронтации к диалогу...	106
8.2. Особенности и виды вненаучного познания	111
8.3. Познавательные особенности науки, искусства, религии и философии	117
Глава 9. Методология научного познания.	123
9.1. Метод и методологии.	123
9.2. Гегель о двойственной природе метода.	127
9.3. Методы диалектики.	129
9.4. О недопустимости экстраполяции метода познания на природу.	138

9.5. Соотношение диалектических и конкретно-научных методов. .	143
РАЗДЕЛ III. ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	145
Глава 10. Значение переходных эпох для постижения глубин человеческого бытия и мироздания.	147
10.1. Переходная эпоха – эпоха кризиса	147
10.2. Негативные черты переломных эпох	150
10.3. Позитивное значение переходных, кризисных эпох	156
Глава 11. Образ человека в истории мировой философии и культуры	162
11.1. Образ человека Востока	163
11.2. Образ западного человека.	164
11.3. Образ человека в русской философии и культуре	165
Глава 12. Сущность человека	171
12.1. О трех уровнях сущности человека	171
12.2. Противоречие между бесконечностью духа и конечностью тела как главное сущностнообразующее противоречие человека .	175
12.3. Страсти как сущностная энергетика человека	177
12.4. Свобода и творчество как необходимые условия становления человеческой сущности	181
12.5. Красота как мост между идеальным и реальным миром	184
12.6. Сущность и существование	187
Глава 13. Тело и душа человека как выражение природного и духовного начал мира	191
13.1. Человек как микрокосм	191
13.2. Что такое душа и где она размещается?	196
13.3. Нематериальность души: за и против	202
13.4. Смертна или бессмертна душа?	204
Глава 14. Закон сохранения духа.	211
14.1. Предсказание Д. И. Менделеева о будущем открытии закона сохранения духа.	211
14.2. Смерть и бессмертие души и тела	214
14.3. Сближение позиций науки и религии в понимании души.....	220
14.4. Дух, душа, духовность	223
Глава 15. Смысл жизни.	226
15.1. Поиски смысла жизни	226
16.2. Счастье как ощущение полноты бытия	229
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Как системный характер философии позволяет решать сложные проблемы?	220
ПРИЛОЖЕНИЕ: ДВА МАНИФЕСТА	224
МАНИФЕСТ РЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	238
МАНИФЕСТ ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	249
СЛОВО К УЧЕНИКАМ И ПОСЛЕДОВАТЕЛЯМ	243

ОБУХОВ Валерий Леонидович,
доктор философских наук, Почетный профессор
Санкт-Петербургского государственного аграрного университета,
Почетный профессор Абхазского государственного университета,
президент Российского общества реалистической философии

Сайт: realfil.com

ОТ ФИЛОСОФИИ К ФИЛАЛИФИИ

Редактор
Компьютерная верстка

Л. Н. Захаров
В.Л. Обухова

Подписано в печать 11.03.23. Формат бумаги 60×88¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15. Уч. изд. л.
15,5
Тираж 50 экз.

ХИМИЗДАТ
191023, Санкт-Петербург, Апраксин пер., 4
E-mail: chimizdat@yandex.ru

Типография Санкт-Петербургского государственного аграрного
университета. Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, д.
2, Главный Корпус.